СЕБАСТЬЯН

ФИТЦЕК

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1 В ГЕРМАНИИ

Переведен на 30 языков мира

Новый роман от звезды немецкого психологического триллера

23-й ПАССАЖИР

ЛУЧШАЯ КНИГА МЕСЯЦА ПО ВЕРСИИ SPIEGEL

Продано 12 000 000 экземпляров

Annotation

Пять лет назад у полицейского агента Мартина Шварца без вести пропали жена и сын, путешествующие на круизном лайнере «Султан морей». Тогда круизная компания отстаивала версию суицида. Однако Мартин в это не верил. И вот ему звонит пассажирка того самого лайнера и заявляет, что он должен немедленно явиться на борт «Султана морей», у нее есть доказательства того, что его жена не по своей воле бросилась в море. Более того, возможно, его сын еще жив, а на лайнере происходят странные вещи. Бросив все дела, Мартин отправляется в нежеланное путешествие, преисполненный решимости докопаться до истины…

Себастьян Фитцек
Двадцать третий пассажир

** * **

Начиная с 2000 года во всем мире по меньшей мере 200 пассажиров и членов судовых команд круизных теплоходов и паромов оказались за бортом судна.

«Бесследно исчезли» (Тагесшпигель. 25.08.2013)

Круизный лайнер похож на небольшой городок. Но в обычном городе никто не в состоянии в один прекрасный день прыгнуть за борт, чтобы исчезнуть навсегда.

Американский конгрессмен Кристофер Сейз (Гардиан. Лондон, 2010)

Рекордное число пассажиров: круизная отрасль преодолела планку в 20 миллионов пассажиров. […] Отрасль отмечает прирост в 10 процентов, но ее потенциал еще далеко не исчерпан.

«Шпигель» онлайн. 11.09.2012

Пролог

Человеческая кровь:

• 44 процента гематокрит.

• 55 процентов плазма.

• И настоящее свинство, если она, выйдя из-под контроля, брызнет во все стороны из пульсирующей артерии.

Доктор, как он любил себя называть, хотя, совершенно определенно, не защищал докторскую диссертацию, вытер лоб тыльной стороной ладони. При этом он только размазал капли крови, попавшие на него, что, очевидно, выглядело со стороны довольно мерзко, но зато теперь кровь не попадала ему в глаза; как это случилось в прошлом году, при «обработке» проституток, после которой в течение шести недель он трясся от страха, боясь заразиться ВИЧ, гепатитом С или еще какой-нибудь гадостью.

Он терпеть не мог, когда что-то шло не по плану. Когда неправильно рассчитывалась дозировка обезболивающего средства. Или когда *избранные* в последний момент начинали сопротивляться и вырывали иглу из вены.

– Пожалуйста, не надо… нет, – пробормотал его клиент. Доктор предпочитал употреблять именно это слово. «Избранный» было слишком высокопарным, а «пациент» звучало не к месту, так как действительно больными были лишь немногие из тех, кто обращался к нему за помощью. И этот малый, лежавший на операционном столе, был здоров как бык, хотя в настоящий момент у него был такой вид, словно его подключили к высоковольтной линии электропередачи. Чернокожий атлет закатывал глаза и выгибал спину, тщетно пытаясь разорвать путы, которые удерживали его на кушетке. Из его рта пошла пена. Это был натренированный спортсмен, и в свои двадцать четыре года он находился на пике своей физической формы. Но какое значение имели теперь все эти годы тяжелых тренировок, когда теперь по его венам струился наркотик? Его было недостаточно, чтобы атлет полностью отключился, ведь подача анестезии прервана, однако этого вполне хватило, чтобы доктор без труда удержал его на кушетке, после того как самый тяжелый приступ миновал. И кровь не била больше фонтаном, после того как доктору удалось наложить давящую повязку.

– Тише, тсс, тсс, тсс, тсс.

Доктор положил руку на лоб спортсмена, чтобы тот успокоился. Его лоб пылал, на коже выступили мелкие капельки пота, блестевшие в свете галогенной лампы.

– Что это вдруг в вас вселилось?

Клиент открыл рот. В его глазах читался панический страх. Доктор с трудом разбирал слова, срывавшиеся с его запекшихся губ.

– Я… не хочу… уми…

– Но, но, мы же с вами договорились, – успокаивающе улыбнулся доктор. – Все уже устроено. Только не вздумайте идти на попятный незадолго до идеальной смерти.

Он бросил взгляд через открытую дверь в соседнюю комнату, на стол со скальпелями и электропилой для распилки костей, которая уже была включена в розетку.

– Разве я не разъяснил вам все до мелочей? – Он тяжело вздохнул. Конечно, он сделал это. Часами убеждал его. Снова и снова, однако, очевидно, этот неблагодарный болван так ничего и не понял. – Конечно, все будет очень неприятно. Но только таким образом я смогу заставить вас действительно умереть. По-другому просто не получится.

Легкоатлет жалобно застонал. Попытался вырваться из прочных петель, которые сковали его руки и ноги, правда уже далеко не так энергично, как прежде.

Доктор с удовлетворением отметил, что наркоз начал наконец действовать. Еще немного – и можно было начинать «обработку» клиента.

– Видите ли, я мог бы остановить процесс, – сказал он, не убирая руки со лба спортсмена. Другой рукой он поправил стерильную маску. – Но тогда вся ваша жизнь будет состоять из страха и боли. Невообразимой боли.

Темнокожий спортсмен несколько раз моргнул. Постепенно его дыхание начало успокаиваться.

– Я же показывал вам фотографии. И видео. Со штопором и половинкой глаза. Вы же не хотите испытать нечто подобное, не так ли?

– Хмхмххммм, – простонал клиент, словно у него во рту был кляп, потом черты его лица расслабились и дыхание стало менее глубоким.

– Я буду считать, что это означает «нет», – сказал доктор и ногой снял каталку с тормоза, чтобы перевезти клиента в соседнее помещение.

В операционную.

Три четверти часа спустя первая и самая важная фаза «обработки» клиента была завершена. На руках доктора уже не было резиновых

перчаток, а маску и одноразовый халат зеленого цвета, завязывающийся на спине как смирительная рубашка, он бросил в мусоропровод. Тем не менее в смокинге и темных лакированных туфлях, которые были теперь на нем вместо экипировки хирурга, доктор чувствовал себя так, словно оделся для маскарада.

Словно оделся для маскарада и был под хмельком.

Он уже не помнил, когда это началось, что после каждой удачной «обработки» клиента он позволял себе пропустить глоточек. Или десять, как только что. Проклятье, с этим надо завязывать, хотя он еще никогда не пил до операции, а только после нее. Тем не менее. Водка сделала его легкомысленным.

Навела на глупые мысли.

Как, например, на такую: «А не прихватить ли ногу с собой?»

Хихикнув, он посмотрел на часы.

Уже было двадцать часов тридцать три минуты; он должен был спешить, если не хотел опоздать к подаче главного блюда. Закуску он уже пропустил. Однако, прежде чем заняться жареной цесаркой, которая была сегодня в меню, ему надо было сначала утилизировать биологические отходы – так и не понадобившуюся консервированную кровь и правую голень, которую он отпилил сразу под коленкой. Это была отлично выполненная чистая работа.

Голень была завернута в саморазлагающийся пластиковый пакет, она оказалась такой тяжелой, что когда он вышел на лестничную клетку, то ему пришлось нести ее двумя руками.

Доктор чувствовал, что опьянел, но не настолько, чтобы не осознавать, что в трезвом состоянии ему никогда не пришла бы в голову мысль открыто таскать с собой части тела, вместо того чтобы просто выбросить их в установку для сжигания мусора. Но он так рассердился на своего клиента, что не смог отказать себе в удовольствии и рискнул. Да и риск-то был невелик. Совсем невелик.

Сегодня по судовому радио передали штормовое предупреждение. Он пройдет по запутанным переходам, минует узкую шахту, по которой можно было передвигаться только согнувшись, и по коридору с желтыми вентиляционными трубами доберется до грузового лифта, а на палубе наверняка не встретит ни души.

Кроме того, место, которое он выбрал для утилизации отходов, не просматривалось ни с одной из камер видеонаблюдения.

Возможно, я слегка пьян, но не глуп.

Он преодолел последний отрезок пути, оказался на площадке верхнего

конца лестницы, которой ремонтная бригада пользовалась – если вообще пользовалась – лишь раз в месяц, и потянул за ручку тяжелой двери с иллюминатором.

Ему в лицо подул сильный ветер, и у него появилось такое чувство, словно он уперся в стену, которую ему предстояло преодолеть, прежде чем выйти на палубу.

На свежем воздухе у него резко упало давление. В первое мгновение ему стало плохо, но он быстро взял себя в руки, а соленый морской воздух вновь вернул его к жизни.

Теперь он пошатывался уже не из-за алкоголя, а из-за сильного волнения на море, которое благодаря стабилизаторам не так ощущалось внутри «Султана морей».

Широко расставляя ноги, он зашагал, пошатываясь, по деревянному настилу. Сейчас он находился на так называемой «палубе 8», промежуточной площадке, которая существовала только для красоты. Если смотреть издали, то она придавала кормовой части круизного лайнера более элегантную форму, так же как спойлер в спортивном автомобиле.

Доктор добрался до самого дальнего края левого борта кормы и перегнулся через поручни. Под ним бушевал Индийский океан. Направленные назад прожекторы освещали горы пены, которые оставлял позади себя круизный теплоход.

Собственно говоря, доктор хотел еще громко продекламировать какое-нибудь подходящее изречение, типа «Hasta la vista, Baby» («До встречи, детка») или «Буду готов, когда будете готовы вы», но ему в голову не приходило ничего веселого, поэтому, размахнувшись пошире, он молча бросил пакет с голенью спортсмена за борт.

«В теории это воспринималось в некотором смысле лучше», – подумал он, постепенно трезвея.

Ветер так громко свистел в его ушах, что он не мог слышать легкий всплеск, с которым голень упала в волны океана с высоты пятидесяти метров. Зато он четко услышал голос у себя за спиной:

– Что это вы здесь делаете?

Он быстро обернулся.

Особа, перепугавшая его до смерти, слава богу, не являлась взрослым сотрудником корабельной команды или службы безопасности, а оказалась всего лишь юной девочкой; не старше той малышки, которую он «обработал» вместе со всей ее семьей у западного побережья Африки два года тому назад. Она сидела, скрестив ноги, рядом с кондиционером или еще каким-то агрегатом. Доктор не разбирался в технике настолько же

хорошо, насколько хорошо умел обращаться со скальпелем.

Он не заметил ее, девочка была совсем маленькой, а на палубе было довольно темно. Даже сейчас, когда доктор пристально всматривался в темноту, он мог видеть только смутные контуры ребенка.

– Я кормлю рыбок, – ответил он, радуясь тому, что ему удалось произнести это спокойным тоном, не обнаруживая охватившее его волнение. Девочка не представляла для него угрозы, но все же свидетели ему не нужны.

– Вам дурно? – спросила она. На ней была светлая юбка с темными колготками и спортивная куртка с капюшоном. Из предосторожности она надела красный спасательный жилет, такие жилеты лежали в шкафу в каждой каюте.

Славная девчушка.

– Нет, – ответил он и ухмыльнулся. – Мне хорошо. Как же тебя зовут?

Постепенно его глаза привыкли к темноте. У девочки были длинные волосы до плеч и немного оттопыренные уши, что ее совсем не портило. Наоборот. Он мог бы поспорить, что при свете дня в ней можно было бы рассмотреть привлекательную молодую женщину, в которую она однажды превратится.

– Меня зовут Анук Ламар.

– Анук? Это французское уменьшительное имя от Анны, верно?

Девочка улыбнулась.

– О, вы и это знаете?

– Я много чего знаю.

– Ах так! Тогда, может быть, вы знаете, почему я сижу здесь?

Ее дерзкий голосок звучал очень высоко, ей приходилось повышать голос, чтобы перекричать ветер.

– Ты рисуешь море, – догадался доктор.

Она прижала к груди альбом для рисования и усмехнулась:

– Это было легко. Что вы еще знаете?

– Что тебе здесь нечего делать и давно пора быть в постели. Куда подевались твои родители?

Она вздохнула:

– Моего отца уже нет в живых. А где моя мать, я не знаю. По вечерам она часто оставляет меня одну в каюте.

– А там тебе скучно?

Девчушка кивнула.

– Она всегда возвращается очень поздно, и тогда от нее воняет. – Затем, понизив голос, она добавила: – Табаком. И вином. И она храпит.

Не выдержав, доктор рассмеялся:

– Иногда это случается с взрослыми.

Послушала бы ты, как храплю я. Он показал на ее альбом:

– Неужели ты смогла сегодня что-то нарисовать?

– Нет. – Она покачала головой. – Вчера были видны чудесные звезды, но сегодня все небо затянуто тучами.

– И сегодня к тому же холодно, – согласился с ней доктор. – Как ты считаешь, не пора ли нам поискать твою маму?

Анук пожала плечами. По ее виду было заметно, что она не очень обрадовалась, однако ответила:

– О’кей, почему бы и нет.

Она легко встала без помощи рук.

– Иногда она торчит в казино, – сказала девочка.

– О, это как нельзя кстати.

– Почему?

– Потому что я знаю короткий путь туда, – с улыбкой ответил доктор.

Он бросил последний взгляд через леерное ограждение на океан, который в этом месте был таким глубоким, что нога легкоатлета, возможно, еще не достигла дна. Потом он взял девочку за руку и повел ее к лестничной клетке, которую только что сам покинул.

Глава 1

Берлин

Дом, в котором должна была состояться смертельная вечеринка, выглядел точно так же, как домик, о котором они раньше мечтали. Стоящий в отдалении от других коттеджей, с красной черепичной крышей и большим садом за аккуратным забором из белого штакетника. По выходным они бы жарили мясо или сосиски на гриле, а летом поставили бы на лужайку надувной бассейн. Он пригласил бы друзей, и они болтали бы о работе, о причудах своих вторых половинок или просто лежали бы в шезлонгах под зонтиком и смотрели на резвящихся детей.

Они с Надей уже присмотрели себе такой домик, Тимми как раз только что пошел в школу. Четыре просторные комнаты, две ванные, камин. С оштукатуренными стенами кремового цвета и зелеными ставнями. Совсем недалеко отсюда, на границе между берлинскими районами Вестэнд и Шпандау, всего лишь в пяти минутах езды на велосипеде до начальной школы Вальдгрундшуле, где тогда преподавала Надя. Поблизости от спортивных площадок, где его сын мог бы играть в футбол. Или в теннис. Или заниматься каким-нибудь другим видом спорта.

Но тогда такой домик был им не по карману.

А сегодня уже не осталось никого, кто бы мог где-нибудь поселиться вместе с ним. Надя и Тимми были мертвы.

Как вскоре будет мертв и двенадцатилетний подросток в доме, за которым они сейчас наблюдали и который принадлежал некоему господину по имени Детлеф Прига, если они будут и дальше попусту терять время, сидя здесь в своем черном вэне.

– Ну все, я иду к ним, – сказал Мартин Шварц. Он сидел сзади, в лишенной окон задней части фургончика. Мартин бросил в пластиковое ведро для мусора одноразовый шприц, молокообразное содержимое которого он только что ввел себе в вену. Потом он встал и на мгновение задержался перед столиком с компьютером, на экране которого был виден внешний вид объекта полицейской операции. Его лицо отразилось в затемненных стеклах автомобиля. «Я выгляжу как наркоман, которого лишили очередной дозы», – подумал Мартин, и это было оскорблением. Для любого наркомана.

Он сильно похудел за последние годы, значительно сильнее, чем это

можно было бы считать полезным для здоровья. Только его нос оставался таким же массивным, как и прежде. Здоровенный паяльник, который из поколения в поколение передавался всем мужчинам их рода и который его покойная жена находила очень сексуальным, что Мартин считал бесспорным доказательством того, что любовь действительно ослепляет. Вообще-то этот носяра придавал его лицу добродушное, вызывающее доверие выражение; время от времени незнакомые люди кивали ему на улице, лежавшие в коляске младенцы улыбались, когда он склонялся над ними (возможно, они принимали его за клоуна), а женщины иногда начинали откровенно флиртовать с ним даже в присутствии своих мужей.

Но сегодня они не стали бы этого делать, наверняка нет, пока на нем были эти шмотки. Плотно облегающий черный кожаный костюм, который он напялил на себя, неприятно похрустывал при каждом вдохе. Когда Мартин протискивался к выходу из фургона, его костюм так громко хрустел, словно кто-то завязывал узлом огромный воздушный шарик.

– Стой, подожди! – воскликнул вдруг Армин Крамер, полноватый комиссар, который руководил операцией и уже несколько часов сидел напротив Мартина за компьютерным столиком.

– Чего ждать?

– Подожди, пока…

В этот момент зазвонил мобильник Крамера, и он запнулся на полуслове, так и не закончив фразу, и поприветствовал звонившего красноречивым «Хм?». В ходе дальнейшего разговора он ограничился только короткими репликами: «Что?», «Нет!», «Ты издеваешься надо мной!», «И скажи засранцу, который запорол все дело, чтобы он потеплее оделся. Почему? Потому что в октябре на улице собачий холод, а он в течение нескольких часов будет валяться перед участком, когда я его отделаю».

Крамер отключил телефон.

– Твою мать.

Комиссар любил выражаться как американский коп из отдела по борьбе с распространением наркотиков. И так же выглядел. Он носил стоптанные ковбойские сапоги, рваные джинсы и рубашку, рисунок которой в косую красно-белую клетку напоминал кухонное полотенце.

– В чем проблема? – поинтересовался Шварц.

– В Йенсене.

– А что с ним?

И как этот тип может доставлять нам какие-то проблемы? Он же сидит у нас в одиночной камере.

– Не спрашивай меня как, но этот ублюдок умудрился послать Приге СМС-сообщение.

Шварц кивнул. Эмоциональные взрывы, подобные тем, что случались с его начальником, который в ярости буквально рвал на себе волосы, были ему чужды. Кроме укола адреналина прямо в сердечную мышцу вряд ли что-то могло бы заставить его пульс биться чаще. И уж никак не сообщение, что какому-то бывшему зэку удалось заполучить в одиночной камере наркотики, оружие или, как этому Йенсену, сотовый телефон. Жизнь в тюрьме была организована лучше, чем в любом супермаркете, с более богатым выбором товаров и с более удобным временем обслуживания клиентов. В том числе по воскресеньям и праздничным дням.

– Он предупредил Пригу? – спросил Мартин Крамера.

– Нет. Подонок позволил себе пошутить, однако это равнозначно тому, что он его предупредил. Он хочет, чтобы ты попал в ловушку.

Комиссар помассировал мешки под глазами, которые с каждой новой полицейской операцией становились все больше. «Если бы я захотел отправить их по почте, то мне пришлось бы отправлять их бандеролью», – пошутил недавно Крамер.

– Это как же?

– Он написал ему, чтобы Прига не пугался, если он вдруг тотчас заявится к нему на вечеринку.

– Почему не пугался?

– Потому что он якобы споткнулся и выбил себе резец. Вверху слева.

Крамер прикоснулся своими пухлыми пальцами к соответствующему месту во рту.

Шварц кивнул. Он никак не ожидал такой креативности от мерзкого извращенца.

Он посмотрел на свои часы. Было несколько минут шестого.

Еще немного, и уже будет слишком поздно.

– Проклятье! – В сердцах Крамер стукнул кулаком по крышке компьютерного столика. – Так долго готовились, и все коту под хвост. Нам придется отменить операцию.

Комиссар привстал со своего места, чтобы перебраться на переднее сиденье.

Шварц уже открыл рот, чтобы возразить, но тотчас понял, что Крамер был прав. Почти полгода они готовились к этому дню. Все началось со слуха в среде педофилов-извращенцев и геев, который казался таким невероятным, что долгое время его считали городской легендой. Однако,

как выяснилось позднее, подобные «баг-парти»[1] были не страшными сказками, а действительно существовали. На так называемых «баг-парти» ВИЧ-инфицированные вступали в незащищенный половой контакт со здоровыми людьми. Чаще всего это происходило с обоюдного согласия партнеров, что делало такие мероприятия, на которых опасность заразиться должна была способствовать повышению остроты ощущений, скорее случаем для психиатра, а не для прокурора.

По мнению Шварца, взрослые люди могут делать с собой что угодно, если это происходит добровольно. Его лишь возмущало то обстоятельство, что из-за безумного поведения сексуального меньшинства излишне усиливались глупые предрассудки, которые имелись у многих в отношении ВИЧ-инфицированных. Так как, разумеется, подобные «баг-парти» являлись абсолютным исключением, в то время как подавляющее большинство инфицированных осознавало свою ответственность перед обществом, а многие из них даже вели активную борьбу против болезни и социальной стигматизации ее жертв.

Это была борьба, призванная искоренить самоубийственные «баг-парти».

Тем более подобные психопатические варианты.

Новым направлением в этой субкультуре были «мероприятия», во время которых насиловались и заражались вирусом иммунодефицита невинные жертвы. Чаще всего несовершеннолетние. И перед публикой, которая платила за зрелище. Новый аттракцион на ярмарке гнусности, палатки которой были открыты в Берлине круглые сутки. Часто в приличных районах и в домах добропорядочных граждан, о которых нельзя было даже подумать, что они способны на что-либо подобное. Как, например, сегодня здесь, в Вестэнде.

Детлеф Прига, человек, который в обычной жизни продавал различные медицинские товары, был желанным партнером городского Управления по делам молодежи, ведь он регулярно забирал к себе самых трудных приемных детей. Детей, подвергавшихся домашнему насилию, имевших проблемы с наркотиками и алкоголем, которые повидали в своей жизни больше приютов, чем обычных классных комнат. Заблудшие души, которым часто не оставалось ничего другого, как соглашаться на секс, чтобы им позволили где-нибудь переночевать. Никого не беспокоило, когда они через некоторое время вновь сбегали и скитались по стране, пока их, больных и одичавших, вновь не подберут социальные работники. Они были идеальными жертвами, нарушителями спокойствия, избегавшими встреч с полицией, которым уже редко кто верил, если они были

вынуждены вновь обратиться за помощью.

Также и Лиам, двенадцатилетний беспризорник, который уже месяц жил в доме Приги, вскоре после сегодняшней вечеринки будет снова выброшен на улицу. Но прежде ему придется на глазах присутствующих гостей заняться сексом с Куртом Йенсеном, сорокатрехлетним ВИЧ-инфицированным педофилом.

Прига познакомился с Йенсеном через специальные сайты в Интернете и в результате попал в сети полиции.

Между тем педофил уже две недели находился в предварительном заключении. За это время Шварц подготовился к тому, чтобы выступить в роли Йенсена, что было относительно легко, так как Прига и Йенсен не обменивались фотографиями. Мартину пришлось лишь напялить на себя облегающий кожаный костюм (так пожелал Прига, который хотел снять все на видео) и обрить наголо голову, так как Йенсен описал себя высоким, худым, зеленоглазым и лысым. Эти приметы вполне подходили и к Мартину Шварцу благодаря тому, что он побрил голову и вставил контактные линзы.

Самой большой трудностью в маскировке агента оказался положительный тест на ВИЧ, наличие которого потребовал Прига. И не заранее, а его нужно было провести прямо на вечеринке. Прига сообщил, что уже приготовил для этого ускоренные пробы из голландской интернет-аптеки. Достаточно одной капельки крови – и через три минуты результат появится в смотровом окошке контрольной полоски.

Шварц знал, что именно из-за этой, самой по себе неразрешимой проблемы его и выбрали для проведения этой операции. С момента гибели его семьи он считался в полицейских кругах своего рода ходячей «бомбой замедленного действия». Тридцативосьмилетний тайный агент, работающий под прикрытием, неумолимо приближался к своему пенсионному возрасту. К тому же он обладал таким важным качеством, которое в экстренных случаях не раз спасало жизнь ему лично и его команде, как абсолютное отсутствие чувства страха.

Уже четыре раза полицейские психологи проверяли его. И все четыре раза они приходили к выводу, что он так и не справился с самоубийством своей жены – и особенно с тем обстоятельством, что она до самоубийства сначала лишила жизни их сына. Четыре раза психологи рекомендовали отправить его на досрочную пенсию, так как человек, который не видит смысла в своей жизни, может пойти на безответственный риск при исполнении своих служебных обязанностей.

И все четыре раза они были абсолютно правы.

И тем не менее сегодня он снова сидел в полицейском фургончике, и не только потому, что был лучшим в своей профессии. Но прежде всего потому, что никто не согласился добровольно ввести себе в кровь антитела ВИЧ, чтобы фальсифицировать результат ускоренной пробы на наличие вируса иммунодефицита. И хотя благодаря специальному методу стерилизации сыворотка крови была очищена от возбудителей, вызывающих СПИД, но полицейский врач не гарантировал ему стопроцентную безопасность, поэтому сразу после завершения операции Шварц должен был в течение четырех недель пройти курс медикаментозного лечения, так называемую постэкспозиционную профилактику, сокращенно ПЭП. Однажды ему уже пришлось испытать на себе этот метод, после того как один наркоман уколол его в шею окровавленным шприцем. В инструкции к пилюлям, которые надо было принять не позднее чем через два часа после контакта с ВИЧ-инфицированным, было написано, что могут возникнуть такие побочные явления, как головные боли, понос и рвота. Очевидно, Шварц оказался более восприимчивым, чем другие испытуемые. И хотя он не блевал и не сидел дольше, чем обычно, на горшке, зато сильнейшие приступы мигрени доводили его до потери сознания.

– Я должен идти, – сказал он Крамеру, глядя на монитор.

В течение последних десяти минут в дом никто больше не входил. За время наблюдения они насчитали семь гостей, пять мужчин и две женщины. Все они прибыли на такси. Практично, если не хочешь, чтобы кто-то записал номера припаркованных автомобилей.

– А что, если Прига принял во внимание все возможности и пригласил кого-то на замену на тот случай, если я пойду на попятный? – спросил Шварц. По всей вероятности, гости были здоровы. Разумеется, не в психическом, а в физическом смысле. Но наверняка они этого, конечно, не знали.

Крамер покачал головой:

– Вряд ли найдется много инфицированных педофилов, готовых на что-либо подобное. Ты же знаешь, как долго Приге пришлось искать Йенсена.

Да. Он это знал.

Тем не менее. Риск был слишком велик.

Но они не могли также просто взять дом штурмом. Они не смогли бы ничем обосновать свои действия. Изнасилование должно было произойти в подвале. У Приги были собаки, которые уже успели облаять каждого посетителя. Даже если бы они действовали молниеносно, им бы не удалось

взломать двери и поймать преступников с поличным. А тогда за что они должны были бы арестовать присутствующих? Это же не преступление – закрыться в котельной и установить видеокамеру перед матрасом. Даже в том случае, если на этом матрасе лежал обнаженный по пояс двенадцатилетний мальчик. В лучшем случае они могли бы лишь на несколько часов взять под стражу Пригу и его гостей. В худшем случае это послужило бы для психопатов предупреждением.

– Мы не можем допустить, чтобы двенадцатилетний мальчик был изнасилован и заражен ВИЧ-инфекцией, – возмутился Шварц.

– Я не знаю, может быть, до этого я говорил слишком быстро, – сказал Крамер и с ударением повторил каждое слово так медленно, словно разговаривал со слабоумным: – Ты не сможешь туда войти. У тебя. Еще. Все. Зубы. На месте!

Шварц поскреб подбородок, заросший трех– или семидневной щетиной. Он не мог точно сказать, когда в последний раз ночевал дома.

– А что с нашим доком, где Малхов?

– Врач нашей опергруппы? – Крамер посмотрел на Шварца так, словно тот попросил у него памперс для взрослых. – Послушай, я знаю, что у тебя не все дома, но даже ты не можешь быть чокнутым настолько, что позволишь вырвать себе здоровый зуб. А если даже и так… – Он посмотрел на часы. – Малхов будет здесь не раньше чем через двадцать минут, для анестезии потребуется еще минуты три, и операция займет не менее пяти минут. – Комиссар показал на монитор с видом дома спереди. – Кто сказал тебе, что самое большое через полчаса вечеринка не закончится?

– Ты прав, – сказал Шварц и устало опустился на скамью с мягкой обивкой у боковой стенки фургона.

– Итак, даем отбой? – спросил Крамер.

Шварц не ответил и запустил руку под сиденье. Он вытащил свой зеленый армейский вещмешок, который брал с собой на каждую операцию.

– Что ты задумал? – насторожился комиссар.

Шварц выбросил на пол фургона свои старые шмотки, вместо которых надел кожаный костюм, и начал рыться в глубине мешка.

Прошло несколько секунд, и он уже отыскал среди мотков проволоки и рулонов клейкой ленты, среди батареек и инструментов искомый предмет.

– Скажи мне, пожалуйста, что это только шутка, – сказал Крамер, когда Мартин попросил у него зеркало.

– Забудь об этом, – спокойно ответил Шварц, пожимая плечами. – Я справлюсь и без зеркала.

После этих слов он поднес клещи к своему левому верхнему резцу.

Глава 2

Шесть часов спустя

– Вы окончательно свихнулись.

– Спасибо, фрау доктор, что вы в такой деликатной форме сообщили мне об этом.

– Нет, действительно.

У загорелой молодой докторши был такой вид, словно она собиралась устроить ему взбучку. Сейчас она спросит, не считает ли он себя Рембо, как это уже сделали Крамер, начальник подразделения спецназа берлинской полиции, оба санитара службы спасения и полдюжины других коллег, когда операция закончилась.

Зубной врач берлинской клиники «Шарите», согласно бейджику на ее халате доктор Марлис Фендрих, возмущенно хватала ртом воздух сквозь одноразовую небесно-голубую защитную маску.

– Кем вы себя считаете? Рембо?

Он улыбнулся, что было ошибкой, так как из-за этого холодный воздух попал на обнаженный нерв. Он сломал себе зуб у самой челюстной кости, и теперь острая боль пронзала его голову всякий раз, когда он прикасался языком к корню зуба.

Кресло, в котором он сидел, опустилось, и теперь он полулежал на спине. Над его головой появилась широкая дуговая лампа, свет которой ослепил его.

– Откройте рот! – приказала врач-стоматолог, и он повиновался.

– Вы знаете, как трудно снова восстановить зуб? – донеслось до него. Она склонилась к его лицу так близко, что он мог видеть даже поры кожи ее лица. В отличие от него она уделяла большое внимание совей внешности. Последний пилинг лица ему сделали около года тому назад. Тогда два здоровенных словенца проволокли его лицом по асфальту на автостоянке при автостраде.

Дело всегда кончалось скверно, когда его подводила маскировка.

– Вы оставили мне всего лишь какой-то миллиметр зуба, этого слишком мало, чтобы поставить на него коронку, – продолжала ворчать Марлис. – Мы можем попытаться сделать экструзию, другими словами удалить корень, который еще сидит в челюсти. Конечно, хирургическое наращивание коронки было бы предпочтительнее, тогда мы, возможно,

обошлись бы без имплантации, правда, прежде надо было бы основательно прочистить корневой канал. После того, что вы сделали с собой, полагаю, вам не понадобится анестезия, если я немного посверлю кость…

– Двенадцать! – прервал поток ее слов Мартин.

– Что «двенадцать»?

– Столько лет было мальчику, которого они приковали к качелям. Они вставили ему в рот специальный зажим, чтобы бедняга не мог закрыть его и таким образом уклониться от орального секса. Я должен был заразить его СПИДом.

– Боже мой!

Лицо докторши потеряло большую часть отпускного загара. Шварц задался вопросом, где она могла провести отпуск. В середине октября надо было улетать подальше от Европы, чтобы понежиться на солнышке. Или надо, чтобы тебе повезло с погодой. Как ему с Надей шесть лет тому назад. Это была их последняя поездка на Майорку. Они смогли отпраздновать десятилетие Тимми прямо на пляже, и он тогда сильно обгорел на солнце. Последний раз в своей жизни. Год спустя его жена и сын были мертвы, а он сам никогда больше не брал отпуск.

– Преступник ожидал прихода лысого педофила, у которого не было верхнего резца слева. Что еще сказать… – Мартин погладил свой лысый череп, – у моего парикмахера было примерно такое же настроение, как и у вас.

Симпатичная докторша заставила себя нервно улыбнуться. По ее лицу было видно, что она не знала, пошутил ли Шварц или нет.

– А он, я имею в виду мальчик, его…

– С ним все хорошо, – ответил Мартин.

По меньшей мере, настолько хорошо, насколько хорошо мог чувствовать себя приемный ребенок, снова оказавшийся в детском доме, вскоре после того как его освободили из лап безумных извращенцев. Тогда в доме Приги Шварц подождал, пока на диктофон не был записан приказ педофила «засадить мальчишке во все дыры». Видеокамера, спрятанная среди заклепок его кожаной куртки, зафиксировала довольные ухмылки сгорающих от нетерпения гостей, к которым он повернулся, прежде чем произнести условленное слово «тостер», послужившее для полицейского спецназа сигналом к штурму виллы. Вместе с якобы положительным тестом на ВИЧ и видео со стационарных камер, установленных самим Пригой, у них было достаточно обличительного материала, чтобы засадить этих свиней за решетку на очень долгий срок.

– Если повезет, годика на два с половиной, – проворчал Крамер, когда

вез его в клинику «Рудольф Вирхов», где они сначала вручили ему средства для постэкспозиционной профилактики: принимать по три пилюли ежедневно, в течение пяти недель. Затем Крамер должен был заняться срочной работой с бумагами, вот почему Мартин, постоянно расспрашивая о дороге, отправился один в зубоврачебную клинику, где теперь после двух часов ожидания наконец-то наступила и его очередь.

– Мне очень жаль, – извинилась загорелая докторша. У нее было маленькое личико с немного великоватыми ушами и милыми веснушками на носу. В другой жизни Шварц, возможно, подумал бы, а не попросить ли у нее номер телефона, чтобы потом тотчас отбросить эту шальную мысль, ведь тогда он был женат. Такова извечная жизненная проблема. Никак не удается добиться синхронизации по времени. Или встречаешь привлекательную женщину, а у тебя на пальце уже обручальное кольцо. Или же кольца у тебя больше нет, а каждая привлекательная женщина напоминает тебе о том, что ты потерял.

– Мне лишь сказали, что вы сами поранились на службе. Что вы просто…

– Чокнутый? – подсказал ей Мартин, так как докторша не решилась закончить предложение.

– Да. Но я не знала, что…

– Все о’кей. Просто удалите остаток корня и все снова зашейте.

Доктор Фендрих покачала головой:

– Так просто это не делается. Вы же наверняка хотите, чтобы я поставила вам штифт…

– Нет, – отмахнулся Шварц.

– Но вам же не может быть все равно, что так обезображено…

– Если бы вы знали, насколько мне все безразлично, – глухо возразил он, и в этот момент в кармане его брюк зазвонил мобильник. – Одну минуточку подождите. Извините, пожалуйста.

Ему пришлось слегка повернуться на бок, чтобы достать свой сотовый из заднего кармана брюк. Кто бы ему сейчас ни звонил, он делал это со скрытого номера.

– Послушайте, там, в коридоре, и другие пациенты ожидают своей… – начала было докторша и обиженно отвернулась, когда Шварц проигнорировал ее протест.

– Да? Слушаю.

Но телефон молчал. В трубке слышался лишь сильный шум, который напомнил Мартину старые модемы или рекламу крупнейшего провайдера Интернета AOL.

– Алло?

Он услышал эхо своего собственного голоса и уже собирался прервать связь, когда в трубке раздался стук, словно кто-то бросил игральные кости на стеклянную столешницу. Потом шум стал тише, раздалось два громких щелчка, и внезапно он смог разобрать каждое слово.

– Алло? Меня зовут Герлинда Добковиц. Я говорю с неким господином по имени Мартин Шварц?

Мартин сразу насторожился. У тех людей, которые набирали этот номер, не было причин спрашивать его имя. Свой личный номер он доверил лишь немногим, и все они знали, как его зовут.

– Алло? Господин Шварц?

Незнакомый голос в телефоне звучал с венским акцентом, и он принадлежал или пожилой женщине, или молодой даме, у которой были большие проблемы с алкоголем. Шварц поставил на первый вариант, во-первых, из-за старомодного имени, а во-вторых, из-за архаичной манеры выражаться.

– Откуда у вас номер моего телефона? – поинтересовался он у нее.

Даже если бы эта дама была из телефонной компании, во что он не верил, то она обратилась бы к нему не по его гражданскому имени, а назвала бы его Петер Пакс, это был псевдоним, под которым он оформлял этот номер. Это был его любимый псевдоним, так как он напоминал ему о Питере Пэне, персонаже из классического мультфильма Диснея.

– Скажем так: я очень хорошо искала, – ответила позвонившая дама.

– Что вам нужно от меня?

– Я скажу вам об этом, когда мы увидимся. – Герлинда Добковиц хрипло закашлялась. – Вы должны как можно быстрее подняться на борт.

– На борт? О чем вы говорите?

Шварц заметил, как докторша, перебиравшая инструменты, разложенные на столе-приставке, вопросительно посмотрела на него.

– О «Султане морей», – ответила пожилая дама. – В настоящий момент мы плывем на корабле из Гамбурга в Саутгемптон и находимся где-то в проливе Ла-Манш. Вы должны как можно быстрее присоединиться к нам.

Мартина бросило в дрожь. Недавно, когда он стоял напротив Приги, он был абсолютно спокоен. Он совершенно не волновался и в прихожей дома Приги, когда уколол себя иглой ускоренного тестера на наличие ВИЧ, и прошло больше трех предписанных минут, пока, наконец, в смотровом окошке тестовой полоски не появилась вторая линия. Не волновался он и в тот момент, когда увидел обнаженного мальчика на качелях, а за его спиной захлопнулась огнестойкая дверь подвала. Но сейчас его сердце

заколотилось как сумасшедшее. А открытая рана во рту начала пульсировать в такт сердцебиению.

– Алло? Господин Шварц? Вы же знаете это судно? – спросила Герлинда.

– Да.

Разумеется.

Конечно, он навсегда запомнил его название.

Это был тот самый круизный лайнер, на котором пять лет тому назад его жена путешествовала вместе с их сыном Тимми и на третью ночь трансатлантического плавания перелезла через перила балкона своей каюты и прыгнула вниз с пятидесятиметровой высоты. Незадолго до этого она прижала к лицу спящего сына салфетку, смоченную в хлороформе, а затем выбросила его за борт.

Глава 3

Саутгемптон
17 часов спустя

Наоми обожала триллеры. И чем страшнее они были, тем лучше. Для морского круиза на шикарном лайнере она прихватила с собой на борт «Султана морей» целую кипу подобного чтива (она никак не могла привыкнуть к новомодным электронным ридерам) и в хорошие дни проглатывала почти целую книгу, в зависимости от того, насколько толстой она была. Или насколько кровавой.

Иногда она бывала не совсем уверена в том, кто из них был более чокнутым: автор, который выдумывал эту нездоровую дребедень, или она сама, платившая за нее деньги, чтобы в компании кровожадных убийц и психопатов удобно устроиться в шезлонге у бассейна в пределах досягаемости услужливых официантов, которые в перерывах между главами в зависимости от времени дня обеспечивали ее кофе, соками или коктейлями.

Во время ее семилетнего супружества, прежде чем милостивый Господь решил, что урна с прахом мужа на камине устраивает ее больше, чем обручальное кольцо на пальце, ее супруг однажды сказал, что он постоянно задается вопросом, почему для фильмов и компьютерных игр существуют возрастные ограничения, а для книг нет.

Как же прав он был.

В прочитанных ею еще много лет тому назад книгах встречались такие сцены, которые она никак не могла забыть.

Ужасно то, что и ей самой очень хотелось испытать нечто подобное. Например, сцена из книги «Седьмая смерть», когда Джо сгорает от нетерпения в предвкушении сексуального приключения с девицей, которую он подцепил в парке, а вместо этого прожженная стерва кусачками отрывает ему яйца.

Она содрогнулась.

Эта сцена натолкнула ее на мысль, что автор какой-нибудь грязный извращенец. При этом книга имела огромный успех, а писатель, Пол Клив, которого она видела на фестивале детективной литературы, где он читал отрывки из своих романов, оказался обаятельным, симпатичным и веселым человеком. Кстати, довольно смешными были и многие сцены в самой

книге.

Никакого сравнения с «Ганнибалом» Томаса Харриса, когда ей стало плохо при чтении в том месте, где описывалось, как доктор Лектор вычерпывал ложечкой мозг из открытого черепа своего противника, все еще остававшегося при этом живым. Тем не менее этот роман получил почти семьсот тысяч пятизвездочных оценок!

Ужас.

Почти такой же ужас у нее вызвала история о тридцатисемилетней женщине, которую ее похититель держал в колодце. Однажды он опустил к ней ведро с миской риса. На миске было написано всего лишь два слова, которые женщина, доктор биологии, едва смогла разобрать в темноте: «Spirometra mansoni».

Латинское название паразита, распространенного прежде всего в Юго-Восточной Азии, из которого вырастают полупрозрачные, рифленые ленточные черви, шириной как шнурок для ботинок и длиной до тридцати сантиметров. Под кожей человека от этих червей отшелушиваются новые членики, проникающие даже в мозг. Или за глаз, как это случилось с женщиной в романе, которую невыносимый голод в конце концов вынудил съесть зараженный рис, чтобы не умереть с голоду.

Глупый вздор, как же называлась та книжонка?

Она подумала о полке с книгами у себя дома в зимнем саду, о расставленных по алфавиту авторах, однако так и не вспомнила название того триллера.

Да разве это возможно? Это же было совсем недавно, когда… Ах, теперь я это снова вспомнила!

В тот момент, когда резкая боль заставила ее очнуться от короткого забытья, Наоми Ламар вспомнила:

Это была не книга.

А ее жизнь.

Где-то в недрах «Султана морей».

И, к ее величайшему сожалению, она была еще далека от окончания.

Глава 4

Мартин Шварц с вещмешком на плече поднялся по трапу в средней части «Султана морей» на борт лайнера, и ему стало плохо.

Он ненавидел это судно, выдержанную в неброских пастельных тонах облицовку стен, мебель из красного дерева или тика и мягкое ковровое покрытие, по которому идешь как по лужайке. Он ненавидел вызывающую смех униформу обслуживающего персонала, которую носили даже самые простые посыльные, словно они служили в военно-морском флоте, а не были задействованы на ярмарке массового туризма. Он ненавидел едва уловимый аромат ванили, который распространяли установки для кондиционирования воздуха; ненавидел эйфорию в глазах пассажиров, вместе с которыми поднялся по трапу на борт. Женщины, мужчины, дети, семьи. Они радовались семи ночам комфорта, когда действует правило «все включено», богатому шведскому столу, доступному двадцать четыре часа в сутки, спокойному времяпровождению на палубе во время плавания по океану или в спа-салоне площадью две тысячи квадратных метров с фитнес-центром, где доступны разнообразные водные процедуры. Они планировали посетить мюзиклы и шоу в самом современном музыкальном театре мировых океанов и пропустить стаканчик-другой в одном из одиннадцати баров, разбросанных на семнадцати палубах. Они собирались оставить своих детей в пиратском клубе, а сами хотели забраться на самый длинный водяной лоток, который был когда-либо построен на корабле, и скатиться вниз в бассейн, оставить свои деньги в казино или в торговом центре, оформленном в стиле итальянской рыночной площади.

Возможно, некоторые пассажиры поднимались на борт круизного лайнера со смешанными чувствами, как на борт самолета, с почтительным уважением и легким беспокойством по поводу того, доставит ли их техника, которой они доверились, в целости и сохранности из пункта А в пункт Б. Но ни один из почти трех тысяч пассажиров, в этом Мартин был абсолютно уверен, даже не задумывался о том, что в ближайшие дни им придется жить в самом настоящем маленьком городке, где сталкиваются тысячи людей самых разных культур и сословий, начиная с работающих за гроши прачек в прачечной на нижней палубе и заканчивая миллионерами в шезлонгах на защищенных от ветра площадках на верхней палубе. Маленький городок, в котором было *все*, кроме стражей порядка. В котором если набираешь номер 110, то появляется обслуга в номере – а не полиция.

Город, в котором с самого первого шага подчиняешься правопорядку какой-нибудь банановой республики, под флагом которой круизный лайнер сошел со стапелей.

Мартин ненавидел «Султана морей», его пассажиров и экипаж. Но прежде всего он ненавидел самого себя.

Он дал себе клятву, что больше никогда в жизни его нога не ступит на палубу круизного лайнера. А тем более на палубу именно этого судна. Но одного телефонного звонка какой-то пенсионерки, которую он еще даже и в глаза не видел, оказалось достаточно, чтобы он выбросил за борт все свои благие намерения.

Как точно сказано!

Он цинично рассмеялся про себя, и шествующая ему навстречу пожилая супружеская пара, явно страдавшая излишним весом, смерила его скептическим взглядом.

«Выбросить за борт!» Точнее не скажешь.

Наконец он добрался до двенадцатой палубы и внимательно изучил указатели с номерами кают. Чтобы найти апартаменты 1211, ему нужно было перейти на левый борт.

Мартин зевнул. Хотя или как раз именно потому, что докторша вчера все-таки уговорила его поставить временный штифт, зубная боль мучила его всю ночь напролет, и он совсем не спал, если не считать нескольких минут сна в самолете, доставившем его в Лондон.

В такси из аэропорта Хитроу в Саутгемптон последние нервы вымотал ему его мобильник. Сначала до него попытался дозвониться Крамер, а потом лично сам шеф, чтобы наорать на него за то, что он не явился на обсуждение проведенной операции. Разъяренный шеф заявил, что если Мартин немедленно не явится в участок, то может забрать свои документы.

– Кроме того, ты, задница, обещал регулярно показываться врачу. Чертово зелье, которое ты, надеюсь, принимаешь регулярно, может привести к сбоям в деятельности мозга, хотя я сомневаюсь, что кто-то вообще заметит хоть какую-то разницу в твоем поведении.

В какой-то момент все эти обвинения так достали Мартина, что он переключил прием на свой электронный почтовый ящик. Он не верил, что они действительно смогут обойтись без него. Самое позднее в тот момент, когда им в очередной раз понадобится команда смертников, этот выговор в его личном деле снова будет забыт. Или на этот раз он действительно немного перегнул палку, заказав каюту на «Султане морей», предварительно не переговорив со своим начальством? Люкс площадью сто пятьдесят квадратных метров на одиннадцатой палубе стоимостью две

тысячи евро за ночь, включая обратный полет бизнес-классом из Нью-Йорка в Берлин.

При этом Мартин даже и не собирался отправляться в трансатлантическое плавание. Он хотел только поговорить с этой Герлиндой Добковиц, посмотреть на ее так называемые «доказательства» и тотчас покинуть посудину. Однако явно чудаковатая старушенция не захотела ради него покидать корабль. Вчера ночью, порывшись в Интернете, Мартин выяснил, что на круизных форумах семидесятивосьмилетняя Герлинда Добковиц считалась живой легендой. На свою пенсию она зарезервировала за собой до конца жизни одну из немногих сдаваемых на длительный срок кают на «Султане морей». И с момента спуска судна на воду восемь лет тому назад она покидала корабль только тогда, когда это было необходимо для проведения ремонтных работ.

Таким образом, Мартин должен был сам подняться к ней на борт, а поскольку без удостоверения пассажира попасть на круизный лайнер было невозможно, он был вынужден зарезервировать для себя каюту на «Султане морей». Люкс с верандой на корме судна оказался единственной каютой, которую еще можно было быстро зарезервировать по Интернету. Вот почему он заплатил двенадцать тысяч евро за двадцатиминутный разговор с Герлиндой Добковиц. Собственно говоря, маршрут круизного лайнера был спланирован таким образом, что у него было бы более двух часов для беседы с пожилой дамой, но по пути в Саутгемптон водитель такси, видимо, решил показать ему все пробки на дорогах в южной части Великобритании.

Плевать, цена за билет на «Султане морей» не разорит его.

Его жалованье полицейского агента не было слишком большим, однако, поскольку в последние годы он почти не тратил деньги, его счет в банке подрос настолько, что два месяца тому назад банк даже прислал ему поздравительную открытку на день рождения (ему стукнуло тридцать восемь).

Правда, сейчас, поднеся палец к звонку у двери каюты 1211, он чувствовал себя так, словно ему было далеко за пятьдесят.

Он нажал на отполированную латунную кнопку и услышал приглушенный колокольный звон. Прошло лишь несколько секунд, дверь открылась, и он увидел перед собой подобострастно улыбающегося юного паренька во фраке и лакированных туфлях. Мартин вспомнил текст рекламы «Султана морей», где говорилось, что в распоряжение каждого гостя, зарезервировавшего дорогущие апартаменты, предоставлялся дворецкий.

У стоявшего перед ним экземпляра лет двадцати с небольшим были коротко стриженные, черные волосы, уложенные на прямой пробор и словно приглаженные утюгом, отчего казалось, что они приклеены к, пожалуй, слишком узкому черепу. У него были водянистые глаза и скошенный подбородок. Мужество и способность настоять на своем были не первыми словами, которые приходили в голову при взгляде на него.

– Пусть он войдет, – услышал Мартин голос пожилой дамы из глубины апартаментов, и дворецкий поспешно отступил в сторону.

Мартину пришлось напрячь все свои умственные способности, чтобы осмыслить все впечатления, которые затем обрушились на него.

Как опытный сыщик, он знал, что грань между эксцентричным образом жизни и нуждающимся в лечении безумием была очень тонкой и могла быть проведена только острым грифелем карандаша. А Герлинда Добковиц, это он понял с первого взгляда, жила по обе стороны от этой линии.

– Ну наконец-то, – приветствовала она его со своей постели. Она восседала в изголовье кровати среди множества подушек, газет и распечаток с компьютера. Ее перегруженная кровать стояла в центре помещения, которое архитекторы верфи планировали использовать в качестве салона. Но архитекторы составляли свои планы явно без участия Герлинды Добковиц. По крайней мере, Мартин не мог себе представить, что малиновые цветастые обои, ковер из шкуры зебры или искусственные оленьи рога входили в табельное оснащение каждого трехкомнатного сьюта на «Султане морей». – Вы должны отдать свои часы на проверку, – сказала пожилая дама, бросив взгляд на деревянные напольные часы, стоявшие у входа в апартаменты. – Уже скоро шесть часов!

Резким движением руки она отослала своего дворецкого назад к старомодному секретеру с крышкой, обитой фетром, который стоял под прямым углом к перегородке, под картиной, написанной маслом. Когда-то, давным-давно, на ней, вероятно, был изображен «Человек в золотом шлеме» Рембрандта, но сейчас картина была усеяна листками бумаги, прикрепленными канцелярскими кнопками прямо к холсту.

Пожилая дама сердито посмотрела на Мартина:

– Я уже подумала, что мне придется ждать до Нью-Йорка, чтобы облегчиться от шоколадных кексов прямо в Белом доме.

Герлинда потянулась за огромными очками, лежавшими на ее ночном столике. Мартин удивился, что она смогла водрузить их себе на нос одной рукой. Стекла были бледно-розового цвета и оказались толстыми, как дно стакана для виски, из-за чего живые глаза старой дамы за ними стали

огромными, как у совы. Вообще при взгляде на Герлинду Добковиц сравнение с диковинной птицей напрашивалось само собой. Ее пальцы были похожи на когти, а длинный, крючковатый нос выделялся на узком, состоявшем только из кожи и костей лице старой дамы, как клюв, что делало ее похожей на ворону.

– Надеюсь, это не наждачная бумага самого низкого качества, как в прошлый раз. Просто положите ее рядом с контейнером для биоотходов и проваливайте. – Она махнула рукой в сторону Мартина, словно хотела прогнать назойливую муху.

– Боюсь, вы приняли меня за кого-то другого, – сказал он и опустил свой вещмешок на пол.

Герлинда озадаченно подняла брови.

– Разве вы не тот человек, который разносит по каютам туалетную бумагу? – удивленно спросила она.

Мартин, до которого постепенно дошло, что имелось в виду, когда говорилось о контейнере для биоотходов, шоколадных кексах, наждачной бумаге и Белом доме, задался вопросом, как он мог сморозить такую глупость и явиться сюда. Какой черт дернул его насыпать соль на никогда не заживающие раны? Видимо, он надеялся наконец покончить с этой трагедией. И надежда, эта обманчивая змея, заманила его в тупик, в конце которого его поджидала полоумная старушенция, лежавшая на кровати.

Мартин заметил, как Герлинда бросила озадаченный взгляд на своего дворецкого:

– Черт побери, кто это, Грегор?

Грегор, сидевший у секретера позади пишущей машинки, которая в Берлинском техническом музее была бы настоящим историческим магнитом для публики, удивленно выглянул из-за края заправленной бумаги:

– Боюсь, я этого тоже не знаю, как и…

– Кто вы такой? – прервала Герлинда его изысканный лепет.

– Меня зовут Мартин Шварц, вчера мы с вами разговаривали по телефону.

Она звонко шлепнула себя сухонькой ладошкой по лбу:

– Боже мой, ну конечно!

Герлинда отодвинула в сторону стопку бумаги и откинула пуховое одеяло, под которым лежала в белоснежных спортивных тапочках.

– Хорошо, что вы прибыли сюда. Я знаю, как тяжело это вам далось…

Она свесила свои ножки с края кровати. На Герлинде был розовый спортивный костюм, в котором могли свободно поместиться две такие

старушки.

– …ведь именно здесь, на «Султане», ваша жена и сын…

– Извините, пожалуйста, что прерываю, – перебил ее Мартин. У него не было ни времени, ни сил на любезности. Даже присутствие дворецкого было ему безразлично. – По телефону вы сказали, что у вас есть доказательства того, что моя жена не добровольно покончила с собой, прыгнув за борт.

Герлинда кивнула, нисколько не рассердившись, что он ее прервал, опираясь на кресло-каталку, встала и рывком открыла ящик ночного столика.

– Не только этого, мой дорогой. Не только этого. – Она с заговорщицким видом посмотрела на него, а затем добавила: – Возможно, я даже обнаружила доказательство того, что ваша семья еще жива.

С этими словами она подала Мартину маленького замызганного плюшевого медвежонка, который первоначально был белым и мех которого теперь приобрел цвет грязного песка.

У Мартина все похолодело внутри. Ему стало плохо. Он понял, что теперь уже не сможет быстро покинуть это судно.

У старой, вонявшей потом и смазочным маслом игрушки не было одного глаза и правой лапы, но инициалы все еще были на месте.

Т. Ш.

Именно там, где Надя несколько лет тому назад вышила их на своей машинке, незадолго до того, как Тимми отправился в свою первую поездку с классом в дом отдыха в сельской местности.

Глава 5

В это же самое время, пятая палуба
Каюта 5326

Утрата. Печаль. Страх.

Поскольку в последние годы на ее жизненном пути было достаточно неприятностей, Юлия Штиллер надеялась, что со временем научилась обходить опасности, которые подбрасывала ей жизнь. Или, по крайней мере, научилась не падать слишком глубоко в уготовленные ей глубокие западни. А если и падать, то так, чтобы она была в состоянии собственными силами выбраться наверх из очередного душевного кризиса.

Однако оказалось, что она глубоко заблуждалась.

На этот раз это был телефонный звонок, который вызвал у нее панический страх и который еще раз подтвердил, что невозможно заранее подготовиться к внезапным ударам судьбы. Очередной удар настиг ее как раз в тот момент, когда она впервые за долгое, долгое время снова почувствовала себя счастливой, здесь, в порту Саутгемптона на борту «Султана морей».

Прошло три безрадостных года, с тех пор как муж изменил ей, друзья отвернулись от нее, а родная дочь считала ее виновной в том, что теперь они жили не в собственной вилле в Кёпенике на юго-востоке Берлина, а в двухкомнатной съемной квартире в Хермсдорфе. Маленькой и тесной, но все равно такой дорогой, что она была вынуждена всякий раз соглашаться на работу в ночную смену в клинике, где работала медсестрой в отделении недоношенных детей. Только так она могла хоть как-то справляться с финансовыми трудностями.

«Ты приняла все слишком близко к сердцу», – сказали даже ее родители.

Словно она намеренно рылась в контейнере для макулатуры в поисках счета – два билета на самолет, но один номер на двоих в отеле на острове Капри, хотя Макс что-то говорил ей о повышении квалификации в Дрездене. Один билет был на его имя, а второй оказался на имя его ассистентки. Той, с дешевыми накладными волосами и до смешного высоко подтянутыми грудями. Недолго раздумывая, Юлия спустилась в подвал, схватила корзину с грязным бельем и отвезла ее в налоговое бюро, где Макс работал адвокатом. Там она вывалила грязное белье на

письменный стол озадаченной любовницы мужа со словами: «Раз вы трахаете моего мужа, то могли бы и сами постирать его грязные трусы».

Это было хорошее ощущение. Примерно в течение секунд двадцати.

– Куда ты пропала? – услышала она голос Тома Шиви и снова рассердилась на себя за то, что вообще подошла к телефону. Юлия договорилась с дочерью, что с началом отпуска они отключат свои мобильники, но в суматохе прибытия на корабль она, видимо, совсем забыла об этом. В своей жизни Юлия, волей судьбы ставшая теперь одинокой женщиной, совершила немало ошибок, и Том Шиви был одной из них. Даже если и одной из самых приятных.

– Я же тебе сказала, где мы будем все осенние каникулы, – ответила она ему и улыбнулась Лизе, которая как раз проходила мимо нее, направляясь в свою комнату.

– Пойду немного осмотрюсь на корабле, – прошептала ее пятнадцатилетняя дочь, и Юлия одобрительно кивнула ей.

Обращаясь к Тому, она сказала:

– Мы только что поднялись на борт.

– Проклятье!

Голос школьного наставника ее дочери звучал необычно взволнованно, почти испуганно.

– Да что стряслось? – удивленно спросила Юлия и опустилась на невероятно удобную диван-кровать, занимавшую почти всю каюту.

Почему ты звонишь? Разве мы не договорились о том, что ограничим контакт до минимума?

– Мы должны увидеться. Немедленно!

– Ну конечно!

Юлия покрутила пальцем у виска. Во всем мире не было такого мужчины, ради которого она согласилась бы сейчас покинуть «Султан морей». Лиза и без того доставляла ей всю палитру проблем, с которыми можно было столкнуться в период полового созревания дочери. Она отказывалась от совместных трапез с матерью, с каждым днем худела все больше и больше, сделала себе пирсинг носа, из некогда лучшей ученицы класса превратилась в отстающую по всем предметам и теперь водилась только с подругами, которые носили одежду с такими же кровожадными мотивами, как и у нее самой. С того момента, как ей исполнилось пятнадцать лет, Лиза стала поклонницей молодежной субкультуры готов, которая допускала ношение только черных шмоток из магазина подержанных вещей, как можно более рваных и с таким количеством дыр, что даже моль сдохла бы в них с голоду. Для готов это было законом,

который десять минут тому назад Лиза нарушила впервые за несколько недель.

– Здесь так круто, мамочка! – обрадовалась она, когда они вышли на балкон своей двухкомнатной каюты. Слезы в глазах Лизы могли быть вызваны ветром, задувавшим из порта на пятую палубу, но Юлии хотелось думать, что это была радость от пребывания на огромном круизном лайнере и в роскошной каюте, которую они будут занимать в течение ближайших семи дней. К тому же у каждой из них была отдельная комната.

В данный момент, со своим скромным заработком медсестры, в одиночку воспитывающей дочь, Юлия не смогла бы позволить себе на «Султане морей» даже внутреннюю каюту. Но их лично пригласил Даниэль Бонхёффер, капитан этого роскошного лайнера. Она знала его много лет, даже десятилетий, и все-таки ей было трудно объяснить посторонним людям свои отношения с Даниэлем. Их отношения не были настолько уж близкими, чтобы считать его другом, для просто знакомого их семейные связи были слишком тесно переплетены, ведь как-никак Даниэль был крестным отцом Лизы. В противном случае Юлия уже давно прервала бы все контакты с ним, ведь Даниэль дружил с ее бывшим мужем еще с детского сада. При этом она никогда не понимала, почему ее бывший супруг столько лет дружил с человеком, который в принципе всегда интересовался только одной-единственной персоной: самим собой. Не проходило и пяти минут с начала любого разговора, как Даниэлю каким-то удивительным образом удавалось направить тему разговора на себя любимого. Из-за экзотических стран, в которых он побывал, для постороннего слушателя это могло бы быть даже довольно занимательным. Но для дружбы, базирующейся на взаимности, этого было, по мнению Юлии, слишком мало. Кроме того, при общении с Даниэлем у нее постоянно возникало впечатление, что его учтивость всегда была наигранной и что он постоянно поддакивает другим. Все это, вместе взятое, приводило к тому, что после каждой встречи с ним Юлия чувствовала себя так, словно только что вышла из ресторана быстрого питания. В общем и целом все было о’кей, однако в желудке оставалось какое-то странное ощущение.

Правда, сейчас, когда она впервые была на его корабле, она спрашивала себя, не была ли она слишком строга к Даниэлю. Все-таки он в очередной раз доказал, что буквально боготворит свою крестницу. Каждый год Лиза получала от него на день рождения дорогой подарок, а в этом году это было трансатлантическое плавание в Нью-Йорк.

– Поблагодари своего крестного, – сказала Юлия, когда Лиза обняла ее

на балконе их каюты. От Лизы пахло табаком, ее бледный макияж испачкал щеки Юлии, но это нисколько не мешало ей, как и усеянный заклепками ошейник, который упирался ей в лицо. В этот момент для Юлии имело значение только то, что она могла снова обнять свою дочь. Она не могла даже вспомнить, когда в последний раз была так близка со своей маленькой девочкой. – Здесь просто сказочно, – призналась она Тому.

Они сблизились после одного родительского собрания, на которое ее пригласили из-за ухудшения успеваемости дочери, в последнее время она недостаточно активно участвовала в работе класса на уроках. Когда через месяц Юлия узнала, что Лиза регулярно приходила на прием к Тому, являвшемуся ее школьным наставником, она прекратила интрижку. Ей было неудобно при мысли, что она вступила в интимные отношения с единственным человеком, которому ее дочь доверяла самое сокровенное. Кроме того, они и без того не очень хорошо подходили друг другу; и не только из-за разницы в возрасте – ведь Том был почти на десять лет моложе ее, – но и, прежде всего, из-за его чрезмерных запросов. Он хотел спать с ней и видеть ее почти ежедневно. И даже если ей и льстил интерес к ее особе такого молодого и привлекательного мужчины, этот телефонный звонок был еще одним подтверждением того, что она приняла правильное решение, порвав с ним.

Неужели Том действительно думал, что стоит ему только позвонить, и она тотчас откажется от совместного путешествия со своей дочерью во время осенних каникул?

– Никакая сила не заставит меня сойти с этого судна.

– Сила, возможно, и не заставит, но, может быть, это сделает видео!

Юлия насторожилась.

– Что за видео? – спросила она и почувствовала, что хорошее настроение последнего получаса снова готово покинуть ее.

– Я считаю, что ни одна мать не должна видеть что-либо подобное, – услышала она голос Тома. – Но это необходимо. Я послал тебе сообщение, посмотри в Интернете.

Глава 6

Не прошло и минуты, как Юлия Штиллер достала из своей сумочки планшетник и подключилась к беспроводной локальной сети корабля, доступной во всех каютах. Но сначала она закрыла балконную дверь своей каюты и задернула шторы, чтобы низко висящее над горизонтом вечернее солнце не отражалось на экране компьютера.

– Ты меня пугаешь, – сказала она Тому и присела за туалетный столик рядом с монитором.

Она открыла электронное сообщение, которое он прислал ей несколько минут тому назад, без указания темы и без обращения, просто короткую ссылку. Она коснулась указательным пальцем текстовой строки, подчеркнутой синим, и почти тотчас открылась скромно оформленная веб-страница. Это была не профессиональная, а скорее любительская вебстраница, похожая на форум пользователей с заболеванием щитовидной железы, на который время от времени заходила и сама Юлия и обменивалась посланиями с другими участниками, страдавшими от перепада настроения из-за пониженной функции щитовидки.

– Что это такое? – спросила она.

– Isharerumors, – ответил Том. – Пролог-вариант вебсайта «Фейсбук». Многие школьники пользуются этим порталом, чтобы поносить своих учителей или одноклассников. Он очень популярен из-за того, что там можно регистрироваться анонимно и нет никакого контроля.

По его осипшему голосу Юлия поняла, как неприятен ему этот разговор. Она могла себе представить, с каким выражением лица он сидел у себя дома перед компьютером, точно так же как она сидела сейчас перед своим дешевеньким айпадом, купленным в продовольственном магазине, торгующем товарами по сниженным ценам.

Том Шиви обладал редким даром одним взглядом выразить своему визави симпатию и сочувствие. Неплохое качество для школьного наставника, хотя Юлия в свои школьные годы наверняка не обратилась бы к симпатичному мужчине, чтобы в доверительной беседе признаться ему, что на уроках физкультуры одноклассники дразнили ее «пампушкой». И сегодня ее вес все еще превышал среднестатистические данные по Германии, но годы явно пошли ей на пользу. Толстенькая девочка-подросток превратилась в пышную, но статную женщину, которая больше не расстраивалась из-за крепких плеч и бедер, большой попы или румяных

толстых щечек. Теперь она с удовольствием принимала комплименты, которые ей делали многие мужчины: за ее жизнерадостно сияющие глаза, пухлые губки и темные, слегка вьющиеся волосы, обрамлявшие ее овальное лицо, словно дорогую картину, когда она распускала их, а не собирала наверх, как сейчас, что подчеркивало ее высокий лоб с маленьким родимым пятнышком над правой бровью.

– А что дальше?

Перед взором Юлии открылось видеоокно размером с почтовую открытку.

– Что это?

– Это… это… – Том запнулся. – Это трудно… Посмотри, пожалуйста, сама.

– Ты действительно пугаешь меня, – повторила Юлия, однако нажала на большую стрелку в середине видеофайла.

Качество изображения явно свидетельствовало о том, что съемка велась скрытой камерой, как это бывает в типичных телевизионных реалити-шоу или в сериалах, в которых начинающие актеры, играющие роль частного детектива, пытаются изобличить неверного супруга. Покадровый временной код в нижнем углу картинки свидетельствовал о том, что видео было снято еще пять месяцев тому назад, то есть весной этого года.

Сначала ни экспозиция, ни фокусное расстояние видеокамеры, которой были сняты эти смазанные кадры, не были настроены, если у этой камеры вообще имелись такие функции. Только через некоторое время Юлия поняла, что кто-то вел съемку прямо из автомобиля во время движения. Было темно, моросил дождь, капли которого скатывались по ветровому стеклу, из-за чего задние габаритные огни ехавшего впереди автомобиля расплывались перед взором водителя.

Объектив камеры скользнул по черной приборной доске, повернулся в сторону переднего пассажирского сиденья и зафиксировал мрачный фасад многоквартирного дома казарменного типа; серого бетонного строения, какое можно встретить на каждом втором углу в старых кварталах Западного Берлина.

– И почему я должна смотреть это видео? – спросила Юлия, когда автомобиль замедлил ход и медленно поехал мимо стоянки подержанных автомобилей.

– Потому, – ответил Том в тот момент, когда машина остановилась перед одним из подъездов и автоматически управляемые стеклоподъемники опустили стекло со стороны пассажирского сиденья.

Сначала Юлия не увидела ничего, кроме плотного ряда деревьев, которые почти полностью закрывали детскую игровую площадку. Если здесь и был уличный фонарь, то он или не горел, или находился слишком далеко. Во всяком случае, в такой темноте невозможно было разобрать, что именно рекламировалось на огромном рекламном щите. И женщина, которая неожиданно появилась из темноты и, покачивая бедрами, приблизилась к автомобилю, сначала была различима лишь как смутная тень. Даже тогда, когда она наклонилась к открытому окну и оказалась в свете видеокамеры, Юлия не смогла рассмотреть ее лицо: оно было сильно размыто. Нарочито гнусавя, женщина прошептала в камеру:

«Ты можешь делать со мной что угодно, мой сладкий, но за съемку придется заплатить отдельно».

– Боже мой! – тяжело дыша, прошептала Юлия и отпрянула от экрана. Она обернулась, однако Лиза еще раньше закрыла межкомнатную дверь. Юлия была одна в своей каюте, кроме того, ведь ее дочь сказала, что хочет осмотреться на корабле.

Неужели это…

Женщина на экране была такого же роста, у нее был такой же черный цвет волос и такая же стройная фигура. Но самое ужасное: у нее был *ее* голос.

– Неужели это… – прошептала Юлия, однако она так и не смогла произнести имя своей дочери.

Нет, этого не может быть. Это невозможно.

На девушке, которая теперь отступила на один шаг назад и для демонстрации своего тела должна была несколько раз повернуться кругом, были такие же шмотки, какие могли висеть в шкафу у Лизы: платье с пышной нижней юбкой, чулки в сеточку, туфли в крапинку с открытым мыском. Такую одежду она носила до перехода из фазы рокабилли в готику.

«Но ведь ее голос не был так уж похож», – постаралась уговорить себя Юлия.

– Скажи мне, что это не моя дочь, – попросила она Тома, но в этот момент ракурс камеры в корне изменился и на экране появилась смонтированная новая видеозапись. – Нет… – тихо простонала Юлия, увидев руль автомобиля. Темную приборную доску. И затылок девушки, который ритмично двигался вверх и вниз. Все это сопровождалось смачным чавканьем, в то время как мужчина, лицо которого было скрыто и в колени которого зарылась голова девушки, сладострастно постанывал.

– Это… Лиза? – выдавила из себя Юлия.

Она услышала, как Том тяжело вздохнул.

– Трудно сказать. Вполне возможно.

– *Возможно* — это же еще не *наверняка*. То есть это может быть и кто-то другой? Фейк?

– Да, возможно. Ведь лиц не видно.

– Силы небесные! – вырвалось у Юлии. Она закрыла глаза, ей совсем не хотелось осознавать значение того, что она только что увидела.

– Итак… итак… – Только с третьего раза она закончила предложение: – Это не она!

Это НЕ МОЖЕТ БЫТЬ она!

– Я тоже не совсем уверен, – согласился с ней Том. – Но, к сожалению, не имеет никакого значения, что *мы с тобой* думаем об этом.

Он предложил Юлии открыть комментарии пользователей под этим видео. Юлии стало плохо. На экране появилось множество отвратительных комментариев пользователей, которые скрывались под псевдонимами, в то время как ее дочь называлась полным именем:

Изизист. Круто. Лиза Штиллер, не так ли?

Хэппиблин85. Я ее тоже один раз уже трахнул.

Тао I. За бабки она сделает все что угодно.

Свентебам030. Низкое качество. Только чмяканье, никакого траханья? Скууучно.

Джо Гёте. Ба, что за потаскуха.

Гость I. Да, грязная проститутка. Я ненавижу таких стервозных шлюх.

– Это можно стереть? – спросила Юлия. Она сидела как громом пораженная.

– Вряд ли. Сервер находится в Того, в Западной Африке. И даже если бы мы отыскали управляющую компанию, в чем я сомневаюсь, это видео наверняка можно найти на десятке других порталов. Эта грязь навсегда останется в Сети.

– Это какое-то безумие. Это надо удалить. Моя дочь не занимается такими вещами. Она же не проститутка! Да это же… Она…

Том перебил ее:

– Еще раз: не имеет никакого значения, занимается ли твоя дочь такими вещами или нет. Твоя дочь живет в таком мире, где слухи сильнее, чем правда.

– Как долго существует эта грязь в Сети? – дрогнувшим голосом спросила Юлия.

– Около шести-семи недель, если верить дате, когда был загружен этот файл. Но я обнаружил это только сегодня, когда заметил, как во время

отдыха во дворе школы ученики из ее класса передавали друг другу мобильник, чтобы посмотреть эту мерзость.

– Тогда это все объясняет! – воскликнула Юлия взволнованно.

Ее плохие оценки, ее ужасные шмотки и то, почему она почти ничего не ест.

Она со всего размаха шлепнула себя ладонью по лбу:

– А я-то думала, что все это обычные закидоны девушки-подростка в период полового созревания!

Или последствия развода. Или и то и другое. Но только не ЭТО!

– Тебе не стоит упрекать себя, – посоветовал Том, но ей не стало от этого легче. Макс был прав со своим замечанием, когда право родительской опеки было предоставлено ей.

«Я не справилась с этим».

Она снова почувствовала себя совершенно беспомощной. Мир вокруг нее рушился, она теряла равновесие. Ничего удивительного: у нее только что выбили почву из-под ног. Еще никогда прежде она так ясно не осознавала, что как мать оказалась несостоятельной. Во всех отношениях.

– Теперь ты понимаешь, почему вы должны немедленно сойти с этого судна? – услышала она голос Тома.

Да. Конечно. Это значит…

Она никак не могла привести свои мысли в порядок.

– Я не знаю, кажется, Лизе здесь нравится, возможно…

– Конечно, ей там нравится! – протестующим тоном заявил Том.

– …этот отпуск пойдет ей на пользу.

– Нет. Ни в коем случае!

– Почему нет? Ведь отвлечься – как раз самое лучшее для нее…

– Нет! – почти закричал Том.

В этот момент прозвучал первый хлопок.

Выстрел?

Юлия вздрогнула и посмотрела в сторону балконной двери. Взрывы в порту звучали все чаще. Освещение за завешенными окнами изменилось. На улице гремело и сверкало.

– Потому что я знаю подростков, которые причинили себе вред и при гораздо более безобидном кибермоббинге. Не каждый способен выдержать постоянные издевательства со стороны одноклассников, – умоляющим тоном сказал Том.

Самоубийство?

Юлия с трудом встала из-за стола, распахнула стеклянные балконные двери, и ее взору предстало сине-золотистое море огней в вечернем небе.

Оказалось, что это был прощальный фейерверк, который производился в этот момент в порту по поводу отплытия круизного лайнера.

– Я не смогу увести ее с корабля, – вырвалось у нее.

– Но ты должна. Если Лиза задумала покончить жизнь самоубийством, то лучшего места, чем круизный лайнер в открытом море, не найти! Достаточно лишь спрыгнуть с палубы. Судно идеальное место для того, чтобы умереть!

Господи помилуй! Нет.

На глаза Юлии навернулись слезы, и на этот раз это было уже точно не из-за ветра.

Слишком поздно.

Она почувствовала вибрацию, которая теперь была во много раз сильнее, чем в тот момент, когда они ступили на палубу судна. Юлия посмотрела вниз на людей, стоявших на причале и махавших руками. Она напрасно искала глазами трап, по которому они поднялись на борт судна.

Из коридора донеслась музыка, которую передавали по громкоговорителям, установленным на палубах теплохода, – какая-то оркестровая тема, словно в голливудском фильме.

И в то время когда круизный лайнер медленно отчаливал от причала, предсказывающий несчастье голос Тома потонул в плеске воды, в звуках прощальной музыки и в низком реве сирены, прозвучавшем шесть раз, прежде чем он окончательно смолк на время всего трансатлантического плавания.

Вместе с последними звуками сирены улетучилась и надежда Юлии на беззаботный отпуск со своей дочерью. В настоящий момент Юлия даже понятия не имела, где ее искать на этом огромном лайнере.

Глава 7

Мартин стоял на веранде апартаментов Герлинды Добковиц и почти не замечал, что расстояние между судном и причальной стенкой постоянно увеличивалось.

«Султан» уже отошел почти на сто метров от акватории порта и теперь поворачивал в сторону пролива. Огромный портовый кран медленно исчезал из поля зрения.

Необычно много катеров и моторных шлюпок плыли по бокам круизного лайнера. Музыка, доносившаяся с верхней палубы, прощальный фейерверк, вслед за которым раздался рев сирены, – все это осталось за пределом его восприятия.

У Мартина никак не выходила из головы мысль, что он держал в руках любимую мягкую игрушку своего сына. Он не мог поверить в реальность происходящего.

Тимми называл этого медвежонка Люком, возможно, потому, что незадолго до этого он посмотрел первый фильм фантастической саги «Звездные войны» и был большим поклонником рыцаря-джедая Люка Скайуокера. А может быть, и без какой-то определенной причины.

Далеко не все в жизни имеет причинную связь.

Какое-то время Тимми и Люк были неразлучны. Тимми брал его с собой в постель, в школу и даже на уроки плавания, пока его не застали с медвежонком в душе, только после этого он согласился со слезами на глазах запереть игрушку в шкафчик для одежды. Его интерес к этой мягкой игрушке немного ослаб незадолго до его исчезновения, но не настолько, чтобы во время круиза на теплоходе для Люка не нашлось места среди багажа. Комиссия, которая расследовала трагедию на «Султане», не придала слишком большого значения тому обстоятельству, что Люка так и не удалось обнаружить в каюте. Как и тому, что один из чемоданов Нади отсутствовал. Они предположили, что мать сунула медвежонка в руки находившемуся в бессознательном состоянии сыну, прежде чем бросила его за борт. Но это было так же странно, как и отсутствие прощального письма.

Надя всегда ставила его в известность о том, где находилась. Приходя домой, он всегда находил записку; то на кухонном столе, то на своей подушке, смотря по обстоятельствам, уходила ли она на несколько минут (чаще всего в магазин) или надолго (обычно после ссоры). Невозможно поверить в то, что в свой последний путь она отправилась, так и не оставив

ни одного слова на прощание.

Надя вообще не относилась к типу людей, склонных к самоубийству. Конечно, так говорят все близкие родственники покойника, когда не хотят посмотреть правде в глаза. Но Надя действительно никогда не производила впечатления человека, уставшего от жизни. Она была борцом. Мартин почувствовал это уже в ту секунду, когда познакомился с ней в отделении неотложной помощи клиники «Рудольф Вирхов», где он ждал своего коллегу, раненного во время поножовщины. Надя сидела рядом с ним в приемной с подбитым глазом и прямодушно рассказала, что ее избил ее бойфренд. Из ревности. Но не к другому мужчине, а только потому, что по утрам его сын от первого брака любил понежиться в постели с новой папиной подружкой, а не с ним.

«Он любит своего мальчика, он никогда его пальцем не тронет. Хорошо, что он сорвал свою злость на мне», – доверительно сообщила Надя Мартину, а когда он хотел выразить ей свое сочувствие, она с улыбкой покачала головой: «Видели бы вы, как сейчас выглядит этот подлец».

Той же ночью Надя съехала с квартиры своего бывшего друга. Через год они с Мартином поженились. За все это время она ни разу не впадала в депрессию. Он никогда не допускал даже мысли, что она может уклониться от решения какой-то проблемы или захочет причинить себе вред.

А уж тем более Тимми, их маленькому принцу, которого она боготворила, ласкала и тискала, когда он позволял ей делать это.

Мартин прижал медвежонка к лицу, чтобы среди затхлой вони различить запах, который напомнит ему о сыне, но тщетно.

Он повернулся на звук раздвигаемой двери у него за спиной.

– Ага, вот где вы застряли, – сказала Герлинда Добковиц.

За несколько минут до этого со словами «Пойду избавлюсь от накопившегося дерьма» она оставила его одного со слегка смущенным дворецким и, шаркая ногами, отправилась в ванную с упаковкой бумажных носовых платков в руке. Теперь, когда она справила свои естественные потребности, Мартин мог наконец задать ей самый важный вопрос:

– Откуда он у вас?

Он крепко держал Люка обеими руками, словно боялся, что встречный поток воздуха может вырвать плюшевого медвежонка из его рук и унесет назад в акваторию порта.

– Нашла, – коротко ответила Герлинда и, покопавшись в кармане своего спортивного костюма, достала зажигалку и пачку сигарет.

– Где?

– В руках одной маленькой девочки.

Она сунула себе в рот сигарету без фильтра.
– Пойдемте со мной. Я покажу вам ее.

Глава 8

Каюта капитана, палуба 14A

– Остановить? Корабль?

Даниэль Бонхёффер высвободился из ее объятий и громко рассмеялся.

Юлия чувствовала себя полной идиоткой и готова была провалиться на месте.

Это было ошибкой – тотчас мчаться к нему.

Но она ведь не знала, что ей делать. Лиза так больше и не появилась, возможно, она все еще знакомилась с кораблем, что в случае с таким огромным фешенебельным круизным лайнером, как «Султан морей», могло продолжаться несколько дней. Это было иррационально, может быть, все было в наилучшем порядке. Однако с той минуты, как Юлия посмотрела это ужасное видео, ей казалось, что ее тело сотрясалось от непрерывной дрожи из-за беспокойства о дочери, точно так же как под ее ногами вибрировал корабль, корпус которого после отплытия из порта содрогался от работы мощных двигателей. Пока еще волнение моря ощущалось в проливе не очень сильно, но отовсюду доносилось равномерное гудение, рокот и шипение. Дизельные генераторы заставляли стены и пол слегка вибрировать, а внутрь капитанской каюты из больших иллюминаторов доносился приглушенный шум волн.

– Только не смотри на меня так печально, давай лучше выпьем по чашечке кофе, – сказал Даниэль, подмигнув ей. – Собственно говоря, сейчас я должен находиться на капитанском мостике, но, к счастью, у меня отличные вахтенные офицеры.

Он провел Юлию в салон своей капитанской каюты, которая – если она не ошибалась – находилась по правому борту судна под мостиком. По пути сюда она успела потерять ориентацию. Это и неудивительно на таком лайнере, который пришлось бы фотографировать с расстояния в километр, чтобы запечатлеть его на фото целиком. Его длина от одного конца до другого равнялась длине трех футбольных полей, а если при заходе лайнера в порт Нью-Йорка встать на верхней палубе, можно заглянуть в глаза статуи Свободы.

– Ну, как тебе нравятся мои владения? – спросил Даниэль.

– Мило, – ответила Юлия, даже не осмотревшись хорошенько.

Как и в ее каюте, здесь преобладали светлые ковры и темная кожаная

мебель, только капитанская каюта была гораздо просторнее. Богатая, но абсолютно обезличенная обстановка. Прекрасно для десяти дней отпуска, но, если бы Юлии пришлось жить здесь постоянно, она бы давно поменяла ничего не говорящие художественные репродукции на стенах на более подходящие картины.

– Сколько же времени прошло с нашей последней встречи? – спросил Даниэль, ставя две чашки под сопла автоматической кофеварки, находившейся в шкафу-стенке.

В то время как кофеварка с шумом ожила, другой рукой он пригладил свои светлые волосы, коротко остриженные на затылке. Его волосы казались несколько светлее, чем брови, из-за чего Юлия задавалась вопросом, не подкрашивает ли он их. Крестный Лизы всегда был невероятно тщеславным. Она не знала другого мужчину, который бы так регулярно посещал парикмахера, маникюрный салон и даже салон, где удаляли лишние волосы с груди, ног и других частей тела, о которых Юлия не хотела даже и думать.

– Последний раз я приезжал в отпуск в Берлин на предпоследнее Рождество, не так ли? – вслух размышлял он.

Даниэль нервно улыбнулся, и Юлия тотчас почувствовала, что она не единственная, у которой на душе лежит какая-то тяжесть.

Лицо капитана было бледное, в уголках рта почти серое, как у человека, перенесшего продолжительную болезнь, и нуждающегося в свежем воздухе. Он стоял в своей каюте у шкафа-стенки из прочного красного дерева, нависавшей над дверью, вероятно в его спальню, с потерянным видом, и, несмотря на свою статную фигуру, производил впечатление человека, которому белый китель с четырьмя золотыми полосками на мягких погонах стал слишком велик. На его щеках выделялись тонкие прожилки, из-за чего кожа под его усталыми глазами была похожа на мрамор. Но его веки не были опухшими – признак того, что он все еще воздерживался от спиртного.

Просто чудо, что он вообще снова носил капитанскую фуражку. Пять лет тому назад на «Султане» произошел неприятный инцидент, о котором Даниэль не хотел говорить, вероятно, в его трудовом договоре имелся пункт о неразглашении служебной информации. Юлия лишь знала, что это происшествие так расстроило его, что он запил и чуть было не допился до белой горячки и был на год отстранен от работы. После отстранения от работы на круизных лайнерах Даниэль оказался бы в лучшем случае на каком-нибудь дряхлом грузовом судне, если бы его шеф, владелец круизной компании Егор Калинин, сам не был завязавшим алкоголиком, который

проповедовал принцип второго шанса.

– Итак, теперь еще раз, только спокойно, – сказал Даниэль. Он поставил ресторанные фарфоровые чашки с дымящимся кофе на столик обеденного уголка. Аромат свежемолотого кофе приятно смешивался с вездесущим на борту судна запахом освежителя воздуха. – Что ты имела в виду, заявив, что я должен остановить «Султан» и повернуть назад? Тебе уже стало скучно на борту?

Усаживаясь на обтянутый кожей стул с закругленными подлокотниками, он неуверенно улыбнулся. Юлия с трудом втиснулась на узкое сиденье обеденного уголка и прикинула, насколько откровенна она могла быть с Даниэлем, чтобы он воспринял ее беспокойство всерьез. В конце концов она решила выложить ему все без утайки и в нескольких словах рассказала о своей интрижке с Томом, о проблемах Лизы. И о страшном видео.

– И теперь ты опасаешься, что твоя дочь может покончить с собой на борту моего судна? – спросил Даниэль, когда она закончила свой невеселый рассказ.

Она надеялась, что он посмеется над ней, как в первый момент их встречи. Скажет, что ей всюду мерещатся несуществующие опасности, или сделает что-нибудь такое, что успокоит ее. Однако Даниэль был непривычно молчалив. Он лишь дул на дымящийся кофе и потирал большим пальцем логотип пароходной компании на фарфоровой чашке, медведя в обрамлении золотых лавровых листьев со стилизованной короной на голове.

– Не беспокойся, – сказал он наконец странно сдавленным голосом.

– Но…

– Я знаю, где Лиза, – прервал он робкую попытку Юлии протестовать.

– Ты знаешь…

Даниэль кивнул:

– Она уже нанесла мне визит, хотела быть на мостике при выходе в море.

– Это означает, что она…

– В безопасности и в хороших руках, именно так. Я передал ее под опеку моей директорши отеля. Она лично позаботится о том, чтобы для Лизы поскорее организовали экскурсию по судну.

– Фу. – Юлия с шумом выдохнула и на мгновение облегченно прикрыла глаза. Ее пульс все еще частил, но только потому, что с ее души свалился огромный камень. Она поблагодарила Даниэля, у которого был утомленный вид.

– Лиза и самоубийство… – покачивая головой, сказал он с едва заметной улыбкой, словно повторяя суть неуместной шутки. Неожиданно улыбка сползла с его лица. С печальным взглядом, какой бывает у маленького мальчика, который только что осознал, что его любимое домашнее животное умерло, он сказал: – Возможно, самое лучшее было бы, если бы за борт прыгнул я сам.

Услышав эти слова, Юлия часто заморгала. Неожиданно у нее появилось такое чувство, что напротив нее сидел совершенно незнакомый ей человек.

– Что ты такое говоришь? – растерянно спросила она.

Даниэль тяжело вздохнул:

– Я попал в трудное положение. В *очень трудное* положение.

Юлия с трудом справилась с желанием посмотреть на часы. Уже прошло пять минут с момента, как она начала свой рассказ, или на этот раз Даниэлю удалось быстрее перевести тему разговора на свои проблемы?

Капитан вздохнул, отодвинул от себя чашку и усталым голосом сказал:

– Проклятье, собственно говоря, я не имею права ни с кем говорить об этом. Но в данный момент ты единственная на корабле, кому я могу доверять.

– Да что же стряслось? – спросила Юлия, совершенно сбитая с толку.

– Но ты не должна никому говорить об этом: у нас на борту «двадцать третий пассажир».

Глава 9

Мартин последовал за Герлиндой Добковиц с балкона назад в апартаменты.

– Извините нас, пожалуйста, – сказала пожилая дама дворецкому и, подмигнув, кивнула в сторону своей огромной кровати. – Господин Шварц хочет показать мне новую позу из Камасутры.

– Разумеется, – ответил Грегор даже не моргнув глазом и встал со своего места у письменного стола.

Герлинда бросила на Мартина такой взгляд, словно ее дворецкий был здесь персоной, о душевном состоянии которой нужно было беспокоиться.

– Он начисто лишен чувства юмора, – извинилась она шепотом, однако достаточно громко, чтобы Грегор мог слышать ее. – Но он помогает мне завершить труд всей моей жизни, не так ли, Грегор?

– Я очень рад, что мне позволено помогать вам при этом, госпожа Добковиц.

– Да, да. И куры дохнут от кариеса.

Она закатила глаза и, сгорбившись, двинулась нетвердой походкой к привинченному к полу глобусу. Затем она откинула крышку и достала из бара внутри глобуса бутылку яичного ликера. Свои сигареты она снова сунула в карман.

– Я знаю, что обо мне говорят, – сказала она, после того как Мартин на вопрос, не хочет ли он что-нибудь выпить, ответил отрицательно.

Ему нужны были ответы, а не алкоголь.

Герлинда налила себе полстакана ликера и с наслаждением сделала небольшой глоток.

– Люди думают, что я транжирю наследство своего мужа в круизах по морям и океанам. А между тем это *я* была при деньгах в нашей семье. Это была *моя* строительная фирма. Я переписала ее на бедного простофилю только из-за налогов. Знаете, под каким слоганом мы рекламировали строительство дорог?

Она рассмеялась еще до того, как озвучила рекламный девиз своей фирмы: «Добковиц: мы чиним препятствия на вашем пути!»

Мартин и бровью не повел.

– Это все очень интересно, но вы хотели…

– А вам известно, почему я действительно нахожусь на борту? – Герлинда отпила еще один глоток густой субстанции, которую Мартин

никогда не смог бы проглотить уже из-за ее яичного цвета. – Не для того, чтобы отдыхать. И не для того, чтобы провести последние дни, транжиря деньги, прежде чем меня засунут в деревянную пижаму. А для того, чтобы здесь работать не разгибая спины. – Она помахала правой рукой в воздухе. – Грегор, скажите ему, над чем я работаю.

– Мне выпала честь помочь вам написать книгу, – услужливо ответил дворецкий, так и не решивший, должен ли он уйти, или ему следует отвечать и на другие вопросы.

– И не какую-нибудь книгу! – Герлинда с торжествующим видом хлопнула в ладоши, продемонстрировав толстые золотые кольца, украшавшие ее высохшие, старческие пальцы. – А настоящий триллер о скрытых преступлениях, совершенных в открытом море. Поэтому я так хорошо информирована. Благодаря моим поискам. У меня повсюду есть уши, и каждую ночь я совершаю контрольные обходы. Или, точнее выражаясь: контрольные объезды? – Она кивнула на свою инвалидную коляску. – Как бы то ни было… Только поэтому я вообще увидела это.

– *Что* вы увидели? – спросил Мартин. Тем временем его охватило такое нетерпение, что он уже был готов обеими руками схватить старуху за ее морщинистую шею, чтобы вытрясти из нее правду о находке плюшевого медвежонка.

– Девочка. Сначала они пытались убедить меня в том, что это был мешок для грязного белья. Но с каких это пор бельевые мешки плачут после полуночи на третьей палубе и при этом у них такой бледный вид, как у Иисуса Христа в Страстную пятницу?

Герлинда поставила стакан с яичным ликером на комод и, откинув сиреневую занавеску, сплетенную из тонких нитей, протиснулась мимо Мартина в соседнее помещение.

Мартин последовал за ней и оказался в комнате, которая напомнила ему кадры из какого-то психологического триллера, в котором убийца прикреплял кнопками к стене газетные вырезки со статьями о своих «подвигах», составляя из них коллаж, а затем ножом для разрезания напольного покрытия вырезал глаза на снимке своей следующей жертвы.

– В этой комнате собраны результаты всех моих расследований, – коротко пояснила Герлинда.

Большую часть комнаты занимал черный канцелярский шкаф, стоявший в центре, словно оборудование в современной кухне. Забитые книгами и папками настенные полки занимали три из четырех стен комнаты. Вся внешняя стена, кроме небольшого окошка, была обита зелеными панелями. На них расположились фотографии, чертежи судна,

планы кают, газетные статьи, самоклеящиеся цветные листочки с рукописными пометками, сделанными белым маркером; такие же листочки красовались на папках с документами.

Мартин заметил стрелки, полосы, жирные линии, ими были обведены слово «убийца» и словосочетание «Бермудская палуба», которое встречалось три раза.

Герлинда открыла один из верхних выдвижных ящиков и вынула тонкую папку, из которой извлекла газетную статью.

«Пропали без вести в открытом море», – гласил заголовок «Аннаполис сентинел», одной из американских местных газет.

– Один из акционеров пароходной компании медиамагнат. Он сделал все, чтобы история не была предана огласке. За исключением нескольких блогов в Интернете этот грязный бульварный листок, пожалуй, единственный, написавший об этом случае.

Герлинда слегка коснулась указательным пальцем фотографии, на которой были изображены мать с дочерью, перед тем как подняться на борт «Султана». Они стояли у подножия трапа, где фотографировали всех пассажиров круизного лайнера, чтобы позднее те могли выкупить свою фотографию за большие деньги.

– Ваша жена и Тимми пропали пять лет тому назад во время трансатлантического плавания на «Султане»? – спросила Герлинда.

Мартин кивнул, словно находясь в трансе.

– Н-да, что тут скажешь. Австралийский маршрут тоже не намного безопаснее.

Она снова показала на фотографию в газетной статье.

– Почти восемь недель тому назад Наоми и Анук Ламар словно растворились в воздухе, в четырех днях пути от побережья Австралии.

Мартин буквально вырвал статью у нее из рук.

– Это случилось еще раз?

Еще раз мать со своим ребенком? И снова на «Султане»?

Эксцентричная старушка покачала головой:

– Не еще раз. А скорее в очередной раз.

Глава 10

Юлия поставила свою чашку на стол, так и не сделав ни одного глотка, и искоса посмотрела на Даниэля.

– Что за пассажир?

Капитан печально улыбнулся.

– Ты не понимаешь, о чем я говорю. Ясно. Но поверь мне, это очень скоро изменится. Тогда это выражение будет у всех на устах.

Двадцать третий пассажир?

– Надеюсь, это не заразное, – попыталась пошутить Юлия, но даже ей самой это не показалось смешным.

– Чтобы ты смогла понять, мне придется начать издалека.

Даниэль вытащил из-под скамьи дорожный чемоданчик на колесиках. Юлия услышала, как открылись защелки, и вскоре перед ней на столе уже лежал тонкий черный скоросшиватель.

Даниэль снял резинку, которой была скреплена обложка скоросшивателя, и раскрыл его.

– Это произошло два месяца тому назад во время путешествия вокруг света на участке пути между австралийским портовым городом Фримантл и столицей Маврикия и основным портом этого островного государства Порт-Луи. – Он повернул скоросшиватель таким образом, чтобы Юлия могла видеть цветную копию фотографии размером с почтовую открытку. На фотографии были запечатлены два человека: улыбающаяся загорелая женщина со стрижкой под пажа, по лицу которой было видно, что большую часть своего свободного времени она проводила в фитнес-студии и никогда не заходила в супермаркет без таблицы калорийности продуктов. Она держала за руку маленькую, худенькую девочку, напоминающую Юлии Лизу, когда той было лет десять: серьезное, но открытое лицо с румяными щечками, с растрепанными ветром блестящими, шелковистыми волосами, каждая прядь переливалась другим каштановым оттенком, но ни одна из них не была такой темной, как огромные глаза, которые сразу приковывали к себе внимание. У девочки были слегка оттопыренные уши, которые с возрастом еще «зарастут», именно это слово употребляла Юлия, пытаясь успокоить Лизу, когда ее дочь обнаруживала в своем теле что-то новое, что ей не нравилось. Во всяком случае, по виду девочки нельзя было сказать, что она страдала от этого изъяна, настолько дерзко она смотрела в объектив фотоаппарата.

– Это Наоми и Анук Ламар, – пояснил Даниэль. – Мать и дочь. Тридцати семи и одиннадцати лет от роду, из Соединенных Штатов. Обе исчезли из своей каюты с балконом в ночь с семнадцатого на восемнадцатое августа.

Юлия оторвала взгляд от фотографии.

– Они исчезли?

Даниэль кивнул:

– Так же как и все остальные.

– Минутку. – Юлия недоверчиво посмотрела на него. – Ты хочешь сказать, что на «Султане» пропадают люди?

– Не только на «Султане», – ответил Даниэль и нервно забарабанил пальцами по крышке стола. – На всех круизных лайнерах. Это огромная проблема, о которой ты не найдешь ни одного слова ни в одном каталоге. Конечно, официальной статистики нет, такая информация не должна стать достоянием общественности, но на последних слушаниях конгресса США нашей отрасли были-таки сняты штаны. После долгих колебаний пришлось признать, что за последние десять лет бесследно исчезли сто семьдесят семь пассажиров круизных лайнеров.

– Так много? Куда же они все подевались?

– Покончили с собой, – ответил Даниэль.

Ее сердце учащенно забилось, и Юлия почувствовала, что ей стало трудно дышать.

– По меньшей мере, таково официальное объяснение. И в большинстве случаев так оно и есть. Школьный наставник Лизы прав. Нет более подходящего места для самоубийства, чем круизный лайнер. Здесь не нужны ни бритвенные лезвия, ни веревка, ни таблетки.

Юлия почувствовала, как страх сдавил ей горло.

Теперь ты понимаешь, почему вы должны немедленно покинуть это судно?

– Прыжок через поручни – и дело сделано. Ни трупа, ни свидетелей. Идеальное место, чтобы лишить себя жизни. Незаметно, в открытом море, лучше всего глубокой ночью, задуманное никак не может сорваться. При прыжке с высоты почти шестьдесят метров человек разобьется насмерть уже при ударе о воду, ну а если нет… – Даниэль болезненно поморщился, дернув уголком рта, – тогда желаю хорошо повеселиться при встрече с гребным винтом. Самое лучшее: не надо беспокоиться о дорогих родственниках, которые были бы шокированы при виде изуродованного трупа.

Юлия еще раз бросила взгляд на фотографию Наоми и Анук. Что-то не

складывалось в пояснениях Даниэля.

– Ты хочешь сказать, что мать и дочь вместе прыгнули за борт? – спросила она.

– Конечно, не взявшись за руки. В каюте мы обнаружили салфетку, смоченную хлороформом. По всей вероятности, миссис Ламар сначала усыпила свою дочь, а затем сбросила ее с балкона и только после этого прыгнула сама. Такое происходит у нас уже не в первый раз.

Юлия кивнула. Она вспомнила телерепортаж о случаях, когда родители сначала убивали своих детей, а затем кончали жизнь самоубийством. Видимо, это происходило так часто, что в судебной медицине даже появился термин «расширенный суицид». Она попыталась представить себе, что должно было твориться в душе матери, которая убивала свою дочь, но это ей не удалось.

– Сто семьдесят семь самоубийств? – вслух подумала она, все еще поражаясь такому невероятно большому количеству суицидов.

Даниэль кивнул.

– И это только те случаи, которые мы не смогли утаить. Поверь мне, скрытое число будет больше. Гораздо больше.

– И каково же оно?

– На всех круизных лайнерах, которые в настоящее время бороздят океанские просторы, по нашим оценкам, каждый год за борт бросаются в среднем двадцать три человека.

Двадцать третий пассажир!

Теперь Юлия поняла, что имел в виду Даниэль.

– У вас снова потерялся один пассажир?

У нас двадцать третий пассажир!

– Нет. – Даниэль покачал головой. – Это не было бы большой проблемой. Мы уже научились скрывать такие случаи.

Скрывать?

– Дай угадаю. Именно такое сокрытие обнаружилось в прошлый раз, когда ты чуть было не потерял свою работу и здоровье?

– Да, – откровенно признался Даниэль. – Но на этот раз все гораздо сложнее.

Капитан показал на фотографию милой девчушки со слегка оттопыренными ушами.

– Анук Ламар исчезла восемь недель тому назад. Мы остановили корабль, проинформировали береговые службы, потратили восемьсот тысяч долларов на абсолютно бессмысленные поиски с привлечением катеров и самолетов, объявили ее погибшей, организовали похороны с

пустым гробом и потратили огромные деньги на то, чтобы эта история была подана средствами массовой информации как самоубийство, прежде чем смогли наконец отправить это дело в архив.

Даниэль вынул из черного скоросшивателя вторую фотографию. Юлия даже не сразу узнала малышку, так сильно она постарела. Не физически, а психически. Самоуверенное выражение ее лежащих в темных глазницах глаз сменилось жуткой пустотой. В них читалось тупое безразличие к происходящему вокруг, а ее некогда великолепные каштановые волосы превратились в нечесаные космы. Ее кожа приобрела нездоровую бледность, словно она целую вечность не видела солнца.

– Когда была сделана эта фотография? – робко поинтересовалась Юлия.

– Позавчера.

На губах Даниэля появилась горькая улыбка.

– Ты не ослышалась. Малышка снова появилась на корабле позавчера ночью.

Глава 11

Она отсутствовала восемь недель?

Мартин все еще никак не мог свыкнуться с этой мыслью.

Конечно, он знал, что без вести пропавшие в открытом море пассажиры не были редкостью.

В первое время после смерти Нади и Тимми он тщательно изучал каждый отдельный случай, а таких случаев были десятки.

Он посещал группы самопомощи, которые основали родственники «жертв круизных туров»; разговаривал с адвокатами, которые специализировались на процессах по возмещению ущерба со стороны пароходных компаний, и пытался сделать капитана «Султана морей» лично ответственным за то, что операция по поиску его семьи была такой же недостаточной, как и доказательства, собранные в каюте его жены.

Вплоть до проигранного процесса против капитана Даниэля Бонхёффера и пароходной компании он в течение нескольких лет после исчезновения Нади и Тимми тщательно прослеживал каждое сообщение о преступлениях на круизных лайнерах. Но потом он понял, что своей борьбой против пароходных компаний он пытался лишь заглушить душевную боль. Что бы он ни делал, это никогда не вернет ему его семью. Окончательно осознав это, он прекратил отслеживать сообщения о лицах, пропавших без вести в открытом море. Они потеряли для него всякое значение, так же как и сама жизнь. Поэтому сегодня он впервые услышал имя Анук Ламар.

– И теперь она внезапно снова появилась здесь? – повторил он предложение, которым Герлинда Добковиц только что закончила свой длинный монолог.

– Да. Я видела ее собственными глазами. Это случилось в конце моего ежедневного контрольного обхода, в средней части судна, в переходе между второй и третьей палубами. Я только что повернула за угол, когда худенькая малютка выбежала прямо на меня. Она неслась, повернув голову назад, словно пыталась от кого-то убежать. Я услышала быстрые шаги, заглушенные этим толстым ковром, в котором моя коляска все время застревает, как в песке, но это не важно… Гораздо важнее, что я видела, как Анук остановилась, чтобы бросить что-то в латунное мусорное ведро, висевшее на стене.

Во время рассказа на щеках Герлинды выступил лихорадочный

румянец, казалось, что это воспоминание заставило ее оживиться.

– В то время как Анук не двигалась с места, я как можно быстрее отъехала за один из этих гигантских цветочных горшков, с помощью которых здесь, на посудине, они озеленяют коридоры, и как раз вовремя, прежде чем капитан смог увидеть меня.

– Капитан?

– Понятия не имею, что он потерял там в такой поздний час, но он буквально столкнулся с девочкой. Вот, посмотрите сами!

Герлинда вытащила из кармана своего спортивного костюма сотовый телефон и показала Мартину фотографию. Она оказалась темной и смазанной.

– Да, да. Я не Гельмут Ньютон в обращении с фотокамерой. – Герлинда надула губки. – Надо было фотографировать со вспышкой, но я не хотела, чтобы меня заметили. из-за этих цветов мне и так пришлось изгибаться всем телом, чтобы хоть что-то попало в объектив.

– А кто это еще на фотографии? – спросил Мартин.

Рядом с маленькой девочкой и высоким мужчиной на фото была видна еще одна фигура, стоявшая между ними. Она была лишь немного выше Анук и почти такой же худой.

– Это Шахла, добрая душа. Иногда она убирает и мою каюту. Шахла присоединилась к Анук и капитану, после того как забрала из медпункта целую кипу облеванных полотенец. Из-за сильного волнения на море та ночь была неспокойной.

Движениями правой руки Герлинда продемонстрировала, как корабль качался на волнах.

– Признаюсь, что в тот момент, когда я сделала это фото, я понятия не имела, кем была эта девчушка. Я поняла это позднее, когда просматривала собранные мной документы и в статье о пропаже Анук Ламар наткнулась на ее фотографию. Но в первую же секунду мне стало ясно: малышка нуждается в срочной помощи. Ведь как-никак уже было полпервого ночи, а на девочке, кроме футболки с короткими рукавами и трусиков, ничего больше не было, и ее лицо было зареванным. На вопрос капитана, не заблудилась ли она, малышка ничего не ответила. Как и на вопрос, где ее родители.

– И вы слышали все это собственными ушами?

– А вы думаете, что я сижу в инвалидном кресле потому, что глухая? Хотя цветы и закрывали мне видимость, но они не мешали мне подслушивать. Я также слышала, как капитан настоятельно рекомендовал Шахле никому не рассказывать об этом. Затем они отвели бедную малышку

в медпункт к докторше Бек. Когда все ушли, я нашла это в мусорном ведре.

Герлинда показала на мягкую игрушку, которую Мартин все еще крепко сжимал левой рукой.

– Она бросила его в мусорное ведро? – Мартин пристально посмотрел на медвежонка, который одновременно показался ему таким знакомым и в то же время совершенно чужим.

– Клянусь швом своих антитромбозных чулок. – Герлинда подняла вверх правую руку. – Вы же сразу узнали его, не так ли?

Герлинда помолчала и продолжила говорить только тогда, когда он посмотрел ей прямо в глаза.

– Ведь это же тот самый медвежонок, которого на всех фотографиях, появившихся тогда в газетах, крепко держит в руках ваш сын, Тимми, или я не права?

Мартин кивнул. Строго говоря, это был лишь один-единственный журнал, в котором в статье под заголовком «Угадайте – почему все больше людей бесследно исчезают на круизных лайнерах?» сообщалось о судьбе его семьи и при этом была напечатана фотография Тимми с медвежонком.

Просто удивительно, как хорошо была информирована эта Герлинда Добковиц.

– И это произошло позавчера? – спросил Мартин.

– Да. Во время следования из Осло в Гамбург.

– Уже известно, где все эти недели пропадала Анук?

Герлинда сделала неопределенный жест своей костлявой ладошкой.

– Я не могу себе этого даже представить, а капитан был так взволнован, когда на следующее утро я нанесла ему визит. – Она лукаво улыбнулась. – Сначала он все отрицал и попытался убедить меня в том, что мои бета-блокаторы, возможно, вызвали у меня галлюцинации. Но потом, когда он увидел фотографию, капитан наложил в штаны и помчался к Егору.

– Егору Калинину? Владельцу пароходной компании? Он здесь, на борту «Султана»?

– Две недели тому назад во время стоянки в Фуншале, на острове Мадейра, он занял двухэтажные апартаменты. Вы знакомы с ним?

Мартин кивнул. Однажды он уже встречался с ним в суде. Большинство представляло себе этого бывшего солдата Иностранного легиона немецко-русского происхождения грубым, неотесанным великаном. В действительности этот пятидесятисемилетний миллионер, добившийся успеха своими собственными силами, которому принадлежал второй по численности флот круизных лайнеров в мире, внешне был похож

скорее на интеллектуального преподавателя вуза. Сутулая осанка, очки без оправы на остром носу, говорящем о педантичности и въедливости его обладателя, залысины, которые доходили да самых ушей.

А что он делает здесь, на борту?

– Между прочим, именно от него я получила номер вашего мобильника, – пояснила Герлинда.

– Что?

– Егор лично зашел ко мне в каюту и начал молоть чепуху о том, каким вредным может быть слух о бесследно пропавших и вновь появившихся пассажирах. Он явно хотел нагнать на меня страху и передал мне папку с документами о судебном процессе, который вы вели против него. Как бы между прочим он заметил, что я ведь не хочу проиграть дело из-за фальшивых обвинений, как это произошло с вами, герр Шварц. – Герлинда иронично усмехнулась. – При этом он, видимо, не заметил, что ваш личный телефонный номер был указан в материалах дела. Если так посмотреть, то это именно он и этот ограниченный Бонхёффер натолкнули меня на мысль вступить с вами в конт…

– Бонхёффер? – перебил ее Мартин, потрясенный до глубины души. – Даниэль Бонхёффер?

Преступник, который даже не посчитал нужным остановить судно и повернуть назад?

– Да. Что это вы вдруг побелели как полотно?

Но ведь это было невозможно. Хотя Мартин и проиграл процесс, но после этого происшествия Бонхёффер был отстранен от должности.

– Да, Даниэль Бонхёффер. Капитан.

Молния пронзила голову Мартина, словно кто-то сверлил его мозг раскаленной иглой.

– Ах, боже мой! Разве вы не знали, что его снова назначили капитаном «Султана»? – озадаченно спросила Герлинда.

Мартин не стал прощаться. Ни с ней, ни с дворецким, находившимся в соседней комнате. Он схватил свой вещмешок, сунул медвежонка в один из накладных карманов и бросился вон из каюты с такой же скоростью, с какой невыносимая боль распространялась в его голове.

Глава 12

– Мы понятия не имеем, где все это время была Анук, – ответил Даниэль на вопрос, который только что задала ему Юлия. – Малышка не говорит ни слова. Она нема как рыба.

– Это невероятно! – воскликнула Юлия.

До такой степени невероятно, что она задалась вопросом, почему же об этом сенсационном случае до сих пор ничего не сообщили средства массовой информации. Во время перелета из Берлина в Лондон она пролистала все свежие газеты. Ни в одной из них не было ни строчки о девочке, которая подобно Иисусу воскресла из мертвых на одном из круизных лайнеров.

– В ту ночь было сильное волнение на море, и в конце смены я решил посмотреть, все ли в порядке в корабельном медицинском пункте, когда по пути туда неожиданно столкнулся с малышкой. Сначала я подумал, что девочка заблудилась, но ее лицо показалось мне удивительно знакомым. Странным было также то, что у нее не было браслета, который носили на запястье все дети на борту «Султана», такую розовую пластиковую ленточку с маленьким микрочипом. С его помощью они могли открывать двери в зоны, предназначенные для детей, и покупать соки, сладости или мороженое в барах.

– И поэтому в чипе хранятся персональные данные? – спросила Юлия, не отрывая взгляда от фотографии Анук, которую ей подал Даниэль. Она была сделана в помещении с искусственным освещением, на заднем плане виднелся белый шкафчик с красным крестом.

– Совершенно верно. Но в медпункте и без браслета удалось очень быстро установить ее идентичность. И доктор Елена Бек тоже сразу подумала об Анук Ламар, когда я привел малышку к ней, что и подтвердило сравнение с фотографией, сделанной два месяца тому назад.

– Невероятно, – с шумом выдохнула Юлия.

– А что с ее матерью? – спросила она.

– Она по-прежнему считается пропавшей без вести.

– А ее отец?

– Три года тому назад умер от рака. У нее остался только дедушка, проживающий где-то недалеко от Вашингтона.

– И как же он прореагировал на сообщение, что его внучка жива?

– Дедушка? Никак. Мы не сообщили ему об этом.

Юлия удивленно подняла брови:

– А *это* еще почему?

– По той же самой причине, по которой мы еще не связались с органами власти.

– Прости, ты хочешь сказать, что вы еще *не сообщили* об этом полиции?

– Не сообщили. Мы не поставили в известность органы власти ни в Германии, ни в Англии, ни в США. Если бы мы это сделали, то сейчас мы вряд ли плыли бы в Нью-Йорк.

– Момент, – сказала Юлия, сильно растягивая «о». – Маленькая девочка, которая несколько недель тому назад сначала была объявлена пропавшей без вести, а потом мертвой, вдруг неожиданно снова появляется, как бы из ничего, и это замалчивается? Просто так?

Поэтому в газетах не было никаких сообщений.

– Не просто так, – возразил Даниэль. – Все очень сложно. Ты этого не поймешь. – На глаза капитана навернулись слезы. – Проклятье, ты все еще не понимаешь, зачем я тебе все это рассказываю.

И это верно. Она пришла к нему, чтобы поговорить о своей тревоге за Лизу, а сейчас их беседа превратилась в исповедь ее крестного.

– Тогда просвети меня, – кротко попросила Юлия.

Если бы они были в более близких отношениях, она бы взяла его за руку.

– Мне очень жаль, но я совершенно запутался. Меня шантажируют. И я не знаю, что мне делать.

– Каким образом? Чем? И кто?

– Мой босс, Егор Калинин. Я должен выяснить, где была Анук и что с ней сделали. У меня на это шесть дней. Пока мы не прибудем в Нью-Йорк.

– Ты один?

– По меньшей мере, без органов власти и без официальной помощи.

– Но почему? – Юлия все еще ничего не понимала.

– Потому что это дело не должно стать достоянием общественности. Это было бы смерти подобно.

Даниэль встал и подошел к письменному столу, представлявшему собой сплошную отшлифованную столешницу из красного дерева, которая покоилась на двух тумбочках. В этих закрываемых на ключ тумбочках хранились документы и другие официальные бумаги. В правой тумбочке находился сейф, более вместительный, чем это могло показаться на первый взгляд, так как Даниэль, открывший сейф с помощью цифрового кода, вынул из него папку для подшивки бумаг внушительного размера.

– Ты помнишь, я сказал тебе, что в большинстве случаев причиной такого явления, как «двадцать третий пассажир», было самоубийство?

– Да.

– Это неправда.

Вернувшись на свое место, Даниэль наугад раскрыл папку где-то ближе к началу.

Он слегка коснулся пальцем раскрытой страницы, которая выглядела как верхний лист полицейского дела.

– Вот только один пример. 2011 год, круизный лайнер «Принцесса Прайд» совершает плавание вдоль мексиканской Ривьеры. Марла Кей, тридцати трех лет, американка. Она исчезает в ночь с третьего на четвертое декабря. Согласно докладу экипажа судна, юная мамаша, находившаяся в состоянии алкогольного опьянения, потеряла равновесие и упала за борт. Но почему было повреждено ее портмоне, украшенное жемчугом? И куда исчезли деньги? И почему единственная видеокамера, которая могла бы доказать факт ее падения, была накрыта картонной коробкой?

Даниэль перелистал несколько страниц.

– Или вот еще, год спустя, снова в декабре, на этот раз на таком же судне, как наш «Султан», на «Посейдоне морей». Каюта 5167. Пятидесятидвухлетняя жительница Мюнхена решила утром в день годовщины своей свадьбы немного поплавать в бассейне. Больше ее не видели. После поверхностных поисков экипаж судна посчитал это самоубийством. Хотя еще накануне эта дама записалась к парикмахеру на день своего исчезновения! Или вот, совсем недавно… – Даниэль открыл последнюю страницу, – случай с итальянцем Адриано Монетти, который бесследно исчез у берегов Мальты с борта лайнера «Ультра Лайн 2», после того как сказал своим друзьям на дискотеке, что ему нужно на минутку выйти в туалет.

Даниэль с шумом захлопнул папку.

– Я мог бы продолжать так часами. Существуют целые веб-страницы, которые занимаются феноменом пропавших без вести пассажиров: internationalcruisevictims.org, cruisejunkie.com или cruisebruise.com, это только три самых известных. И это не веб-страницы каких-нибудь чудаков, помешанных на теории заговоров, а серьезные места встречи для родственников и Cruise Victims («Жертв круизных туров»), как называют себя люди, которые считают, что их близкие стали жертвами преступлений, совершенных в открытом море.

Юлия заметила, что лоб Даниэля покрылся испариной.

– Многие из этих веб-страниц создаются адвокатами. И это

неудивительно. Индустрия морских круизов быстро растет, на судах совершаются миллиардные сделки. В настоящее время триста шестьдесят лайнеров бороздят океанские просторы, только в этом году к ним добавятся тринадцать новых кораблей. Логично, что крупные американские адвокатские конторы, трудясь до седьмого пота, специализируются на предъявлении судовладельцам исков на возмещение ущерба. После авиационной и сигаретной промышленности круизные компании являются следующей целью в перекрестии прицела адвокатов, специализирующихся на таких процессах.

– То есть речь идет о деньгах? – спросила Юлия.

– Конечно. Речь всегда идет о деньгах. Как только полиция узнает об Анук, «Султан» будет арестован и подвергнут тщательному досмотру. Все пассажиры будут обязаны покинуть судно, и они потребуют свои деньги назад плюс возмещение убытков. Каждый день простоя будет стоить нам миллионы, а здесь речь идет о неделях! И это еще ерунда по сравнению с коллективными исками, которые будут предъявлены нашей компании позже.

Юлия заметила, как капелька пота отделилась от корней его волос и скатилась вниз по виску.

– Теперь я понимаю, – сказала она и строго посмотрела в глаза Даниэлю. – Все эти годы вам удавалось выдать за самоубийство каждый даже самый странный случай исчезновения пассажиров. Все сходило вам с рук, пока никто из пропавших без вести не объявлялся вновь.

Даниэль кивнул.

– А таких случаев были сотни. Теперь будет заново открыто следствие по каждому из них. Компания этого не переживет. Этого не переживет и вся круизная индустрия.

– И поэтому ради прибыли эта девочка должна быть принесена в жертву? – спросила Юлия и встала.

– Нет, конечно нет. – В голосе Даниэля прозвучали нотки отчаяния. – Я сделаю все, чтобы предотвратить самое худшее.

– Самое худшее? Что случится, если до Нью-Йорка тебе не удастся выяснить, что произошло с Анук?

Капитан поднял голову. Его взгляд стал твердым.

– Тогда они сделают так, чтобы девочка снова исчезла. Но на этот раз навсегда.

Глава 13

Мартин остановился перед входом в корабельную клинику, находившуюся на третьей палубе, прочел фамилию врача на двери: «Доктор Елена Бек», – и вспомнил другую Елену, которая тоже имела ученую степень доктора наук, но работала не корабельным врачом, а была психологом в консультации по вопросам брака в районе Берлина Митте на улице Фридрихштрассе, на прием к которой однажды записалась Надя. Но они так и не решились пойти туда. Отчасти из-за того, что проявили малодушие, отчасти из-за убеждения, что справятся со своими семейными проблемами и без посторонней помощи.

Как наивно.

В их семейной жизни часто случались кризисы. Ничего удивительного. Работая в качестве полицейского агента под прикрытием, Мартин иногда неделями, а то и месяцами не появлялся дома. А пять лет тому назад произошел большой скандал, который наглядно продемонстрировал Мартину, что дальше так продолжаться не может.

Завершив учебу на очередных подготовительных курсах, Мартин неожиданно вернулся домой на один день раньше. Классический случай. Было восемь часов утра, их квартира в пригороде Берлина Шмаргендорф была пустой, Надя и Тимми уже ушли в школу. Постель, в которую он завалился, была не убрана и пахла потом. Духами.

И презервативом.

Он нашел его между простынями на Надиной стороне. Пустой, но размотанный.

Она ничего не отрицала, и он не стал ее упрекать. И у него возникали потребности в сексе во время долгих разлук по его же вине. В случае с ним эти потребности приглушались адреналином. А Наде оставалась только одна возможность, чтобы отвлечься, – завести интрижку.

Мартин так никогда и не узнал, кто был ее любовником, да и не хотел этого знать. Через две недели после обнаружения презерватива они решили, что его следующее задание будет последним. Мартин даже сказал, что немедленно уволится со службы, однако Надя знала, как много было поставлено на карту. Три месяца он работал над тем, чтобы войти в образ наркомана и закоренелого преступника. Вся его левая рука была исколота, некоторые места уколов можно было заметить даже сейчас. Польские полицейские, с которыми они тогда сотрудничали, хотели внедрить его в

тюрьму для опасных преступников в Варшаве, в камеру известного неонациста, главаря банды, которая занималась переброской в Европу нелегальных иммигрантов. Мартин должен был завоевать его доверие, чтобы через него раздобыть информацию о сети торговцев людьми, которую тот контролировал. Мартин был уверен, что героин, который ему приходилось тогда впрыскивать себе в вену на глазах нациста, был причиной обмороков, иногда случающихся с ним в моменты предельного физического или психического напряжения. Тогда это было необходимо, чтобы его легенда не провалилась.

Если бы он заранее знал, что произойдет, он бы никогда не согласился участвовать в этой операции, которая должна была стать последней в его карьере. Надя и он договорились, что после завершения этой операции Мартин постарается получить должность во внутренней службе. Он твердо обещал это и оплатил ей и Тимми круизный тур, отдельный этап путешествия вокруг света продолжительностью двадцать один день. Он надеялся, что во время многодневного плавания Надя сможет отвлечься от мыслей, что в это время ее муж в последний раз рискует своей жизнью и что он сам в последний раз говорит своему сыну, что якобы находится в командировке за границей в качестве руководителя туристической группы.

Мартин бросил еще один взгляд на табличку с фамилией врача, которая вызвала целую цепь воспоминаний, постучал в дверь корабельной клиники и подождал, пока ему открыли дверь.

– Да, входите, но вы, пожалуй, рановато, – с улыбкой встретила Мартина докторша и поздоровалась с ним за руку.

Доктору Елене Бек было на вид лет тридцать пять, светлые, заплетенные в косу волосы доходили ей до лопаток; за исключением ярко-красной помады и едва заметных теней для век она была не накрашена. Ее кожа по цвету почти не отличалась от ее белоснежного халата, и, вероятно, даже в дождливую погоду она нуждалась в креме для защиты от солнечных ожогов с защитным фактором не ниже пятидесяти. Зато ее глаза представляли собой интересный контраст на лице, симметричность которого навевала почти скуку. Они искрились, словно синие камушки мозаики на дне плавательного бассейна.

– Прошло всего лишь два часа после выхода в море, а вам уже стало плохо? – спросила доктор Бек, имея в виду телефонный разговор, который у них состоялся пять минут тому назад.

В порыве гнева Мартин сначала хотел приняться за капитана, за этого грязного подонка, которого он считал косвенно виновным в смерти своей семьи. Однако внезапно он почувствовал в каюте Герлинды Добковиц

сильнейшую головную боль, и это вынудило его сначала выйти на свежий воздух. Когда через полчаса он наконец снова мог трезво мыслить, ему стало ясно, что необдуманный визит к капитану мог только насмешить того. Кроме того, посторонним вход на мостик был запрещен.

Правда, после разоблачений Герлинды Добковиц он не мог праздно сидеть в своей каюте. А поскольку он не знал, где в настоящее время находится вторая свидетельница, горничная Шахла Африди, то записался по телефону на прием к корабельной докторше.

– Но не беспокойтесь, герр Шварц, вы не единственный, кто страдает от морской болезни.

Доктор Елена Бек предложила ему сесть на вращающийся стул и открыла стеклянную дверцу шкафа. Ей пришлось встать на цыпочки, чтобы достать картонную коробку с верхней полки.

– Хорошо, что вы сразу заглянули ко мне. В Атлантическом океане волнение только усилится. Сейчас я вам что-нибудь вколю.

Она вынула из коробки стеклянную ампулу и снова повернулась к нему.

– Спасибо большое, но я уже сам вколол себе кое-что, – сказал Мартин.

Улыбка, которая до сих пор постоянно присутствовала на лице доктора Бек, медленно сползла с него. У Мартина возникло такое чувство, словно это он сам повернул диммер, отвечавший за интенсивность улыбки на лице докторши.

– Вы себе что-то *вкололи*?

– Да, вчера. Антитела ВИЧ. С тех пор я должен постоянно принимать средства для постэкспозиционной профилактики.

«И время от времени мою голову пронзает острая как бритва боль».

– Ради всего святого, скажите, зачем вы это сделали? – спросила Елена Бек, не в силах скрыть свое изумление.

Она была крайне смущена, ее голос дрожал, как и ее рука, в которой она держала ампулу с жидкостью от морской болезни.

– Чтобы подтасовать результаты теста на ВИЧ. Это длинная история. – Он махнул рукой. – Почти такая же длинная, как история Анук Ламар.

Очевидно, после диммера он нашел кнопку мгновенной заморозки. Мимика докторши Бек мгновенно застыла.

– Кто вы такой? – спросила она, прищурившись.

– Человек, который вам говорит, что сейчас вы возьмете телефонную трубку и наберете номер.

– Какой номер?

– Который вам дали на тот случай, если кто-нибудь будет задавать неудобные вопросы.

Доктор Бек попыталась рассмеяться, но у нее ничего не вышло.

– Я понятия не имею, о чем вы говорите! – с наигранным возмущением воскликнула она.

– О похищении ребенка, например. О сокрытии преступления, о пособничестве, а возможно, и о соучастии в преступлении. В любом случае я говорю о потере вами разрешения на врачебную практику, если выяснится, что вопреки всем этическим нормам вашей профессии вы удерживаете в неволе маленькую девочку против ее желания.

Он видел, что каждое его слово было для докторши как пощечина. С каждой секундой щеки Елены пылали все ярче. И напротив, сам Мартин становился все спокойнее, сидя на удобном стуле для пациентов.

– Давайте же звоните, – сказал он, закинув ногу за ногу. – Я зарегистрировался под своей собственной фамилией. Капитан знает меня. Должно быть, набатные колокола все еще звонят, с тех пор как вчера ночью система бухгалтерского учета выдала мои данные. – Мартин показал на телефон, стоявший на безупречно прибранном письменном столе. – Позвоните ему.

Докторша нервно потрогала мочку уха. Повертела жемчужную сережку, словно это был регулятор громкости ее внутреннего голоса, который должен был подсказать ей, что теперь делать.

Она вздохнула.

Не выпуская Мартина из виду, она вынула из чехольчика, закрепленного на поясе ее униформы, мобильный телефон.

Нажав кнопку на номерной панели управления, она поднесла трубку к уху. Мартин услышал длинные гудки. После третьего гудка трубку сняли.

Доктор Елена Бек произнесла только два слова:

– Он здесь.

Потом она передала трубку Мартину.

Глава 14

– Добро пожаловать на борт, герр Шварц.

Мартин встал. У человека на другом конце линии был твердый, слегка хрипловатый голос. Он говорил по-немецки с едва уловимым славянским акцентом. Мартин дал бы ему лет пятьдесят пять – пятьдесят девять. Голос показался ему знакомым, однако он так и не вспомнил, кто это.

– Кто вы? – Мартин ожидал услышать голос капитана, но, видимо, трус не решился поговорить с ним даже по телефону.

– Меня зовут Егор Калинин, – ответил владелец пароходной компании, чем немало удивил Мартина. – Надеюсь, вам нравится мой корабль.

– Видимо, вы хотели сказать – ваша тюрьма. Где девочка?

Егор удовлетворенно икнул:

– Ага, значит, вы уже поговорили с Герлиндой Добковиц.

Мартин помедлил с ответом. Судовладелец воспользовался возникшей паузой, чтобы открыть ему, что он наилучшим образом информирован о каждом его шаге на борту «Султана».

– Вы же не думали в самом деле, что вас позвала на помощь выжившая из ума старая перечница? В действительности это *я* хотел, чтобы вы оказались на борту судна. Старая Добковиц думает, что подложила нам свинью, посвятив вас в суть дела, а при этом она сама попалась на один из моих фокусов.

Мартин молча кивнул. Он уже подумал об этом. Правда, он много лет не менял личный код доступа, но только потому, что для этого у него не было никакого повода. Конечно, его адвокаты тоже знали этот номер, но они никогда не опубликовали бы его в материалах судебного процесса. Должно быть, миллиардер располагал отличными источниками информации и намеренно передал Герлинде Добковиц папку с материалами дела, куда предварительно вписал номер его телефона.

– Почему вы рассказываете мне все это? – спросил Мартин. Он повернулся спиной к докторше и подошел к иллюминатору. Солнце как раз заходило, и горизонт над морем мерцал красноватым цветом.

– Чтобы добиться доверия.

Мартин иронично рассмеялся.

– Признавшись при этом, что манипулируете другими людьми?

– Да, я честный малый, – рассмеялся Егор. – И положа руку на сердце должен признаться, что мне пришлось использовать старушку Добковиц,

чтобы заполучить вас в качестве сотрудника. Если бы вам позвонил Бонхёффер или я сам, вы бы никогда не поднялись на борт «Султана».

– Вы только что сказали «в качестве *сотрудника*»?

– Да. Я хочу вас нанять.

Теперь рассмеялся Мартин.

– В качестве кого именно?

– В качестве терапевта. Займитесь нашим «двадцать третьим пассажиром».

Мартин постучал себе по лбу:

– Я же не детский психолог.

– Но вы же изучали психологию.

– Это было давно.

– Кроме того, благодаря своей профессии вы знаете, как вести себя с травмированными жертвами. Вы можете находить укромные места. Позаботьтесь о малышке. Постарайтесь выяснить, где Анук провела два последних месяца.

Мартин прижал ладонь к холодному стеклу иллюминатора и покачал головой.

– Почему я должен помогать вам в похищении девочки?

– Потому что у вас нет другого выбора.

– Уж не угрожаете ли вы тем, что девочка навсегда исчезнет, если этот случай станет известен официальным властям? – спросил Мартин.

– Это сказали *вы сами*.

Мартину показалось, что в трубке послышалось приглушенное тявканье маленькой собачонки, но он не был наверняка уверен в этом.

– Бонхёффер считает, что с момента вашей трагедии у вас явно не все дома, – сказал Егор. – Тем не менее я полагаю, у вас хватит сообразительности и решимости, чтобы разгадать загадку Анук Ламар. А может быть, тем самым справиться и со своей собственной травмой. Ведь вы кровно заинтересованы в разгадке этого дела, я прав?

Мартин подумал о медвежонке, который теперь лежал в его вещмешке, и посмотрел на докторшу, которая во время всего разговора не шелохнулась. Она все еще стояла с ампулой в руке рядом с вращающимся стулом для клиентов, и у нее был вид человека, который чувствует себя неуместно на своей собственной вечеринке.

– Я думаю, надо сообщить об этом органам власти, – сказал Мартин.

Докторша едва заметно кивнула. Непроизвольный жест согласия.

– И *что же* вы им скажете? – Голос Егора зазвучал ниже, и судовладелец довольно похоже сымитировал баритон Мартина: – Алло, я

Мартин Шварц, тот тип, который уже однажды выдвигал обвинение против пароходной компании Калинина и капитана «Султана морей». Да, я знаю, тогда никто не поверил мне, что моя семья не могла покончить с собой, хотя все улики говорили об обратном. Да, пресса писала, что, ослепленный горем, я хотел найти виновника трагедии, несмотря на салфетку, смоченную хлороформом, найденную рядом с кроватью сына. Тогда я проиграл все судебные процессы, и никто мне не поверил. Но теперь у меня есть неопровержимые доказательства того, что на корабле происходит что-то странное. – Егор рассмеялся, словно отпустил непристойную шутку.

– На этот раз ко мне прислушаются, – возразил Мартин. – Теперь есть слишком много свидетелей.

– Поговорим о сумасшедшей старушенции, которая даже на форумах эзотериков считается чокнутой? Ах да, желаю хорошо повеселиться с ФБР. Оно тотчас заявится сюда, как только мы сообщим о нашем «двадцать третьем пассажире». Ведь Анук Ламар американка. Они арестуют судно и будут в течение нескольких месяцев обыскивать его.

– И это будет стоить вам миллионы.

– А вам правды, Мартин. Неужели вы действительно верите, что ФБР сделает вам такое же предложение, как я?

– Какое предложение?

Мартину показалось, что его правое ухо раскалилось, и он приложил мобильник к другому уху.

– Я позволю вам разговаривать с девочкой, – сказал Егор. – Так долго и так часто, как вы захотите. И напротив, ФБР тотчас отстранит вас от расследования как лицо, заинтересованное в исходе дела, мой дорогой герр Шварц. Только сотрудничая со мной, вы получите неограниченный доступ ко всем помещениям на корабле.

– И я должен буду выяснить, что произошло с малышкой, не обращаясь к общественности?

– Правильно.

Мартин прикрыл глаза. Вновь открыл их. Но так и не смог найти никакого вразумительного решения.

– Где Анук? – спросил он.

– Доктор Бек проводит вас к ней. Завтра, прямо с утра.

– Я хочу видеть ее *немедленно.*

Егор рассмеялся:

– В этом-то и проблема с желаниями, герр Шварц. Только неподходящие желания исполняются немедленно. Сначала вам надо как следует выспаться. Завтра наверняка будет трудный день.

Глава 15

Кверки. Итак, ты проработаешь это?

Муншэдоу. Да, я так тебе благодарна.

Кверки. За что?

Муншэдоу. За то, что ты помогаешь мне в этом! Без тебя я бы никогда с этим не справилась.

Лиза поспешно захлопнула свой ноутбук и быстро сунула его под одеяло, так как ей послышался какой-то шум в каюте ее матери. Но видимо, это постукивала в пазах встроенная мебель, когда корабль качался на волнах. Никто не стучал в межкомнатную дверь.

Ух!

Меньше всего ей хотелось, чтобы мать увидела ее за компьютером. Свой мобильный телефон Лиза отдала ей на все время отпуска, притворившись, что делает это добровольно. Во-первых, звонки в открытом море и без того были бы слишком дорогими, а во-вторых, с помощью ноутбука, который она тайком пронесла на борт, было гораздо удобнее общаться в Интернете. К счастью, мать не заметила маленький ноутбук в ее рюкзаке.

Как не замечала и многое другое.

Выждав из предосторожности некоторое время, Лиза отважилась вновь вернуться в чат.

Правда, для этого ей пришлось снова зарегистрироваться, так как связь автоматически прерывалась, когда закрываешь монитор, но это не беда. Беспроводная локальная сеть в каютах была бесплатной и функционировала превосходно, по меньшей мере пока они находились вблизи побережья. После ужина, в начале одиннадцатого, казалось, что не многие пассажиры находились в диалоговом режиме. По всей видимости, большинство пассажиров «Султана» в этот первый вечер сидели в одном из баров, в водном театре, где сегодня давали представление фигуристы со своим ледовым ревю, в 4D-кинотеатрах или прогуливались на верхней палубе, наслаждаясь относительно теплым ночным воздухом.

Лиза плотно поела, заказав вместе с матерью ужин из пяти блюд в одном из ресторанов, по сравнению с которым столовая в экранизации «Титаника» показалась бы пунктом раздачи пищи для бездомных. Шестьсот пассажиров могли одновременно трапезничать в двух огромных

залах, расположенных на двух уровнях и связанных между собой парадной лестницей, состоящей из двух крыльев. За каждый стол отвечал отдельный официант в ливрее. По лицу пижона, который обслуживал их стол, Лиза заметила, как он был уязвлен тем, что в своей черной плиссированной юбке и майке с короткими рукавами и с изображением черепа она не полностью соответствовала нарядно-повседневному дресс-коду, рекомендованному для посещения ресторана.

Плевать мне на это.

Лучше бы он подал ей жареную колбасу с соусом карри, а не полусырое мясо в каком-то непонятном сливовом соусе. Оно не понравилось Лизе в такой же степени, как и вопросы обеспокоенной матери: «Ты себя хорошо чувствуешь, малышка? У тебя проблемы? Хочешь поговорить об этом?»

В конце ужина Лиза действительно так устала от своей постоянной лжи, что ей даже не пришлось притворяться утомленной, чтобы ей наконец получить позволение отправиться в свою каюту.

Она активировала окошко в браузере, которое открывала в последний раз. Easyexit открылся в течение считаных секунд, и она снова оказалась в личном и, как заверила ее Кверки, многократно закодированном чате.

Муншэдоу. Извини, я снова в Сети.

Кверки. Твоя мать?

Муншэдоу. Ложная тревога.

Кверки. Ты думаешь, она что-то подозревает?

Муншэдоу. По меньшей мере, она нашла видео.

Охотнее всего она бы еще во время ужина высказала матери всю правду в лицо, когда та после долгих колебаний наконец решилась заговорить и с озабоченным видом спросила, было ли видео «подлинным».

Да, мама, потаскуха в Интернете – это я. Но это не та причина, по которой я готова вскрыть себе вены или броситься под поезд метро. Только не из-за видео.

Лиза почувствовала, как ее вновь охватывает гнев.

Послушайте, файл бродит в Сети уже несколько недель. Просто удивительно, что прошло столько много времени, прежде чем ее мать обнаружила его. И то только потому, что Шиви сбросил его ей.

И теперь она была в шоке, а ведь это она сама проститутка, которая трахается с ее школьным наставником. Дрянь, безмозглая корова, вероятно, думала, что от траханья становишься невидимым. При этом достаточно было лишь в неподходящий день и в неурочное время пройти мимо

неудачно выбранного ими кафе и увидеть, как они запихивают друг другу язык в глотку. *Блевотина.*

Кверки. Эй, ты еще здесь?

Лиза уставилась на мерцающий курсор. В этом Easyexit-чате писали белыми буквами на черном фоне, что было вполне уместно на форуме «взаимопомощи» самоубийц, но при продолжительной работе сильно утомляло глаза.

Муншэдоу. Когда самое лучшее время сделать **ЭТО**?

Кверки. Не сию минуту, пусть она сначала уверится в том, что с тобой все в порядке.

Муншэдоу. Я думаю, что сегодня мне удалось убедить ее в этом.

Уже при отчаливании от берега она устроила шоу, достойное «Оскара», и сделала вид, что безумно рада поездке.

Это так круто, мамочка.

Ей даже удалось выдавить из себя слезу. А затем она дала на бис представление за ужином.

«Не беспокойся, – сказала она своей матери. – Это видео – фейк, фальшивка. Это не я. И все мои друзья знают это. Никто в моей школе не принимает всерьез эту дрянь. Мы только смеемся над этим, я и мои подруги».

«Мои подруги и я», да, мама. Я знаю!

«То, что сейчас я редко встречаюсь со своими школьными подругами, связано с моим другом. Да, у меня есть друг. Вот я и призналась. Ух! Я не хотела тебе об этом говорить, поэтому и вела себя так странно в последнее время. Нет, это не то, о чем ты думаешь. У нас с ним не было ничего, кроме обнимашек».

При этом воспоминании ей в голову пришло что-то веселое, и Лиза решила обязательно сообщить об этом Кверки:

Муншэдоу. Я сказала маме, что мы с тобой были влюбленной парой.

Кверки. Хе!

Муншэдоу. Когда я ей сказала, что дружу с мальчиком, она спросила меня, как его зовут, единственное, что мне пришло в голову, был твой псевдоним.

Кверки. Она поверила, что твоего друга зовут КВЕРКИ???

Лиза невольно улыбнулась.

Муншэдоу. Я сказала ей, что это прозвище от Кверкус, твоей фамилии.
Кверки. Ах, послушай, если бы ты знала, как это смешно…

«Он старше меня, – продолжала она сочинять. – Ему семнадцать. Ты наверняка с ним скоро познакомишься. Только не говори ничего об этом папе, хорошо?»
Ее мама посмотрела на нее с таким облегчением, как некогда ее лучшая подруга, когда после одного из выездов класса на экскурсию у той снова начались месячные, из-за задержки которых она так переживала.
Ее отец никогда не поверил бы в такой вздор. Лиза считала, что адвокаты по своей природе менее доверчивы.
Легкое жужжание вывело Лизу из задумчивости. Но это был всего лишь мини-бар, из которого она достала бутылочку колы, бесплатную, как и все остальные напитки и еда на «Султане».
Вернувшись на кровать, она снова уселась, скрестив ноги, отпила глоток из крошечной бутылочки и бросила взгляд на балконную дверь, в которой отражалась вся каюта. Корабль начал разворачиваться, в то время как она продолжила барабанить по клавишам своего ноутбука:

Муншэдоу. Я читала, что утопление – это круто, невероятно болезненно, и это не опьянение, как пишут некоторые.
Кверки. Ты не должна думать об этом, такие мысли только мешают тебе.

Легче сказать, чем сделать. Она постоянно думала о боли. Это началось с развода ее родителей. Ее отец оказался первым, кто покинул ее. Но, к сожалению, далеко не единственным. Как ни странно, душевные муки были гораздо сильнее, чем физическая боль. Наоборот, когда она себя царапала, физическая боль была единственным, что она чувствовала.
Только Лиза собралась спросить Кверки, когда завтра ей надо будет снова войти в сеть, как мини-бар снова зажужжал. Сбитая с толку, она встала.
Жужжание было слишком равномерным для случайного сбоя в работе бара. Она хотела послать сообщение своему собеседнику по чату, что на минутку выйдет из Сети, чтобы осмотреться в каюте, но Кверки опередила ее:

Кверки. Что это жужжит у тебя все время???

Лиза испуганно прикрыла рот ладошкой.

Она проверила иконки на экране своего ноутбука. Микрофон и веб-камера были выключены.

Как могла Кверки это услышать?

Жужжание стало громче, когда она открыла дверцу мини-бара, расположенного в тумбочке под телевизором.

В небольшом внутреннем отсеке находилось около дюжины бутылочек, безалкогольные напитки и пиво, кроме того, в боковом отсеке лежали пакетики с арахисом и стояли крошечные бутылочки со спиртными напитками. Но там не было ничего, что могло жужжать. И тем не менее равномерное жужжание продолжалось.

Тогда Лиза открыла морозильную камеру и была вознаграждена за свою настойчивость.

Рядом с емкостью для кубиков льда лежал небольшой голубой конверт с логотипом пароходной компании. Пузатый конверт делал нечто, что заставило Лизу с испуганным криком отпрянуть от холодильника: он вибрировал. В первый момент она подумала, что это червяки извиваются внутри конверта, однако это было невозможно.

Только не при минус восьми градусах. И червяки не жужжат через равномерные промежутки времени!

Лишь через некоторое время Лиза подумала о том, что напрашивалось само собой, вынула конверт из морозилки и открыла его.

Действительно.

Конверт оказался на подкладке и имел хорошую изоляцию, поэтому сотовый телефон, который она вынула из конверта, даже не был слишком холодным на ощупь.

– Алло?

– Ну наконец-то, – прозвучал голос, который она представляла себе совсем иначе.

– Кверки? – спросила Лиза, понизив голос, чтобы мать, находившаяся в соседней каюте, не могла ее услышать.

– А кто же еще?

– Батюшки мои! – Лиза облегченно рассмеялась. Ее сердце колотилось, как после забега на стометровку. – Ну ты меня и напугала.

– Почему же, моя услада? Я же тебе сказала, что буду сопровождать тебя во время твоего большого плавания. – Кверки тоже рассмеялась. – Я

приготовила для тебя отвертку, аэрозольный баллончик с краской и схему расположения камер видеонаблюдения. Слушай внимательно, Лиза, я скажу тебе, где и как ты все это найдешь!

Глава 16

Судовое время 8:30
49°40 с. ш., 7°30 з. д.
Скорость: 27 узлов; ветер: 15 узлов
Волнение на море: 1,5–4 фута
Удаление от Саутгемптона: 219,6 морской мили
Кельтское море

«Только для экипажа» – было написано на стальной двери, которая уже одним своим красным цветом как бы сигнализировала, что постороннему здесь было нечего делать.

Доктор Елена Бек вставила свою кодовую карту в считывающее устройство, и раздался звуковой сигнал, похожий на жужжание электробритвы.

– Чтобы вы сразу уяснили себе, – заявила она и надавила плечом на дверь, открывавшуюся вовнутрь, – я не считаю хорошей идеей, что к ней допускают постороннего человека…

– Да неужели, – преувеличенно удивился Мартин. – А я уже подумал, что у вас такой мрачный вид только из-за того, что вчера вам так и не удалось сделать мне укол.

Докторша и бровью не повела.

– Но, с другой стороны, – дополнила она свою мысль, – я очень рада, что об Анук позаботится психолог, который хорошо разбирается в вопросах насилия и знает, как вести разговор с жертвами насилия. Малышке пригодится любая помощь.

Мартин последовал за докторшей; переступив через высокий порог, он оказался в узком, ярко освещенном коридоре.

Технологические переходы на палубе А, находящейся у самой ватерлинии, имели мало общего с удобными коридорами пассажирских палуб. Вместо толстого напольного покрытия приходилось шагать по линолеуму, обшивка стен была покрыта серой краской под цвет бетона, и здесь не видно было на стенах картин в дорогих рамах.

– А где же наш трус? – спросил Мартин.

Он чувствовал себя совершенно разбитым, и ему казалось, что ночью он не спал и часа. Вчера, приняв душ, он лег, как был раздетым, на слишком широкую для одного человека кровать и таращился в потолок до

тех пор, пока солнце снова не взошло над Атлантикой. Потом он принял свои пилюли и снял трубку телефона, чтобы задать жару Бонхёфферу и узнать, когда же его наконец пустят к Анук Ламар. Сейчас было немногим более половины девятого судового времени (во время трансатлантического плавания в западном направлении часы переводились каждую ночь на один час назад), в общей сложности ему пришлось ждать почти три часа, пока доктор Бек не зашла за ним в его каюту.

– Вы имеете в виду капитана? Почему он не сопровождает нас? – Она шла на полшага впереди Мартина, при каждом шаге ее светло-русая коса моталась по спине от плеча к плечу, а подошвы кроссовок поскрипывали. Под мышкой левой руки она держала синюю картонку с зажимом и свою офицерскую пилотку. – Вскоре у него должно состояться совещание с офицерами в планетарии, поэтому он попросил меня сопровождать вас. Он слишком занят.

Мартин презрительно фыркнул:

– Могу себе представить. Такое похищение ребенка может кого угодно лишить сна, нет?

Докторша остановилась и покачала головой.

– Послушайте, я не знаю, что произошло между вами и капитаном, но в одном могу вас заверить: Даниэль Бонхёффер рассудительный и кристально честный человек. Всех нас до глубины души волнует только благополучие и здоровье девочки, и ему вся эта история так же неприятна, как и мне самой.

– Ну конечно. – Мартин пренебрежительно усмехнулся.

И куры дохнут от кариеса.

Они прошли мимо множества дверей по обе стороны от прохода. Некоторые из них были открыты, и Мартин смог заглянуть в каюты экипажа. Скромно обставленные тесные помещения с открытыми шкафчиками и двухъярусными кроватями, как в железнодорожном спальном вагоне. Только значительно уже.

Перед спуском в преисподнюю круизного лайнера докторша объяснила ему, что на первой нижней палубе они сначала пройдут через зону, предназначенную для служащих отеля, занимающих в корабельной иерархии более высокое положение: горничных, барменов, официантов и прочего обслуживающего персонала. Еще ниже, на палубах B и C, жили члены экипажа судна: рабочие и работницы кухни и прачечной, техники, обслуживающие установку по сжиганию мусора и установку по опреснению морской воды, а также команда машинного отделения. Здесь жили люди, которые никогда не попадались на глаза пассажирам,

оплатившим круиз.

Видимо, зона проживания обслуживающего персонала должна была быть более комфортабельной, чем зона, предназначенная для экипажа судна, однако уже на палубе А у Мартина возникло такое чувство, что они проходят мимо бесконечного ряда тюремных камер. Из-за закрытых дверей до него доносился мужской и женский смех, кто-то громко орал на незнакомом ему языке, а в каюте, мимо которой они сейчас проходили, сидели два парня в коротких шортах, играли в карты и слушали рэп.

Когда полуобнаженные матросы увидели проходившую мимо стройную, высокую докторшу, они высунули языки и часто задышали, как загнанные псы. Один из них запустил руку себе в трусы.

– Хотите попробовать то, что я держу сейчас в руке, док? – крикнул он вслед им по-английски.

– Если ты можешь удержать это в одной руке, то мне это не интересно, – парировала она.

В ответ матросы с довольным видом заржали как жеребцы.

Затем Мартин и докторша свернули в более широкий поперечный проход, в котором стояли несколько тележек и сервировочных столиков.

– Сейчас мы находимся на Бродвее, – пояснила доктор Бек и показала на нарисованную на полу табличку с на званием американской улицы, – все переходы и коридоры на палубе, на которой размещается экипаж судна, носят название улиц Манхэттена.

– И это помогает ориентироваться?

– Более или менее. В данный момент мы с вами идем по окраине в направлении к площади Таймс-сквер, центру отдыха для обслуживающего персонала, где можно поиграть в настольный теннис, а для тех, кто обожает азартные игры, в игровые автоматы. Если вы заблудитесь, вам нужно будет просто вернуться на Парк-авеню, откуда мы только что пришли, а оттуда снова пройти на Центральный вокзал, через который мы попали на эту палубу. Здесь повсюду указатели.

– Предельно просто, в расчете на дураков, – саркастически заметил Мартин, – даже дети месяца за два снова смогут выбраться отсюда, не так ли?

Елена Бек остановилась. Ее взгляд помрачнел. Однако, очевидно, причиной этого был не он, а те обстоятельства, которые привели их сюда, вниз. Она осмотрелась, не подслушивает ли их кто-нибудь, и, понизив голос, сказала:

– Я переживаю, так же как и вы, и мне тоже не по себе.

– Да что вы говорите? И почему же вы тогда сразу не подключили

полицию?

– Потому что тогда я бы подвергла жизнь девочки опасности, – с загадочным видом заметила Елена.

– Что вы имеете в виду?

– Капитана шан… – начала она, но тут же осеклась и покачала головой.

– Шантажируют?

– Забудьте об этом. Я не имею права говорить об этом. Кроме того, вы же из полиции, не так ли?

Да, верно.

Правда, его жетон полицейского имел на борту «Султана» примерно такую же силу, как звезда шерифа, которую он подарил Тимми, когда тому исполнилось пять лет.

– К слову, капитан просит вас не фотографировать и не снимать видео, – сказала докторша. – Лучше всего, если ваш мобильник останется у вас в кармане.

– Предполагаю, что вам это неприятно слышать, – возразил Мартин, – но от вашего стремления делать из всего тайну мало толку. О существовании девочки уже сейчас знают слишком много людей. Возможно, Добковиц и не самый надежный источник. Ну а горничная…

– Шахла? – Доктор Бек покачала головой. – Она не проговорится.

– Почему?

– Бедная женщина работает не разгибая спины восемьдесят часов в неделю за пятьсот долларов в месяц, из которых две трети она отсылает семье в Карачи.

– То есть пароходная компания пригрозила ей увольнением?

Елена снова покачала головой:

– Напротив. Они в три раза повысили ей зарплату, чтобы она трижды в день приносила Анук еду и убирала в палате. Они уволят Шахлу только в том случае, если она кому-нибудь расскажет об этом, но при возможности получить полторы тысячи долларов за один-единственный месяц работы она скорее ляжет под гладильный пресс, чем проболтается.

– А как насчет вас? – устало спросил Мартин. – Чем шантажируют вас?

Докторша подняла руку и пошевелила безымянным пальцем. Обручальное кольцо было простеньким, но подобрано со вкусом, из платины с маленьким бриллиантом в оправе.

– У нас с Даниэлем в декабре свадьба.

Вот оно что. Она ложится в постель с врагом.

– Поздравляю, – сказал Мартин с нескрываемым сарказмом. Собственно говоря, несмотря на обстоятельства, которые свели их вместе, она показалась ему довольно симпатичной. – Другими словами, вы сделаете все, что от вас потребует ваш будущий супруг?

– Я сделаю все, чтобы помочь ему.

– Включая похищение ребенка?

Она открыла рот, но потом, видимо, решила не реагировать на это замечание, к тому же в этот момент они проходили мимо совсем молоденькой горничной. Горничная уступила им дорогу, шмыгнув за свою подметально-уборочную машину, из-за которой виднелась лишь растрепанная грива выкрашенных в черный цвет волос.

Мартин еще успел подумать, разве на таком фешенебельном лайнере, как «Султан» допускаются горничные с пирсингом в носу или смущенно уставившаяся в пол девушка вынуждена была вынимать украшение из носа всякий раз, когда отправлялась на пассажирскую палубу?

Они еще некоторое время молча шагали по коридору и наконец остановились перед дверью лифта. После многочисленных ответвлений, которые они миновали, Мартин окончательно потерял ориентацию.

– Где мы теперь находимся? – спросил он.

На большинстве участков пути им постоянно встречались люди в форменной одежде самых разных национальностей. Однако, с тех пор как они миновали ярмарку для обслуживающего персонала, где в очередях в столовые и закусочные стояли в основном азиаты, им никто так больше и не встретился.

– На каждом круизном лайнере имеются три зоны, – пояснила Елена. – Одна для пассажиров, одна для экипажа. И третья зона, в которую ни один человек из этих двух групп никогда не захочет войти добровольно.

Из заднего кармана своих форменных брюк она вытащила кодовую карту и вставила ее в считывающее устройство двери лифта.

– Мы называем эту запретную зону «Адской кухней». Сюда мы перевели Анук.

Глава 17

«Адская кухня»

Створки двери распахнулись, и Мартин вошел внутрь лифта, в торцевой стене которого виднелась еще одна дверь.

– Почему все избегают этой зоны?

– Из суеверия. Это карантинное отделение.

Докторша вошла первой, и Мартин последовал за ней со смешенными чувствами.

– Если у нас на борту появляется больной с заразным вирусом или тяжелой бактериальной инфекцией, он переводится сюда, чтобы предотвратить распространение эпидемии. После пожара наибольшую опасность на борту пассажирского судна представляет собой вспышка эпидемии, – пояснила доктор Бек и подождала, пока за ними закроются алюминиевые двери с электроприводом.

– Все выглядит совсем новым, – сказал Мартин, не заметивший на стенах из высококачественной стали никаких следов того, что этим лифтом когда-либо пользовались. И никаких кнопок, чтобы приводить лифт в действие.

– Так оно и есть. «Адскую кухню» еще ни разу не использовали. К тому же в случае реальной опасности это было бы крайне непрактично. Правда, имеется еще один грузовой лифт, с помощью которого можно транспортировать кровати, но я думаю, что даже такой путь не в состоянии выдержать ни один смертельно больной человек. Тем не менее ходят слухи, что здесь, внизу, пароходная компания проводит эксперименты над своими строптивыми служащими. – Она рассмеялась. – Или над пассажирами, которые не могут оплатить свои счета. Конечно, это мистификация, но персонал избегает приближаться к «Адской кухне», как вегетарианец к мясному прилавку. Это значит, что уборщицы предлагают друг другу деньги, лишь бы самим не убирать здесь.

В этот момент створки расположенной напротив двери лифта с шипением открылись, и они снова вышли на том же самом уровне.

Подивившись этому обстоятельству, Мартин понял, что прошел не через лифт, а через специальную шлюзовую камеру.

– В случае крайней необходимости эта зона герметически изолируется. Автономная система подачи воздуха и водоснабжения, независимое

электропитание. И нам с вами пришлось бы надеть защитные костюмы.

Они пересекли вестибюль с закругленной стойкой администратора, за которой, однако, никто не ждал пациентов.

Миновав еще одну дверь из оргстекла, они зашагали по пушистому ковру; точно такой же ковер лежал и в апартаментах Мартина. И вообще маленькая проходная комната с двумя кожаными креслами и платяным шкафом вполне соответствовала стандартному оснащению фешенебельного круизного лайнера. Даже межкомнатная дверь, перед которой они сейчас остановились, была идентична дверям пассажирских кают, вот только дверной глазок действовал в обратном направлении.

Докторша заглянула в него. Очевидно оставшись довольной тем, что увидела, она предложила Мартину воспользоваться своей кодовой картой, чтобы открыть дверь.

– Ваш электронный ключ запрограммирован таким образом, что вы сможете попасть во все зоны, которые потребуются вам для вашей работы. Вы можете в любое время приходить к малышке, но было бы прекрасно, если бы вы предварительно ставили об этом в известность и меня.

– Анук заперта на ключ? – спросил он, не скрывая своего неодобрения.

Докторша с серьезным видом кивнула:

– Для ее же безопасности. Пока мы не узнаем, где она была и кто ее преследует, она не должна бесконтрольно перемещаться по кораблю. Но за ее кроватью имеется специальная кнопка, и в случае опасности она всегда сможет поднять тревогу.

Елена показала наверх. Над дверным косяком имелся красный рычаг, который напомнил Мартину стоп-кран в железнодорожных поездах.

– В случае крайней необходимости вы можете с его помощью открыть дверной замок, однако при этом на мостике прозвучит сигнал тревоги, поэтому будет лучше, если вы будете всегда носить электронный ключ с собой.

Мартин вытащил из кармана своих джинсов пластиковую карточку, но не стал вставлять ее в считывающее устройство. Прежде чем войти, он хотел получить больше информации о том, что ожидало его за дверью.

– Это результаты ее обследования? – спросил он докторшу и показал на картонку, зажатую у нее под мышкой.

Елена молча передала ему картонку. Мартин быстро пробежал глазами отчет первичного обследования малышки.

«Анук Ламар. Пациентка женского пола. Цвет кожи: белый. Возраст: одиннадцать лет. Рост: 1,48 м; вес: 35 кг.

Общее состояние плохое с признаками запущенности. Пациентка не

реагирует на просьбы и уговоры. Подозрение на мутизм».

– Она совершенно онемела? – уточнил Мартин предположительный диагноз.

Доктор Бек печально кивнула:

– Ни единого слова. Она только стонет, плачет или бурчит себе под нос, но все это главным образом во сне. Видимо, ей снятся кошмары. Что касается неврологии, то все, кажется, в норме, как вы сами видите. Хорошие рефлексы, но…

– Что «но»? – спросил Мартин, а затем и сам увидел это. Заключение о физическом состоянии пациентки в последней трети отчета буквально лишило его дара речи:

«Обнаружены продольные поверхностные ссадины на коже непосредственно рядом с Labia majora (via falsa)».

– Гематомы на внутренних сторонах обоих бедер. Большие трещины на одиннадцать и восемь часов при положении больного как при камнесечении? – недоверчиво процитировал он следующий абзац отчета.

Елена печально кивнула:

– Разумеется, я зафиксировала все потертости.

Боже мой!

Мартин закрыл глаза.

Следовательно, Анук Ламар была многократно зверски изнасилована своим похитителем.

Глава 18

В это же время, пятая палуба

Тиаго Альварес вышел из каюты с внутренним двориком (так с целью приукрашивания назывались на «Султане» внутренние каюты с видом на прогулочную палубу с магазинчиками) и поздоровался с пожилой дамой в купальном халате, которая шла по коридору ему навстречу из спа-центра. Обрадованная неожиданным знаком внимания со стороны молодого человека, она одарила его сияющей улыбкой и смущенно дотронулась до своей только что высушенной феном пышной прически.

Тиаго не нужно было оборачиваться, чтобы убедиться в том, что дама смотрит ему вслед. Аргентинец прекрасно осознавал, какое впечатление он производит на женщин, независимо от их возраста. Им нравились его смуглая кожа, черные вьющиеся волосы, которые с трудом удавалось уложить только с помощью лака для волос, и его мечтательный взгляд с едва уловимым налетом меланхоличной беспомощности.

С довольным видом, напевая вполголоса (у него всегда поднималось настроение, когда он замечал, что нравится людям), он направился в носовую часть судна в направлении бара «Атлантика». В последней трети коридора он остановился перед дверью одной из внешних кают и покачал головой.

Из своих двадцати трех лет последние шесть он провел почти непрерывно на круизных лайнерах. С момента его первого плавания на теплоходе «Пуэртос» из Лиссабона к острову Тенерифе, самого крупного из семи Канарских островов, многое изменилось: корабли стали больше, каюты комфортабельнее, а еда лучше. Но пассажиры оставались такими же глупыми, какими были всегда.

«Каким же глупым надо быть, чтобы воспользоваться табличкой «Пожалуйста, уберите мою каюту!» – подумал он, заметив зеленую бирку, которая болталась на округлой ручке двери каюты.

Во-первых, из-за этой таблички горничная все равно не придет раньше, чем обычно. И во-вторых, это идеальное приглашение для уголовных преступников: «Входите, здесь как раз никого нет дома!»

Он вздохнул по поводу такого безрассудства и повернул табличку красной стороной: «Пожалуйста, не беспокоить!» Затем он вставил свой электронный ключ в прорезь для карточки и, убедившись, что за ним никто

не наблюдает, открыл дверь.

«Большое спасибо, Стейси», – мысленно поблагодарил он, обращаясь к практикантке-администраторше, с которой занимался сексом в компьютерном зале рядом с администраторской. Она была блондинкой, высокой и слишком шумной, и вообще не его тип, но секс с обслуживающим персоналом всегда был самым простым способом, чтобы облегчить себе работу. У каждого сотрудника администраторской имелся универсальный электронный ключ, чтобы проводить в каюту гостей, потерявших свои ключи или желающих из любопытства осмотреть каюты других категорий. Во время траханья Тиаго незаметно подменил свой собственный ключ на карточку своей партнерши. Конечно, на следующее утро Стейси в какой-то момент заметила, что ее универсальный ключ не работает. Она предположила, что магнитная лента ее карточки была повреждена, и оформила себе новую.

Пустяковое дело, если знаешь, как все организовано. И обладаешь соответствующими качествами Ромео.

Тиаго с довольным видом осмотрел каюту, в которую вошел. Никакого сравнения со свинарником, царившим в каюте, обследованной им ранее. Мерзавец из последней каюты с видом на внутренний дворик – согласно проездным документам в выдвижном ящике письменного стола, пенсионер из Швейцарии, путешествующий в одиночку, – разбросал в постели половину ужина, а свои перепачканные дерьмом кальсоны просто бросил на пол. Тиаго ненавидел подобное неуважение. Неужели эти свиньи не знают, в каком цейтноте трудится уборщица? Что она получает всего лишь несколько центов за уборку каждой каюты? В этой каюте, третьей по счету за его сегодняшнюю «утреннюю смену», были заметны только неизбежные следы ночи: измятая простыня, стакан с водой на ночном столике, скомканные джинсы и нижнее белье на диване. Но никаких обглоданных куриных крылышек на ковровом покрытии, и ванная комната выглядела так, как и следовало ожидать после пребывания в ней цивилизованного человека. Зато в последней каюте старый тюфяк, очевидно, принял мочалку за туалетную бумагу. К тому же, сходив по-большому, он даже не посчитал нужным воспользоваться ершиком для унитаза. Такая наглость оказалась последней каплей, и Тиаго решил отомстить грязной свинье. Собственно говоря, при его «работе» ему не следовало понапрасну задерживаться в чужих каютах, но он не смог отказать себе в удовольствии задержаться еще на минутку, чтобы стереть следы дерьма в унитазе зубной щеткой пенсионера.

«Жаль, что сегодня вечером я не смогу воочию увидеть, как старый

толстяк будет чистить зубы перед сном», – злорадно подумал Тиаго, открывая шкаф, в котором находился встроенный сейф.

Существовало всего лишь несколько систем гостиничных сейфов, и Тиаго знал все эти системы. Чаще всего ему требовалось некоторое время, чтобы разгадать универсальный код, однако здесь, на «Султане», это было излишним. Здесь в каждой каюте сейфы открывались соответствующим дверным ключом. Лучшего нельзя было и желать.

«Кто же здесь у нас?» – сказал он самому себе, рассматривая удостоверение школьника, которое нашел между айподом, небольшой суммой европейских денег и дешевой модной бижутерией. Юная девушка с крашеными волосами и дерзким взглядом вполне соответствовала черным высоким ботинкам на шнуровке и одежде исключительно темного цвета, висевшей в шкафу. «Лиза Штиллер», – прочел он ее имя и фамилию.

«Если бы у меня была пятнадцатилетняя дочь, я бы не разрешил ей делать себе пирсинг в носу», – подумал Тиаго. В таких вопросах он был консерватором. Тело женщины, и особенно юной девушки, было для него свято. Уже дырочки в ушах для продевания серег он считал надругательством над телом, не говоря о татуировках и пирсинге.

Тиаго ощупал ладонью правой руки дно сейфа, выложенное фетром, и наткнулся на новехонькую отвертку и маленький аэрозольный баллончик с краской.

Черная краска?

Уж не собиралась ли Лиза украсить корабль граффити?

Он положил баллончик назад в сейф и пересчитал наличность. 104,60 евро. Вероятно, это были все ее карманные деньги. Поскольку у нее не было портмоне, она наверняка даже не пересчитывала их, тем не менее Тиаго возьмет себе не более десяти евро. Его золотое правило гласило: не бери никогда больше чем десять процентов. И никаких личных вещей, которые в случае провала могли привести службу безопасности корабля к их владельцу. При потере небольших сумм жертвы всегда винили в этом себя.

«Видимо, ты их потеряла, дорогая. Почему же воришка оставил часы, все украшения и уйму наличности?»

При таком образе действий все длилось несколько дольше, но зато метод Тиаго был абсолютно надежен. Путешествие во внутренней каюте стоило ему две тысячи четыреста долларов за участок пути Кадис – Осло – Нью-Йорк, и к этому времени он уже разжился суммой две тысячи двести долларов. Пока он в Нью-Йорке сменит корабль и отправится в сторону Канады, к этой сумме добавится еще как минимум две тысячи пятьсот

долларов. Чистая прибыль больше двух тысяч. Совсем неплохо, если побочные расходы равны нулю и ты ведешь жизнь миллионера в вечном отпуске.

Тиаго отсчитал себе два банкнота по пять евро. Когда он клал остальные деньги назад в сейф, то заметил поставленный на ребро конверт, который был прислонен к боковой стенке в правом углу сейфа.

Еще одна финансовая подушка? Может быть, приданое на поездку от бабули?

Сгорая от любопытства, он открыл плотный конверт. И в то же самое мгновение неожиданный шорох заставил его понять, что он совершил непростительную ошибку.

Ошибку, которую он допустил еще при входе в эту каюту и на которую он должен был бы обратить внимание позднее, когда держал в руках удостоверение школьника.

«Как же он мог так опростоволоситься?» – подумал Тиаго и рефлекторно прыгнул щучкой через кровать в сторону балкона. Однако он действовал слишком медленно.

Ни один подросток не путешествует в одиночку на круизном лайнере!

Межкомнатная дверь, на которую он не обратил внимания, открылась, и у него уже не было возможности спрятаться на балконе, если он не хотел, чтобы при этой попытке его застала врасплох уборщица, которая в этот момент вошла в каюту и которая…

…которая была пьяна?

Тиаго сидел на корточках позади высокой кровати и наблюдал за происходящим с помощью зеркала, которое было прикреплено к стене над письменным столом рядом с телевизором.

Действительно, его первой мыслью было, что горничная в платье с белым фартуком и в старомодном чепце была пьяна, так нетвердо она держалась на ногах, когда ввалилась в комнату.

Но потом он увидел обоих мужчин у нее за спиной; увидел, как один из них ударил ее в спину кулаком, вследствие чего молодая женщина потеряла равновесие и, падая, ударилась головой об открытую им дверцу шкафа.

Глава 19

Каюта, которую занимала Анук, напомнила Мартину родильные палаты современных больниц, в которых по возможности все, что могло бы напоминать пациенту о больнице и болезни, было заменено светлыми и насколько возможно буднично выглядевшими материалами.

На полу был уложен ламинат, но благодаря высокому качеству тиснения неотличимый от настоящего паркета. Стены были цвета хорошо перемешанного латте макиато, а вместо типичных для больниц деревянных стульев, здесь расположился кожаный диван песочного цвета. Потолочные светильники, яркость которых регулировалась с помощью диммера, освещали палату мягким, пастельным светом.

На этом фоне казалось, что регулируемая по высоте больничная койка попала в номер пятизвездочного отеля по ошибке и была здесь совсем не к месту, несмотря на вмонтированную в стену позади изголовья кровати техническую панель с множеством электрических розеток для подключения медицинских приборов и гнезд для присоединения кислорода, сжатого воздуха, телефона, а также с красной кнопкой экстренного вызова, находящейся под рукой одиннадцатилетней пациентки.

Анук Ламар сидела в центре постели, подтянув колени к груди, и, казалось, не замечала, что уже давно не одна в комнате. На ней были простая ночная рубашка с завязками на спине и белые колготки из хлопчатобумажной ткани. Ее поза совершенно не изменилась с тех пор, как Мартин и Елена вошли в комнату. Она отвернулась от них, направив неподвижный взгляд направо, на стену каюты со стороны внешнего борта, в которой имелся небольшой иллюминатор, обрамленный светло-желтыми шторками. Время от времени высокая волна захлестывала иллюминатор, создавая эффект стиральной машины, типичный для кают, расположенных близко к ватерлинии.

Мартин сомневался, что Анук замечала капли на стекле или что-нибудь другое. Ему не нужно было заглядывать ей в лицо, чтобы узнать, что она была полностью погружена в саму себя и смотрела сквозь все предметы, находившиеся в ее поле зрения. При этом она автоматически равномерно расчесывала свое правое предплечье.

Казалось, что ее безжизненная фигурка наполняет помещение давящей безнадежностью, такой тяжелой, что ее можно пощупать руками. Иногда Мартину хотелось, чтобы у него было поменьше печального опыта, он

слишком часто заглядывал в опустошенные лица и узнал из первых рук, что в целом мире нет такого скальпеля и такой химиотерапии, с помощью которой можно было бы полностью удалить опухоль, похожую на раковую, гнездившуюся в душе девочки после пережитого ею ада. В таких случаях психологи и врачи уподоблялись техникам на атомных электростанциях Чернобыля и Фукусимы. Они были не в силах окончательно устранить проблему, в лучшем случае могли лишь ослабить последствия катастрофы.

– Привет, Анук, надеюсь, мы тебе не мешаем, – поздоровался Мартин с одиннадцатилетней девочкой на ее родном английском языке. – Меня зовут доктор Шварц, – представился он и заметил, что докторша озадаченно посмотрела на него. Это значит, что Бонхёффер не показывал ей материалы судебного процесса, в противном случае она бы знала, что у него есть ученая степень доктора психологии, которой он сам не придавал большого значения. То, что он упомянул о ней сегодня, было редким исключением. Он надеялся, что Анук легче воспримет присутствие второго доктора, чем прошедшего обучение на психологических курсах дознавателя, который хочет порыться в ее прошлом.

– Мы не собираемся тебя снова обследовать, – сказал он. – Не беспокойся.

Анук не прореагировала на его слова. Не было заметно никаких изменений ни в ее позе, ни в ее мимике или жестах.

Вот только чесаться она стала еще сильнее.

– Она постоянно это делает, – прошептала Елена.

– Давайте будем говорить громко, – приветливо, но твердо предложил Мартин. – И по-английски.

Если он правильно понял, сейчас Анук была занята как раз тем, чтобы замкнуться в своем собственном мире, и этот процесс самоизоляции только усиливался, когда люди вели себя в присутствии травмированного человека так, словно его тут вообще нет. Мартин узнал это от другого человека с психическими расстройствами, с которым он имел дело очень, очень давно.

Он знал это и по себе самому.

– Я знаю, что сейчас ты хочешь побыть одна и не желаешь ни с кем разговаривать.

И уж тем более с мужчиной.

– Я только хочу быстренько проверить технику в этой комнате.

Это была всего лишь неловкая попытка внушить Анук, что ей не стоит бояться надоедливых вопросов. Из своего опыта работы дознавателем он знал, что никогда нельзя слишком давить на травмированных свидетелей. Жертвы преступлений на сексуальной почве, прежде всего дети, находятся

в состоянии невыносимой раздвоенности. С одной стороны, они хотят, чтобы им помогли и наказали преступника. Но с другой стороны, они хотели бы навсегда стереть из памяти ужасное происшествие.

Мартин посмотрел на потолок комнаты, где на поворотном кронштейне висел темный плоский экран. Он показал вверх:

– Почему он не работает?

– Телевизор? – удивленно спросила Елена. – Я, в общем… я посчитала, что это как бы неуместно.

Мартин кивнул. Вполне объяснимая ошибочная оценка.

В обычной жизни не рекомендуется надолго оставлять ребенка одного перед телевизором. Но здесь сложилось положение, которое принципиально отличалось от обычной жизненной ситуации. Когда ему поручали опекать ребенка по программе защиты свидетелей, а раньше это время от времени случалось, он, оказавшись в надежном месте, первым делом включал телевизор, чтобы малыш не боялся.

Он попросил докторшу передать ему пульт дистанционного управления и выбрал из множества спутниковых программ, имевшихся на борту «Султана», детский канал, на котором демонстрировались рисованные мультипликационные фильмы.

– Тебе нравится «Ледниковый период»? – спросил Мартин.

Нет ответа. Анук осталась нема, как и телевизор, звук которого он намеренно отключил.

Елена вопросительно посмотрела на Мартина.

Позднее он объяснит ей, что жертвы, травмированные подобным образом, меньше страдают от косвенного ущерба их здоровью, если как можно быстрее после их спасения им предоставляется возможность отвлечься. Встречаются исследования, в которых утверждается, что солдаты, которым после ужасного боевого столкновения вручали игровую видеоприставку «Геймбой», реже страдали от посттравматических нарушений из-за чрезмерных нагрузок на психику, чем их боевые товарищи, с которыми слишком рано начинали вести психотерапевтические беседы.

– На редких фотографиях, сделанных корабельным фотографом, ее можно было часто видеть с альбомом для рисования в руках. Поэтому я оставила здесь бумагу и карандаши, – пояснила Елена. – Но это закончилось весьма печально.

Немудрено.

Для образной терапии было еще слишком рано, даже если исходная установка, побудить Анук нарисовать по памяти страшные картины и

выкинуть их из головы сама по себе была правильной.

– Все в порядке, если у тебя нет желания рисовать, – объяснил девочке Мартин. – Ты не должна здесь делать ничего такого, чего тебе самой не хочется.

Елена сдула со своего лица прядь волос, которая выбилась из ее косы.

– Я имела в виду не это, – сказала она, затем подошла к кровати и засучила рукав ночной рубашки Анук до локтя, что девочка безропотно позволила сделать. Стала видна узкая повязка, находившаяся немного выше левого запястья. – Она попыталась воткнуть себе в предплечье карандаш.

«Левое предплечье. Значит, она правша», – непроизвольно отметил Мартин.

– К счастью, я только на секунду вышла в ванную комнату, – Елена указала подбородком на почти невидимую дверь в стене рядом с кроватью, – чтобы принести ей воды для таблеток, я тут же вернулась и увидела, как Анук себя ранила.

– Ты укололась или оцарапалась?

Мартин снова обратился со своим вопросом непосредственно к девочке. И снова не получил ответа.

– Трудно сказать, – попыталась объяснить инцидент с ранением Анук Елена. – Она держала карандаш как нож, скорее это движение было похоже на движение рубанка.

Чтобы вырезать боль?

Мартин покачал головой. Пока еще не пришло время ставить диагноз. Сначала нужно было завоевать доверие Анук.

– Собственно говоря, я здесь только для того, чтобы проверить кнопку, – сказал он и показал на панель позади ее кровати. – Позади тебя есть кнопка, избавляющая от страха. Ты можешь нажать ее, когда почувствуешь себя плохо или когда тебе понадобится помощь. О’кей?

Она моргнула, но Мартин не посчитал это движение знаком понимания. При этом для него было очень важно, чтобы первая фаза завоевания доверия удалась. Анук должна была знать, что ее положение изменилось к лучшему и что она здесь больше не одна; ни на секунду, даже в те моменты, когда в ее палате никого нет.

– Хочешь испробовать ее? – спросил Мартин.

Елена кивнула ему, когда он положил руку на красную тревожную кнопку на технической панели позади больничной койки Анук.

– Не имеет значения, испугалась ли ты, или тебе больно, стало ли тебе грустно, или захотелось с кем-нибудь поговорить, ты просто нажимаешь вот здесь и…

Мартин надавил на кнопку, она щелкнула, и почти тотчас зазвонил мобильный телефон Елены, который она носила в карманчике на поясе своих черных форменных брюк.

Анук вздрогнула и еще плотнее прижала ноги к верхней части туловища, наклоненного вперед.

– Не беспокойся, милая, – сказала Елена и нежно погладила ее по голове. – Я тебе это уже объясняла. Тревожная кнопка включает мой телефон. Если он зазвонит, я сразу приду к тебе, в любое время дня и ночи.

– Ты просто должна нажать эту кнопку, избавляющую от страха, она вот здесь над твоей кроватью, – дополнил Мартин. – Как видишь, она работает.

Мартин сделал Елене знак, что им пора уходить. В данный момент он уже не мог ничего больше сделать.

– Я сейчас вернусь, сокровище мое, о’кей? – На прощание докторша нежно коснулась рукой щеки Анук, затем она вышла вслед за Мартином из палаты.

– Это безответственно, – сказал Мартин, после того как они закрыли за собой дверь. Он говорил, понизив голос, хотя не думал, что Анук может услышать их разговор здесь, в прихожей. – У нее тяжелые травмы…

– Для лечения которых она получает болеутоляющие средства и соответствующие мази.

– …и ее надо как можно быстрее поместить в больницу.

– Она уже находится в больнице, – возразила Елена. – Медицинский пункт здесь, на «Султане», оснащен гораздо лучше, чем многие городские поликлиники.

– Только здесь нет специально обученного персонала.

Докторша снова энергично запротестовала:

– Я три года жила в Доминиканской Республике и вылечила больше изнасилованных детей, бежавших с Гаити, чем директор гинекологической клиники в Гамбурге. И вы, *доктор* Шварц, кажется, как я только что смогла в этом убедиться, умеете очень хорошо обращаться с пациентами, имеющими посттравматические нарушения психики. Послушайте, я не собираюсь оправдывать то, что здесь происходит. Но неужели вы действительно думаете, что наш с вами постоянный присмотр за малышкой так уж плох?

«Да, думаю», – вертелось у Мартина на языке, но он так и не успел произнести это вслух, так как неожиданно зазвонил мобильный телефон Елены.

– Анук! – удивленно воскликнула она, взглянув на дисплей

мобильника.

Девочка нажала тревожную кнопку.

Глава 20

– Не беспокойся, мы хотим задать тебе только один короткий вопрос, – сказал мужчина, который сбил с ног горничную на пол в каюте Лизы. Он говорил по-английски с сильным акцентом.

Успевшая снова встать молодая женщина, чепец которой слетел с ее черных волос, лишь испуганно моргала. Она была худа до крайности, ее руки были не толще, чем палка от метлы, которую она прижимала к своей плоской груди. Со своей позиции спрятавшийся за кроватью Тиаго мог видеть через зеркало на стене только ее профиль и спину. Горничная стояла согнувшись, втянув голову в костлявые плечи. Ее позвоночник проступал на спине сквозь одежду, как жемчужины ожерелья.

Эта горничная была незнакома Тиаго, по меньшей мере до сих пор она не бросилась ему в глаза. Но в этом не было ничего удивительного ввиду такой армии обслуживающего персонала на борту лайнера.

Не имел Тиаго никакого представления и о том, кто были эти двое мужчин, которые угрожали ей.

Вожак, судя по золотой полоске на его униформе, был офицером низшего ранга классического личного состава корабля, то есть штурманом или инженером. В то же время второй, более высокий и физически более крепкий, в зеленых брюках и серой тенниске с короткими рукавами, у которого на одежде не было ни погон, ни полосок, скорее всего, был членом экипажа судна, возможно квалифицированным рабочим или наладчиком оборудования, на которого не обращаешь внимания, когда он появляется на короткое время на пассажирской палубе, чтобы устранить какие-нибудь мелкие неполадки.

Общим для обоих был удивительно дружелюбный вид. Улыбающиеся физиономии таких сотрудников туристические фирмы охотно помещают на обложки своих рекламных проспектов; симпатичные мужчины с гладкой, загорелой кожей, чисто выбритыми лицами и ухоженными ногтями. Если у рабочего его грубые черты лица смягчались благодаря широкому рту с пухлыми губами, то у офицера это были светлые, взъерошенные, как у озорника, волосы, делавшие его похожим на калифорнийского сёрфера, а не на драчуна.

Вот как можно ошибиться в людях.

– Я слышал, в последнее время ты часто бываешь в «Адской кухне»? – спросил офицер и сделал знак рабочему, после чего тот ловко заломил руку

девушки за спину, как это делают полицейские. – Есть там внизу что-нибудь, о чем я должен знать?

Согнувшаяся в три погибели девушка испуганно покачала головой.

Вожак слегка присел, чтобы снова оказаться на уровне глаз горничной.

– Неужели? И ты, потаскуха, еще делаешь вид, что ничего не знаешь? – Он смачно плюнул девушке прямо в лицо.

– Она лжет, – заметил высокий и еще сильнее заломил руку девушки, которая от резкой боли громко вскрикнула.

Как и офицер, рабочий говорил по-английски с сильным немецким, швейцарским или голландским акцентом. Тиаго не мог точно определить, из какой страны были родом эти типы, так же как и горничная, которая со своей смуглой кожей цвета корицы могла происходить из Пакистана, Индии, Бангладеш или какой-нибудь другой страны Юго-Восточной Азии.

– Ты хочешь нас обмануть, Шахла? – спросил офицер.

Молодая женщина покачала головой, даже не пытаясь вытереть плевок, который стекал у нее по щеке.

– Согласно расписанию ты должна убирать каюты на седьмой палубе. На этой неделе ты не должна была появляться в зоне для служебного персонала.

– Было изменять. Я не знать почему, – пролепетала она.

– А слухи утверждают обратное. Говорят, что в «Адской кухне» ты заботишься о безбилетном пассажире.

Она еще шире раскрыла глаза:

– Нет!

Лучше бы она не произносила это слово. Офицер нанес ей сильный удар кулаком в живот.

Шахла издала протяжный стон, как бы борясь с приступом тошноты, одновременно она старалась не делать резких движений, чтобы не вывихнуть себе плечо.

«Бог мой, что я могу сделать?» – задался вопросом Тиаго, который мог бы противопоставить этим явно опытным бойцам ненамного больше, чем избиваемая горничная.

Объятый ужасом, он наблюдал за тем, как предводитель схватил стакан, стоявший на тумбочке, и разбил его о край стола. С дьявольской ухмылкой он выбрал из осколков стекла один, затем прошел мимо Шахлы и своего сообщника в ванную комнату, чтобы тут же вернуться с поясом от купального халата в руке.

– Открой пасть! – заорал он на горничную, которой не оставалось ничего другого, кроме как подчиниться, так как громила, стоявший у нее за

спиной, еще сильнее надавил на ее плечевой сустав. Офицер засунул осколок стекла в рот горничной, который та открыла, чтобы закричать от острой боли. Лицо Шахлы исказилось от страха, но девушка старалась вести себя спокойно, насколько это было возможно с наполовину вывихнутым плечом.

По ее щекам струились слезы, из носа потекли сопли. Шахла жалобно застонала, когда офицер с проникновенным взглядом намотал пояс от купального халата вокруг ее головы и в качестве кляпа завязал узел перед ее ртом, лишив ее возможности выплюнуть осколок стекла. По знаку офицера рабочий ослабил свою хватку.

– Итак, еще раз сначала, Шахла. Ты можешь говорить «да». Ты можешь говорить «нет». Но ты не должна лгать. Если, конечно, не хочешь получить второй завтрак. – Офицер сжал свой кулак и поднес его к лицу Шахлы.

Шахла со стоном покачала головой. Как и Тиаго она поняла, что произойдет, если этот безумец еще раз ударит ее кулаком в живот и тем самым вызовет глотательный рефлекс, когда она, несмотря на кляп, попытается дышать через рот.

– Это ты нашла маленькую белую девочку? – начал офицер свой допрос.

Не колеблясь ни секунды, Шахла кивнула.

– Девочка все еще на борту?

Еще один кивок.

– В «Адской кухне», верно?

И на этот вопрос уборщица ответила утвердительно, точно так же как и на следующий:

– И ты получаешь много денег за то, что заботишься о ней?

– Хм-м-м!

Офицер, задававший вопросы, улыбнулся своему сообщнику и перешел на их родной язык, чтобы Шахла не могла его понять. В отличие от Тиаго, у которого были способности к языкам. Наряду со своим родным языком он мог читать и писать по-немецки, а также по-английски и по-французски. Да и голландский не был для него проблемой, ведь, будучи сыном дипломата, он в течение трех лет жил в Голландии.

– Я же тебе сказал, потаскуха сидит на золотой жиле, – сказал предводитель своему сообщнику. – В противном случае они не стали бы так сорить деньгами. Я вижу здесь уйму денег для нас. Наличными!

Верзила придурковато ухмыльнулся:

– Правда? И каков же твой план?

– Мы заставим эту суку отвести нас к девчонке и…

Тиаго было не суждено узнать, в чем же заключалась вторая часть плана.

По знаку своего компаньона рабочий поспешно отпустил руку горничной, глаза которой были готовы вылезти из орбит. Она вырвала кляп, шатаясь, шагнула в узкий проход между телевизором и кроватью. Схватилась за горло. И открыла рот. Так широко, что, несмотря на неблагоприятную перспективу, сидевший на полу Тиаго мог видеть в зеркале ее язык. Высунутый изо рта.

Красный.

Чистый.

Без осколка стекла, который застрял у нее на полпути между глоткой и трахеей, а может быть, и глубже, и который Шахла отчаянно пыталась выплюнуть.

Глава 21

Мартин открыл дверь и пропустил Елену вперед в изолированную палату Анук.

– Все в порядке, воробышек? – с озабоченным видом спросила докторша, однако, кажется, не было никаких причин для беспокойства. Поза Анук почти не изменилась.

Девочка по-прежнему сидела на кровати, скрестив ноги, правда, теперь себя уже больше не царапала. Она все еще не удостаивала взглядом ни Елену, ни Мартина, но ее губы едва заметно шевелились.

– Ты хочешь нам что-то сказать? – спросил Мартин и подошел ближе.

Действительно, малышка открыла рот. Она была похожа на пациента, пережившего апоплексический удар, который впервые пытается произнести членораздельные звуки.

Мартин и Елена, затаив дыхание, замерли, как мамонт из ледникового периода в мультфильме, который в этот момент демонстрировался с выключенным звуком по телевизору над их головами.

Мартин осторожно подошел еще ближе, однако он никак не мог понять, что же пыталась сказать Анук.

Почему же она нажала тревожную кнопку?

Тогда он решил рискнуть и присел к ней на краешек кровати, готовый в любую минуту снова встать, если она посчитает это недопустимым вторжением в ее личное пространство, но Анук оставалась спокойной.

Она еще раз открыла рот, и теперь это было уже довольно отчетливо. Она тихонько прошептала что-то, попыталась сформулировать слово, и, чтобы его расслышать, Мартин наклонился к ней так близко, что ощутил аромат яблочного шампуня, которым совсем недавно были вымыты ее волосы, и запах лечебной мази, которой были смазаны потертости на ее бедрах.

Втайне он надеялся на то, что слово, которое она пыталась произнести, не будет иметь никакого значения; а если и будет иметь, то такое, смысл которого откроется ему не сразу. Возможно, какое-нибудь понятие из ее фантазий или слово из детского языка, например «нан», когда имеют в виду «банан», или «оська» когда хотят сказать «соска».

Однако, когда он наклонился к Анук так близко, что ее дыхание щекотало ему мочку уха, у него не возникло никаких проблем, чтобы разобрать одно-единственное слово, вылетевшее из ее уст.

«Этого не может быть. Это совершенно невозможно», – подумал Мартин и вскочил с кровати словно ужаленный.

– Что это с вами? – испуганно спросила Елена, пока Мартин медленно отходил от кровати малышки.

– Ничего, – солгал он.

Ему было плохо, но это не имело ничего общего с покачиванием судна на волнах.

Сначала медвежонок. Теперь Анук…

Что тут происходит?

– Какая муха вас вдруг укусила? – поинтересовалась Елена, которая теперь снова говорила шепотом. – Что именно сказала вам Анук?

– Ничего, – снова солгал Мартин и заявил, что ему надо сделать небольшой перерыв, чтобы подышать свежим воздухом, и это было чистой правдой.

Острая как игла боль, которая пронзила его мозг еще вчера в каюте Герлинды Добковиц, снова возникла в его голове. Только на этот раз молнии, сверкавшие в его мозгу, были гораздо ярче.

Со слезами на глазах, вызванными невыносимой болью, он поспешно вышел из палаты, а в его ушах все еще звучал слабый голосок Анук.

Одно-единственное слово. Очень тихо, как бы испуганно, она прошептала: «Мартин».

Хотя до этого он назвал ей только свою фамилию.

Глава 22

– Она его проглотила! – зачем-то крикнул рабочий, хотя и так было ясно, что произошло.

– Дерьмо, как это могло случиться?

Может быть, потому, что вы засунули этот проклятый осколок стекла в рот горничной и заткнули его кляпом?

Тиаго уже не мог больше видеть Шахлу, которая опустилась на пол. Он мог ее только слышать. Издаваемые ею звуки были еще страшнее, чем стоны после удара кулаком в живот минуту назад.

– Что теперь будем делать? – озабоченно спросил дылда.

Офицер пригладил растрепанные волосы.

– Дерьмо, откуда я знаю, – сказал он. – Давай выбросим ее за борт.

Рабочий посмотрел в сторону балкона:

– В это время? Ты что, чокнутый? А если нас кто-нибудь увидит?

Офицер пожал плечами. Казалось, его совсем не волновало, что женщина у его ног задыхалась или умирала от внутреннего кровоизлияния.

Или от того и другого одновременно, судя по звукам.

Ну все. Хватит.

Тиаго не знал, что он сможет сделать, чтобы прекратить тот кошмар, в который попал совершенно случайно, но он больше не мог, как последний трус, прятаться на полу за постелью. Он выпрямился во весь рост, чего Шахла, лежавшая на полу и боровшаяся с удушьем, даже не заметила. В отличие от обоих налетчиков.

Губастый пронзительно вскрикнул, как девушка во время просмотра какого-нибудь кровавого ужастика, что, если вспоминать об этом задним числом, возможно, было бы довольно смешным, как и реакция офицера. Он был так поражен, что никак не мог закрыть рот, и таращился на Тиаго, как на привидение, только что выскочившее из своей бутылки.

– Дерьмо… Что…

Тиаго подскочил к Шахле, которая сидела на корточках на коврике между кроватью и телевизором. Он схватил ее под мышки и рывком поставил на ноги, что она покорно позволила ему проделать. Но потом последние силы уже начали покидать ее, изо рта пошла пена.

– Расслабься, – приказал ей Тиаго по-английски, бросив взгляд на дверь и на двоих громил, продолжавших неподвижно стоять там и удивленно смотревших на него. Правда, офицер вскоре снова обрел дар

речи.

– Как давно этот ссыкун уже здесь? – спросил он своего сообщника.

Тиаго встал за спиной у Шахлы, как незадолго до этого верзила, но только теперь он пытался помочь горничной занять такую позу, которая могла спасти ей жизнь.

Да когда же ты, наконец, наклонишься вперед?

– Ты что, подслушивал нас?

Прошло некоторое время, пока верхняя часть туловища Шахлы наклонилась вперед, да и то это произошло скорее ненамеренно, так как у нее подогнулись и колени. Тиаго пришлось напрячь все свои силы, чтобы удержать горничную от падения. Он сомкнул свои руки, как пояс, вокруг ее живота, а скрещенные ладони положил на диафрагму и сильным рывком прижал Шахлу к себе.

Один раз.

Краем глаза он видел, что оба типа внимательно наблюдали за ним, но не пытались подойти ближе.

Два раза.

Шахла перестала хрипеть и, казалось, становилась все тяжелее.

Три раза.

– Ты покойник! – крикнул офицер, и Тиаго знал, что речь шла не о горничной.

Он решил в четвертый раз применить метод Хаймлиха, даже не зная, правильно ли он его выполняет, снова нажал на диафрагму, на этот раз изо всех сил, и…

Получилось!

Осколок стекла вылетел изо рта Шахлы вместе с рвотными массами, пролетел полметра по комнате и упал прямо под ноги рабочего.

После того как Тиаго отпустил девушку, та снова опустилась на пол и теперь со свистом жадно хватала ртом воздух, но все-таки она дышала, и тем самым ее состояние значительно улучшилось и уже не внушало опасений.

Чего нельзя было сказать о положении Тиаго. Казалось, что вместе с осколком стекла исчез и паралич, охвативший двух безумцев.

Они бросились на аргентинца. Не сговариваясь. Не проронив ни слова. Нападавшие действовали синхронно, как сыгранная команда, которой они, вероятно, и являлись. В то время как рабочий прыгнул на Тиаго прямо через спину сидевшей на полу Шахлы, офицер бросился на него, перескочив через кровать.

Тиаго не мог бы точно сказать, кто из них ударил его первым. И

благодаря чьему удару он сбил с тумбочки телевизор, прежде чем упасть на пол.

«Ну, вот и все», – подумал он, заметив кулак, занесенный над его головой. Он ожидал услышать в следующий момент скрежет своих зубов и хруст сломанной челюсти. Но не произошло ничего подобного. Вместо этого занесенный для удара кулак исчез из его поля зрения, и он услышал приглушенный женский голос, донесшийся из соседней комнаты; находившаяся там женщина спросила по-немецки:

– Лиза, это ты там?

Тиаго поспешно сбросил телевизор с болевшей груди и поднялся с пола.

– Уходи! – прохрипела Шахла, которая все еще не могла встать. Кровь по-прежнему сочилась по ее подбородку, глаза слезились, однако ее лицо уже больше не было таким бледным.

Она показала глазами на межкомнатную дверь, которая при движении судна снова захлопнулась и округлая дверная ручка которой медленно поворачивалась.

– Можно мне войти, Лиза? – спросила женщина за дверью и постучала.

В распоряжении Тиаго оставалось лишь несколько секунд, чтобы последовать за налетчиками и тотчас покинуть чужую каюту.

Он перепрыгнул через голову Шахлы и устремился к входной двери, которая после бегства налетчиков уже почти закрылась. Тиаго снова распахнул ее, выскочил в коридор и со всех ног бросился прочь, так и не обернувшись на голос, раздавшийся у него за спиной. Голос матери Лизы, которая крикнула ему вслед:

– Стой! Ни с места!

Он устремился налево, вниз по короткому безлюдному коридору, свернул на ближайшую лестничную клетку и, не раздумывая, помчался наверх. Пробежав без остановки шесть этажей до одиннадцатой палубы, он вышел на свежий воздух и оказался посреди группы смеющихся отпускников, которые выстроились полукругом для групповой фотографии.

– Извините, – пробормотал Тиаго, обращаясь к толстяку с фотоаппаратом, и огляделся по сторонам. Было около половины десятого, в это время большая часть пассажиров еще завтракала, другие уже собирались наверху, на пятнадцатой палубе, чтобы погреться на солнышке, которое сегодня с трудом пробивалось сквозь плотный слой облаков.

Перед ним юный стюард драил деревянный пол, за его спиной, на стене под трубой, проводились малярные работы. Нигде не было видно

двух сумасшедших налетчиков. Или матери девушки. Тем не менее его пульс никак не хотел успокаиваться.

«Во что я только вляпался?» – подумал Тиаго.

Еще пять минут тому назад он был всего лишь мелким воришкой, который, пользуясь своим шармом и простенькими фокусами, обеспечивал себе беззаботную жизнь. А теперь он находился в бегах, пытаясь скрыться от двух безумцев, засовывающих своим жертвам осколки стекла в рот и без зазрения совести наблюдающих, как те задыхаются. Он убегал от двоих громил, грозивших ему смертью, так как стал невольным свидетелем шантажа, смысл которого был ему непонятен, и узнал тайну, так и не поняв, в чем же она заключалась.

Тиаго прислонился к поручням и уставился на волнующееся глубоко под ним море. Небо заволокло темными тучами, что в этот момент показалось ему дурным предзнаменованием.

«А теперь? Что я должен делать?»

Он лихорадочно обдумывал, где в ближайшие пять дней сможет спрятаться на лайнере от своих преследователей, о которых ему ничего не было известно. Кем они были. Где работали. И в какой части корабля встречались, чтобы договориться, как им проще всего устранить нежелательного свидетеля.

Его личность, а в этом Тиаго был абсолютно уверен, офицер установит, как только найдет время, чтобы порыться в бортовом компьютере. К списку пассажиров были приложены фотографии всех отдыхающих на «Султане», к тому же на этом отрезке кругосветного плавания число молодых темноволосых латиноамериканцев моложе тридцати лет было весьма незначительным. Тиаго начал ощупывать карманы в поисках ключа от своей каюты, все еще не определившись, стоит ли ему вообще возвращаться туда, и неожиданно в заднем кармане брюк наткнулся на незнакомый предмет.

Конверт.

Из сейфа. Из каюты Лизы Штиллер.

В суматохе Тиаго сунул его себе в карман, даже не заметив этого.

Глава 23

На этот раз приступ продолжался больше часа, и потребовалось две таблетки аспирина и три пилюли ибупрофена, чтобы он наконец прекратился.

У Мартина все еще было такое чувство, словно остаточная боль притаилась где-то в его голове, как тлеющий пожар, который только и ждет подходящего момента, чтобы разгореться с новой силой. Кожа на его черепе натянулась, как после солнечного ожога, во рту пересохло.

Проклятые пилюли.

Он как раз пересекал крытую галерею гранд-лобби, когда до него наконец дошло, что это его собственный мобильник звонит все время так въедливо. В качестве стандартной мелодии для звонка своего сотового телефона Мартин выбрал короткую мелодичную фразу, исполняемую на гитаре, поэтому он не сразу среагировал на эти футуристические звуки, доносившиеся из кармана его брюк. Поскольку здесь, в Атлантике, удаленной на сотни морских миль от побережья Европы, сотовая связь не работала, а на борту «Султана» функционировала только беспроводная локальная сеть, то, по всей видимости, кто-то пытался дозвониться до него через Интернет.

Он остановился у стеклянных лифтов, у края круглой крытой галереи, укрепленной колоннами и поднимавшейся от второй палубы на четыре этажа вверх, и посмотрел на дисплей своего телефона.

Действительно. Разговор по скайпу.

На дисплее появилась фотография Саддама Хусейна, что позволило Мартину легко идентифицировать вызывающего абонента. Он знал только одного человека, находившего очень забавной еженедельную смену фотографий диктаторов в своих профилях в контакте.

Мартин начал разговор словами:

– Сейчас я не могу говорить.

– Твои проблемы с запором меня не интересуют, – возразил Клеменс Вагнер, и по его голосу Мартин понял, что тот ухмыляется своей шутке.

Для обыкновенного информатора Вагнер, пожалуй, слишком вольничал, но, с другой стороны, этот эксцентрик с подкрашенными под седину волосами и огненными татуировками на обоих предплечьях мог себе это позволить. Если речь шла о том, чтобы раздобыть ценную информацию, не было никого более подходящего, чем Дизель. Это его

прозвище, которым чокнутый журналист был обязан своим наклонностям пиромана.

– Неужели ты уже что-то раскопал для меня? – удивленно спросил Мартин и посмотрел вверх. Лифты висели между пятой и седьмой палубами, поэтому он решил подняться по лестнице.

– Не-а, я звоню только потому, что соскучился по твоему голосу.

По роду своей основной деятельности Дизель был главным редактором «101.5» – одной из частных радиостанций в Берлине. Мартин познакомился с ним через свою коллегу, которую он немного знал: через Иру Замин, выдающегося специалиста по криминальной психологии. Благодаря переговорам с психопатом, захватившим заложников в радиостудии Дизеля, она спасла жизнь многим людям. Насколько чокнутый, настолько же и смелый главный редактор благодаря своим нестандартным методам оказал ей тогда большую помощь. После некоторых колебаний Дизель в конце концов принял предложение Мартина в будущем немного подзаработать в качестве частного детектива.

Большинство людей считает, что полицейские расследования состоят главным образом из работы за письменным столом, и в принципе они правы. Только во времена скудного финансирования и постоянной нехватки персонала отдельные задания все чаще поручаются частным лицам. В списке неофициальных сотрудников полиции Дизель был указан как частный детектив; сегодня утром, незадолго до встречи с докторшей Еленой Бек Мартин послал ему по электронной почте сообщение с конфиденциальной просьбой раздобыть информацию об Анук Ламар и ее семье.

– Пока еще мне удалось найти совсем немного, – сказал Дизель. – Круизные компании не являются информаторами Викиликс. До сих пор я лишь узнал, что Анук была единственным ребенком в семье. Очень умная, эрудированная, посещала частную школу для одаренных детей. При прохождении теста на IA в пятом классе ее коэффициент интеллекта составил 135. Она изучает языки быстрее, чем компьютер, наряду с английским владеет еще пятью другими иностранными языками. Она завоевала второе место на чемпионате страны по запоминанию материала. Интеллект передался ей с генами. Ее мать уже в семнадцать лет разработала компьютерную программу, с помощью которой можно было предсказывать изменения курсов на бирже благодаря наблюдениям за поведением косяков рыб. До своей гибели Наоми Ламар была профессором эволюционной биологии в одном из частных университетов.

Мартин приблизился к левой половине огромной мраморной

лестницы, которая вместе с такой же другой половиной, плавно изгибаясь, вела от гранд-лобби на этаж с дорогими бутиками. Многие пассажиры, проходившие по крытой галерее или сидевшие в одном из дорогих кожаных кресел с бокалом утреннего коктейля, держали в руке фотоаппарат или сотовый телефон с фотокамерой. Со своими позолоченными перилами, античными вазами на подставках и с большим вкусом подсвеченным фонтаном в середине, лестница гран-лобби была излюбленным объектом для фотолюбителей.

– Что нам известно об отце?

– Теодоре Ламаре? Инженер-строитель, конструировал американские горки для общественных парков развлечений во всем мире. Преждевременная смерть от рака три года тому назад. Можешь не бояться, что он где-то прячется на посудине с топором для рубки мяса.

– Почему мы можем быть так уверены в этом?

Мартин невольно подумал об одном нашумевшем деле, когда мужчина, объявленный несколько лет тому назад мертвым, был схвачен на месте, где было совершено убийство, и при этом выяснилось, что он потерял память.

– Потому что было произведено судебно-медицинское вскрытие, – ответил Дизель. – По желанию деда со стороны отца Анук, Джастина Ламара. Он хотел подать в суд на больницу, так как его Тео повел себя после удаления раковой опухоли весьма странно.

– Странно?

– Он больше не дышал.

– Врачебная ошибка?

– По мнению деда Ламара, да. Но я бы не придавал большого значения его заявлениям.

– Почему?

Дизель вздохнул:

– У этого деда тараканы в голове. Официально он проживает в доме для престарелых. Но название «дом для пенсионеров, у которых не все дома» подошло бы больше. Живущие по соседству с этим домом обыватели постоянно жалуются, так как по непонятным причинам не хотят видеть в этом красивейшем уголке природы чокнутых стариков с вставными челюстями, которые любят посидеть на детских качелях в их ухоженных палисадниках в чем мать родила, а такое происходит, видимо, постоянно. Джастин менее склонен к эксгибиционизму. Его любимым занятием являются звонки в полицию.

Тем временем Мартин добрался до вершины лестницы и пробежал

глазами по витринам магазинчиков, размещенных вдоль окаймленного балюстрадой коридора.

«Гуччи», «Картье», «Бёрберри», «Луи Виттон», «Шанель».

В соответствии с заоблачными ценами на этом этаже было значительно меньше пассажиров. Менее дюжины туристов фланировало по темно-красной ковровой дорожке. Семья из трех человек с детской коляской, две женщины под вуалью, несколько членов экипажа судна. Мартин повернул направо в проход, ведущий в планетарий, имевшийся на борту «Султана».

– Дедушка Анук звонил в полицию? – спросил он Дизеля.

– Много раз. Об этом написал «Аннаполис сентинел», местный бесплатный бульварный листок. Вскоре после исчезновения Анук и Наоми дед Джастин набрал телефонный номер срочного вызова полиции, чтобы только сказать, что они могут прекратить поиски его внучки. Якобы он только что полчаса разговаривал по телефону с Анук. Она была в веселом настроении и сказала, что с ней все в порядке.

– Да, понятно.

В веселом настроении.

Мартин невольно подумал о тех ужасных травмах, которые были нанесены Анук. О ее отупевшем, безразличном взгляде, отражении ее растерзанной души. Даже если насильник заставил ее позвонить деду (по какой бы то ни было причине), малышка никак не могла бы находиться в веселом настроении, а уж тем более в течение тридцати минут.

– Кажется, дедушка Анук очень странный человек, – сказал он и вспомнил о Герлинде Добкович. Вот была бы милая парочка.

– Ты имеешь все основания утверждать это. В газетной статье приводятся его слова: «А по поводу Наоми нечего волноваться. На этой проститутке, которая так затрахала моего сына, что у него возник рак, акулы поломают себе зубы». Между прочим, слова «проститутке» и «затрахала» не напечатаны в газете, – таковы они, эти чопорные американцы. – Дизель прищелкнул языком. – А теперь к вопросу, почему я тебе вообще позвонил: не находишь ли ты странным, что человек, который так ненавидит свою невестку, оплатил все расходы на эту поездку?

– Об этом тоже было написано в газете? – спросил Мартин, пораженный до глубины души.

Джастин Ламар оплатил морской круиз на «Султане»?

– Нет, это утверждает сам дедуля в своем блоге. Это не шутка, в свои восемьдесят два года он создал свой блог в Интернете. Каждую неделю дед подпитывает его новыми путаными комментариями. Начиная с

классификации НЛО и опытов на людях в его доме для престарелых и заканчивая советами по собачьему гипнозу.

Мартин остановился как вкопанный, когда неожиданно увидел его прямо перед собой.

Бонхёффер!

Как Елена и говорила, очевидно, капитан направлялся на офицерское собрание, которое должно было состояться в корабельном планетарии, вмещавшем около трехсот посетителей.

– Я тебе перезвоню, – приглушенно произнес Мартин.

Даниэль Бонхёффер проходил метрах в двадцати от него с двумя коллегами в белой офицерской форме.

– Отлично, но не раньше десяти. Ты же знаешь, я люблю рано вставать. Но только не по утрам.

Мартин уже собирался отключить телефон, когда ему в голову пришла идея.

– Подожди, раз уж ты позвонил…

– Я должен полить у тебя дома цветы? Забудь об этом!

– Выясни, пожалуйста, сколько раз за последние десять лет в открытом море одновременно бесследно исчезало больше одного человека. – Мартин попросил Дизеля обратить особое внимание на те случаи, когда вместе с взрослыми бесследно исчезали и дети. – И не только на «Султане», но и на всех других круизных лайнерах. А потом проверь, не было ли пересечений в списках пассажиров и обслуживающего персонала этих судов.

Мартин услышал в трубке звуки, которые напомнили ему игровой автомат, и нисколько не удивился. Бюро Дизеля в высотном Доме радио на Потсдамерплац выглядело как настоящая игротека, где в каждом углу стояли как автоматы для игры в азартные игры, так и аппараты, где можно было проверить свою сноровку. Дизель нередко играл на них даже во время важных совещаний или телефонных звонков.

– Может быть, ты выяснил еще что-нибудь важное? – поинтересовался Мартин.

– Ах да, хорошо, что ты спросил. А то я чуть было не забыл. Еще одно.

– Что?

– Что ты полный идиот. Ты не должен был находиться на этом судне. После гибели Нади и Тима «Султан» для тебя самое последнее место на свете. А я самый последний засранец, что помогаю тебе в твоем странствии.

– Ты слишком строго судишь себя, – сказал Мартин и выключил свой мобильник.

Затем он ускорил шаг и догнал капитана, который, следуя последним за тремя женщинами-офицерами, собирался закрыть входную дверь в планетарий.

Бонхёффер не слышал, как он подошел. Благодаря толстой ковровой дорожке его шаги были не слышны. Капитан ничего не подозревал, когда Мартин ногой отпустил стопорное приспособление тяжелой входной двери.

В то время как тяжелая дверь медленно закрывалась, Мартин схватил капитана за ворот и рванул его назад.

– Эй, что вы хоти… – испуганно начал Бонхёффер.

Но закончить предложение ему было не суждено. От первого удара в живот у него перехватило дыхание, и он не мог говорить. Вторым ударом Мартин сломал ему нос.

Глава 24

Раздался громкий хруст, словно носовая перегородка капитана попала в щипцы для щелканья орехов. Кровь мгновенно отхлынула от лица Даниэля Бонхёффера.

При этом казалось, что в первый момент он даже не чувствовал боли; во всяком случае, он не вскрикнул, а просто осел на пол и выставил вперед локти, прикрывая голову.

Мартин схватил его за воротник форменного капитанского кителя и, словно мокрый мешок, потащил во внешний коридор, ведущий вокруг планетария, в ту зону, где находились туалеты. Капитану не помогло, что он изо всех сил упирался ногами в ковровую дорожку. Мартин втащил его в мужской туалет и швырнул на облицованную светлой плиткой стену напротив умывальников.

Потом он проверил писсуары и кабинки. Везде было пусто, как и ожидалось, когда не было публичных представлений, а приглашенные офицеры уже ожидали в зале.

Вернувшись к Бонхёфферу, Мартин встал перед лежащим на полу капитаном и дал ему пинка.

– Что за игра ведется здесь? – заорал он на капитана.

– Я не понимаю, что… – Бонхёффер зажал левой рукой нос и рот. Без особого успеха. Темная кровь по-прежнему сочилась у него между пальцами и стекала вниз по подбородку.

Мартин подчеркнуто медленно сжал кулак.

– Эй, спокойно, спокойно, пожалуйста. Я знаю, у вас есть все основания быть недовольным, но позвольте мне разъяснить мою роль во всем этом, – взмолился Бонхёффер, голос которого звучал так, словно он был сильно простужен.

– Вашу роль? – воскликнул Мартин. – Анук Ламар была изнасилована.

Ему стоило больших усилий, чтобы взять себя в руки и не ударить капитана снова.

– Я знаю, и это просто ужасно.

Бонхёффер поискал на гладкой стене какую-нибудь опору, ухватившись за которую смог бы встать на ноги. Фен из нержавеющей стали был вне пределов досягаемости.

– Две матери. Двое детей. Они бесследно исчезли. И каждый раз вы были капитаном судна.

– Это может казаться подозрительным, я понимаю это.

– «Казаться»? Это *является* подозрительным. Тем не менее вы снова нашли Анук. Как нарочно, именно вы!

– Все это всего лишь ужасная случайность.

Тем временем Даниэль встал и в ужасе уставился в зеркало. У него был такой вид, словно он оказался единственным выжившим пассажиром во время крушения поезда.

– «Случайность»? – заорал Мартин. На мгновение ему показалось, что он снова стоит перед тюрьмой в Варшаве, из которой его выпустили пять лет тому назад. Он чувствовал такую же ярость и такое же отчаяние. И такое же душевное опустошение.

Свиньи в руководстве отдела специального назначения не хотели ставить под угрозу всю операцию и только после завершения его миссии в качестве агента под прикрытием рассказали о том, что произошло на «Султане», когда он пытался выжить в польской тюрьме. Когда он вышел из кутузки, с момента исчезновения Тимми и Нади уже прошло сорок три дня.

– Точно так же как вы тогда совершенно *случайно* не развернули корабль, после того как пропала моя семья? – крикнул он Бонхёфферу прямо в лицо.

Капитан на мгновение прикрыл глаза, как супруг, который во время ссоры с женой не знает, какие нужны еще доводы, чтобы переубедить ее.

– Развернуть корабль? – Его голос сорвался. – Разве вы не читали материалы дела? У «Султана» тормозной путь составляет два километра. Нужно полтора часа, чтобы развернуть судно. Был шторм, многометровые волны, минусовая температура. Без спасательного жилета в этом месте Атлантики можно продержаться в ледяной воде всего лишь несколько минут. А с момента исчезновения вашей семьи уже прошли часы.

– Откуда вам известно, *когда* они прыгнули за борт? Ведь видеозапись с внешнего борта судна была по недосмотру стерта. В случае с Анук было так же? И на этот раз вы сфальсифицировали все доказательства, чтобы это выглядело как самоубийство?

– Нет, – выдавил из себя Бонхёффер.

– Как же «нет», вы сделали это. Возможно, не вы лично похитили девочку и изнасиловали где-то здесь на борту, это еще выяснится. Но одно уже совершенно ясно: вы пособник. Вы готовы на все, чтобы сохранить свою работу. Если понадобится, вы пойдете даже на то, чтобы скрыть преступление. – Мартин в ярости плюнул на пол. – Н-да, но на этот раз вам не повезло. «Двадцать третий пассажир» неожиданно снова объявился, и

уж в этот раз вам не удастся так легко вынуть голову из петли. – Он взял целую стопку бумажных полотенец из подставки в форме раковины, стоявшей рядом с умывальником, и швырнул их в лицо капитану. – Приведите себя в порядок, скоро у вас будут гости.

– Гости? Что еще за гости?

– Из береговой охраны. Они охотно выслушают ваш рассказ о случайностях.

– Если вы сделаете *это…*

– И что? – Мартин повернулся. Его глаза сверкали несколько яростнее, чем глаза капитана. – Вы мне грозите, как это вчера уже попытался сделать ваш босс? Сейчас вы мне тоже заявите, что сделаете так, что малышка исчезнет, если я расскажу обо всем полиции?

– Это вам Егор сказал? – Бонхёффер повернулся к умывальнику и открыл кран.

– Он блефует, – сказал Мартин.

Капитан посмотрел через зеркало Мартину в глаза и покачал головой:

– Это не блеф. На карту поставлено слишком много. Если на нашем радаре появится только флаг катера береговой охраны, Анук во второй раз растворится в воздухе. Или вы думаете, владелец пароходной компании будет безучастно смотреть, как вы срываете миллионную сделку?

– О какой сделке вы говорите?

Кровотечение из носа никак не хотело прекращаться, поэтому все усилия Бонхёффера умыть лицо были напрасными. Он взял свежее бумажное полотенце и повернулся к Мартину:

– Егор Калинин находится на борту «Султана» не ради удовольствия. Он хочет продать значительную часть своего флота Висенте Рохасу, крупному чилийскому инвестору, с которым сейчас сидит в сауне, где они обсуждают последние детали сделки. Шестнадцать адвокатов находятся в полной готовности, по восемь крючкотворов с каждой стороны. Уже несколько недель они занимают большой конференц-зал на четвертой палубе, хотя на самом деле они там хреном груши околачивают, зарабатывая по тысяче долларов в час, так как все уже давно готово к подписанию. Якобы они хотят подписать договоры при входе в гавань Нью-Йорка с символическим видом на статую Свободы.

Он бросил пропитанное кровью полотенце в отверстие для мусора в тумбочке под умывальником и взял чистое.

– Послушайте, вы же сами знаете, что я не насильник и не растлитель детей.

Голос Бонхёффера звучал не умоляюще, а скорее уверенно, и Мартин в

душе не мог с ним не согласиться. Во время процесса он тщательно изучал психологический портрет личности капитана. Ничто не указывало на наличие у него подобных наклонностей.

– Я тоже хочу, чтобы мы нашли мерзавца, который надругался над Анук, – сказал капитан. – Но вы правы, да, я пособник. Владелец пароходной компании держит меня в руках, и я полностью завишу от его воли. Ну что же мне теперь делать?

– Во-первых, прекратить вести себя как проститутка! – гаркнул Мартин.

– Вы, самоуверенный засранец! – заорал в ответ Даниэль. – Тогда сами отправляйтесь туда. На тринадцатую палубу. В адмиральские апартаменты, там вы встретите Егора и Висенте. Идите же, объяснитесь начистоту. Расскажите инвестору о нашем «двадцать третьем пассажире». Только не надейтесь на то, что малышка все еще будет сидеть в «Адской кухне», когда вы с чилийцем спуститесь вниз.

– Потому что вы позаботитесь об этом?

Бонхёффер открыл рот, задрал нос и сразу стал выглядеть не как разгневанный, а как крайне разочарованный человек.

– Клянусь, я никогда не причиню Анук ничего плохого. Но, к сожалению, у Егора имеются на борту друзья совсем иного сорта, служащие, которых он вытащил из нищеты, предоставив им работу. И они пойдут за него в огонь и в воду, если он потребует этого от них.

Они смотрели друг другу в глаза, пока Бонхёффер снова не повернулся к зеркалу.

– Помогите мне, пожалуйста. У нас есть еще пять дней. За это время мы сможем выяснить, что же произошло с Анук. Если же нам это не удастся, то мы сможем разработать план, как переправить ее живой на берег.

Мартин покачал головой:

– Вы или чокнутый, или находитесь в таком отчаянном положении, что не замечаете самый простой выход из сложившегося положения, который напрашивается сам собой. Сейчас я пойду к Анук, сниму ее на видео и выложу его в Сеть.

– Нет, только не это. – Бонхёффер замахал руками.

– Почему? Что может удержать меня от этого?

– Тем самым вы окажетесь именно там, где хочет вас видеть Егор.

Мартин нахмурил лоб:

– Я ничего не понимаю.

– Как вы думаете, почему он заманил вас на борт «Султана»? Я хочу,

чтобы вы помогли мне. А *он* хочет повесить это дело на вас.

– На меня?

Волна подняла огромный лайнер вверх, верный признак того, что в открытом море скорость «Султана» постоянно увеличивалась.

– Да. Вы идеальный козел отпущения. Не дорожащий своей жизнью дознаватель, который не смог пережить самоубийство своей жены и смерть единственного сына и который взвинтил себя до такого состояния, что отправился на бредовые поиски и в конце концов потерял рассудок.

– Я? Преступник? – Штифтовый зуб Мартина снова задергался болью.

– Да. Видео, которое вы собираетесь снять, Егор навесит на вас как один из трофеев, которые вы собираете о своих собственных жертвах.

– Это полный идиотизм. Как я мог причинить какой-то вред малышке? Меня же не было на борту «Султана», когда она пропала несколько месяцев тому назад.

– Вы уверены в этом? – спросил Бонхёффер.

Кровотечение заметно ослабло, хотя и не прекратилось полностью. Но из-за его перепачканного кровью лица это было невозможно точно определить.

– Вы же работаете под прикрытием, Шварц. Вы непревзойденный мастер маскировки. Для вас не представляет никакого труда путешествовать под фальшивым именем. Получить фальшивые паспорта. Может быть, вы и есть тот самый киллер, о котором пишет в своей книге Герлинда Добковиц?

– Вы сошли с ума, – сказал Мартин, но в следующее мгновение ему показалось, что он опять слышит голос Анук, когда она прошептала его имя. «Мартин».

– Нет, я не сумасшедший, – возразил Бонхёффер. – А вот Егор чокнутый. Возможно, я единственный, кто здесь может логично размышлять. Я знаю, почему вы действительно находитесь на борту.

В качестве мишени…

– Когда мне стало ясно, как для Егора важно замять это дело, я понял, что не смогу решить эту проблему без посторонней помощи. Потом Добковиц показала мне медвежонка, и тогда мне в голову пришла идея. Вы психолог и дознаватель, а после потери своих близких вы сами заинтересованы в том, чтобы не поднимать большой шум. Я знал, что эти аргументы помогут мне уговорить Егора дать мне немного времени. Поскольку, как бы Егор ни хотел совершить сделку, он был кровно заинтересован в том, чтобы найти того мерзавца, который надругался над ребенком на его судне. Клянусь, когда он дал мне зеленый свет на контакт с

вами, я еще не знал, что он захочет сделать из вас козла отпущения в том случае, если все пойдет вкривь и вкось.

– Я не верю ни одному вашему слову.

– Я знаю. Именно поэтому вам позвонила Герлинда Добковиц, а не я.

Где-то я уже слышал нечто подобное.

Пол под ногами Мартина снова задрожал. Всякий раз, когда корабль поднимался на гребень очередной волны, по необъяснимой причине кондиционер над их головами начинал гудеть сильнее.

– Вы трусливый подлец, – сказал он Бонхёфферу. – Если вы говорите правду, то сейчас вы мне открыли, что Егор Калинин собирается из-за жажды наживы убить маленькую девочку и повесить это преступление на меня, а вы при этом пассивно наблюдаете за происходящим.

Капитан взял из стопки еще одно бумажное полотенце и смочил его под струей холодной воды.

– Еще раз: повторю я хочу предотвратить все это. Но, признаюсь, если это мне не удастся, я не стану жертвовать собой ради вас, герр Шварц.

Он скомкал влажное полотенце и бросил его в раковину, так и не воспользовавшись им.

– Вы подали на меня в суд. Вы подорвали мою репутацию. Меня отстранили от должности, я чуть было не потерял свою работу – и многое другое. Нет ничего, что вызывало бы у меня к вам симпатию. Если здесь все пойдет наперекосяк, я не собираюсь вместо вас садиться в тюрьму. А это наверняка произойдет, если я открыто выступлю против Егора.

Мартин схватил Бонхёффера за плечо и повернул его к себе лицом. Он заставил капитана посмотреть ему в глаза.

– Что у него есть против вас?

Бонхёффер сбросил его руку со своего плеча. Потом большим и указательным пальцами он осторожно потрогал переносицу. Это выглядело так, словно он взвешивал все за и против, перед тем как принять решение.

– Видеозапись, – сказал он наконец.

– Что на ней можно увидеть?

– Внешний борт «Султана». Это видеозапись с камеры видеонаблюдения, на ней в том числе видна и каюта с балконом, в которой жила ваша жена. По приказанию Егора я должен был тогда стереть ее.

Мартин почувствовал, как «Султан» наклонился набок.

– Что вы такое говорите?

Бонхёффер кивнул:

– Я отдал ему оригинал видеозаписи. Теперь на той кассете отпечатки моих пальцев.

По спине Мартина пробежал холодок.

– На этой пленке запечатлена…

…гибель моей семьи?

Слова застряли у него в горле.

Капитан кивнул.

– Я вам докажу, что хочу работать вместе с вами, а не против вас, – сказал он. – У меня есть копия этой видеозаписи. Вы можете ее посмотреть.

Глава 25

Серое облачко. Последнее изображение его сына, прежде чем он исчез навсегда. Бесцветное, без четких форм и контуров. Просто маленькое серое облачко, заснятое видеокамерой, на объективе скопились дождевые капли, частично они искажали изображение.

Первое облачко, словно туманообразная тень, отделившееся от правого борта где-то в районе последней трети судна, должно быть, и был Тимми.

Мой сын!

Мартин стоял так близко к экрану телевизора, что мог различить отдельные элементы растра и без того тусклого снимка. В этот момент он понял, что должны были чувствовать люди 11 сентября 2001 года, видевшие, как их родственники выпрыгивали из окон горящих высотных башен-близнецов и разбивались насмерть.

Он вспомнил о жаркой дискуссии с Надей, когда при виде горящих башен она заявила ему, что не понимает людей, которые кончают жизнь самоубийством из страха перед смертью. И неужели через несколько лет она сама превратилась в серое облако, ринувшееся в морскую пучину?

Это было так же немыслимо, как и те два самолета, которые один за другим врезались в башни-близнецы Всемирного торгового центра.

Но и это случилось.

– Есть у нас видеозапись с другого ракурса? – спросил Мартин.

Бонхёффер с сожалением развел руками. Они стояли в салоне капитанской каюты, шторы были задернуты, свет приглушен. Полминуты тому назад Мартин попросил капитана остановить дивиди-проигрыватель при значении покадрового временного кода 085622 СВ, то есть 20 часов 56 минут и 22 секунды судового времени.

– У вашей семьи была каюта номер 8002, она находится почти вне зоны видимости видеокамер, установленных в середине корпуса судна, то есть совсем в другом конце.

Голос капитана звучал как у больного гриппом, что происходило из-за пластырной повязки на его носу, которая пропускала мало воздуха. Эту повязку ему наложила доктор Бек. Мартин не знал, открыл ли капитан своей невесте истинную причину своей травмы или выдумал какую-нибудь ложь во спасение. Да это его и не интересовало.

– Удивительно, что вообще хоть что-то видно, – сказал Бонхёффер, и был абсолютно прав.

Первое облако, которое, словно туманообразная тень, отделилось от правого борта «Султана», только одно мгновение было освещено бортовыми огнями. Еще до того как тело ударилось о воду, оно уже слилось с темнотой и растворилось.

Мой сын растворился!

– Хотите досмотреть это до конца? – спросил капитан, вертя в руках пульт дистанционного управления.

Да. Обязательно. Но сначала Мартин хотел выяснить кое-что другое. Он показал на покадровый временной код на нижней кромке экрана, который мерцал на неподвижном видеокадре.

– Когда в тот день Надя и Тимми в последний раз входили в свою каюту?

Бонхёффер тяжело вздохнул:

– Только не спешите снова бить меня по физиономии, но по установленному тогда порядку наша Log-Trace, то есть система, с помощью которой регистрировалось использование электронных дверных ключей, в полночь была перезаписана. С целью защиты данных пять лет тому назад мы имели право хранить информацию только в течение двадцати четырех часов. Сегодня все по-другому.

– Другими словами, вы не знаете, как часто они входили и выходили из каюты в этот день?

– Нам лишь известно, что они пропустили ужин.

– О’кей. – Мартин открыл рот, и ему показалось, что из-за этого стук его сердца стал слышен еще громче. – Тогда давайте посмотрим запись дальше.

До самого конца.

Бонхёффер нажал на одну из кнопок своего пульта, и тусклые кадры вновь пришли в движение. Покадровый временной код на нижнем краю экрана начал отсчитывать секунды, пока не повторился при значении 085732 СВ. Пока не упало второе облачко.

Момент.

– Стой. Стоп! – взволнованно крикнул Мартин. Слова вылетели из его уст быстрее, чем он осознал увиденное. – Облачко! – воскликнул он, подошел ближе к экрану и прикоснулся указательным и средним пальцами к контуру той тени, которая повисла в воздухе где-то на уровне середины высоты судна. Вот так, одним нажатием на кнопку пульта дистанционного управления сила земного притяжения была упразднена.

– Что с ним? – спросил Бонхёффер. Певучесть интонации его вопроса подсказала Мартину, капитан прекрасно знал, что ему бросилось в глаза.

Он увидел это с первого взгляда. Любой идиот сразу заметил бы это. Неудивительно, что эта видеозапись никогда не должна была стать достоянием общественности.

– Облачко слишком маленькое.

– Маленькое?

– Да. Первая тень была больше.

А этого не могло быть. Это было исключено, если Надя сначала усыпила Тимми, а потом выбросила его за борт. По логике вещей тогда она могла прыгнуть только *после* него. И в этом случае первая тень должна быть меньше, чем вторая.

Но здесь было наоборот!

Вне себя от ярости, он резко обернулся.

– Выходит, я был прав, – сказал он и выставил указательный палец в направлении Бонхёффера. – Это была наглая ложь. Ваша пароходная компания… – Мартин еще на шаг приблизился к капитану, глаза которого забегали во все стороны, – прикрылась самоубийством моей жены. Они выставили ее детоубийцей, только для того чтобы…

Да. Для чего же, собственно говоря?

Очевидный ответ на этот вопрос, которой он мог дать себе сам, лишил Мартина всей энергии, и приступ ярости прошел сам собой.

Тимми и Надя. Два серых облачка одно за другим упали за борт. Здесь уже ничего не изменишь.

Очередность их падения говорит лишь о том, что за их гибель нес ответственность кто-то другой.

Некто, кто украл Надин чемодан и забрал в качестве трофея медвежонка Тимми, а затем передал его Анук, как эстафетную палочку.

Некто, кто, вероятно, все еще находится на судне.

Некто, кто – если он так долго сохранял жизнь Анук, – возможно, все еще продолжает удерживать в плену ее мать. Мартин ничего не знал о мотивах этого человека и кто он такой.

Он знал только одно, что он его найдет.

Как пить дать.

Глава 26

Наоми

Компьютер был здесь с самого начала.

Серебристый, маленький, ребристый. Ноутбук с мощным аккумулятором и американской клавиатурой.

Свечение экрана было первым, что увидела Наоми Ламар, когда восемь недель тому назад пришла в себя после беспамятства.

«Что было самым ужасным из того, что ты совершила в своей жизни?» – было написано на мониторе мелким черным шрифтом на белом фоне. Наоми прочла вопрос, и с ней случилась истерика; обливаясь слезами, она скрючилась на дне колодца.

«Колодец» – так она называла свою тюрьму, поскольку у нее были округлые стены, от которых воняло болотом, фекалиями, тиной и сточными водами. Не очень сильно, но едко. Эта вонь держалась в отвесных металлических стенках, как запах остывшего дыма держится в обоях квартиры заядлого курильщика.

Без посторонней помощи ей никогда не выбраться отсюда.

Она поняла это в ту же секунду, когда впервые открыла глаза, очнувшись на дне колодца.

Наоми увидела голые стены, ободранные и исцарапанные, словно до нее легионы пленников пытались ногтями уцепиться за них, тщетно пытаясь выбраться наверх.

Так как верх казался единственным выходом из этого круглого отсека без дверей с бетонной плитой в качестве пола, которую пересекала тонкая трещина. Эта щель настолько мала, что в нее нельзя просунуть даже мизинец. В эту щель можно было бы вставить лом, будь он у нее. На теле Наоми – ничего, кроме рваной пижамы. К счастью, в ее темнице было не очень холодно. Она предполагала, что какие-то генераторы или другие технические агрегаты обеспечивали ее тюрьму спертым, теплым воздухом. Она спала на изоляционном коврике, который занимал почти все помещение. Кроме того, здесь имелся полиэтиленовый пакет и серое пластмассовое ведро, которое каждые два дня опускалось вниз на тонкой веревке. Чтобы Наоми не надумала вскарабкаться вверх по этой веревке, она была смазана вазелином.

Ах да, у нее был еще компьютер.

В самом начале ее мучений – шесть недель тому назад, если можно было верить дате на мониторе, – она неправильно привязала веревку к ведру, и ее фекалии вылились ей на голову. Большая часть нечистот просочилась в щель. Но не все.

С помощью такой же системы ведер ее снабжали также продуктами, водой в пластиковых бутылках, плитками шоколада и готовыми блюдами, которые предназначались для разогревания в микроволновке и которые ей приходилось есть холодными.

В течение двух месяцев.

Без душа. Без музыки.

И без света, если не принимать во внимание слабое свечение монитора, которого было недостаточно, чтобы увидеть, куда исчезало пластмассовое ведро и кто – и с какой высоты – опускал его к ней вниз. Наряду с водой, едой и бумажными носовыми платками, которые она использовала в качестве прокладок во время своих месячных, через регулярные промежутки времени в ведро клали новый аккумулятор для ноутбука. Наоми расходовала совсем немного энергии.

У компьютера не было других программ, кроме простенького текстового редактора, в котором не содержалось никаких документов. Конечно, не было связи и с Интернетом. И разумеется, Наоми не могла изменять системные настройки. Даже яркость монитора, на котором постоянно мерцал только этот один-единственный вопрос:

«Что было самым ужасным из того, что ты совершила в своей жизни?»

В первые дни своей вынужденной изоляции, сходя с ума из-за беспокойства о судьбе дочери, Наоми действительно размышляла о своих прегрешениях. Пыталась вспомнить, какое из них было достаточно тяжким, чтобы в качестве кары за него оправдать все те ужасные муки, которые она переживала с тех пор, как ночью выбежала в одной пижаме из своей каюты в поисках дочери. Анук оставила ей коротенькую записку, положив ее в ногах их кровати.

«Мне очень жаль, мамочка».

На белом листке бумаги не было больше ничего, кроме этой поспешно нацарапанной фразы, никакого объяснения. Без подписи. Только: «Мне очень жаль, мамочка». С учетом того, что уже было полтретьего ночи, а Анук не спала, как обычно, рядом с ней, для матери не могло быть более пугающего сообщения.

Наоми нашла бы эту записку только на следующее утро, если бы ее не разбудило разбушевавшееся море. И в этом колодце она всегда четко ощущала, когда на море было сильное волнение, вследствие чего она знала,

что все еще находится на корабле, а не была выгружена где-нибудь в одном из контейнеров.

Наоми не понимала, что с ней произошло. Как она попала сюда.

И почему.

После записки в ногах ее кровати последним воспоминанием о прежней жизни была приоткрытая дверь в их коридоре на девятой палубе, наискосок напротив ее собственной каюты. Ей показалось, что за этой дверью плачет Анук. Наоми постучала, позвала дочь по имени. Просунула голову в дверь.

После этого… темнота.

С этого момента ее воспоминания были такими же мрачными, как дыра, в которой она сидела сейчас на корточках.

«Что было самым ужасным из того, что ты совершила в своей жизни?»

Она не собиралась отвечать пауку, похитившему ее. В ее представлении вверху, на краю колодца сидел не человек, а жирный, покрытый ядовитыми волосками паук-птицеед, который обслуживал ведро.

«Где моя дочь?» – набрала она на клавиатуре встречный вопрос. Наоми захлопнула ноутбук, положила его в полиэтиленовый пакет (она быстро поняла, для чего был предназначен этот пакет, ведь ведро опорожнялось не каждый день!) и дернула за веревку.

Ответ пришел через полчаса:

«Она жива и находится в безопасности».

Наоми захотела получить доказательство этого. Фотографию, голосовое сообщение, хоть что-нибудь. Однако паук не собирался делать ей такое одолжение, в ответ на это Наоми отправила наверх ноутбук со словами:

«Да пошел ты на…»

В качестве наказания она в течение двадцати четырех часов не получала ни глотка воды. Только после того как она, чуть не сойдя с ума от жажды, начала пить свою мочу, ей спустили вниз одну бутылку воды. С тех пор она больше ни разу не отважилась оскорбить паука.

И для этого система ведер функционировала наилучшим образом: чтобы приучить ее к дисциплине. Чтобы наказать ее.

Второе наказание, более страшное из этих двух, от последствий которого она, по всей видимости, скоро умрет, было приведено в исполнение гораздо позже. Это произошло из-за ее первого признания.

«Что было самым ужасным из того, что ты совершила в своей жизни?»

В течение семи недель она не отвечала на этот вопрос паука. Будучи умной – ведь как-никак она преподавала биологию в элитном

университете, – она выдвигала гипотезы, оценивала альтернативы действий, анализировала решения. Но не писала опрометчиво в ответ.

Нет, только не я. Ничего.

Наоми покачала головой вперед и назад и принялась расчесывать шею. И то и другое она делала уже машинально.

Постепенно у нее начали выпадать волосы, они оставались у нее на пальцах, когда она проводила рукой по своей шевелюре, и Наоми была даже рада, что у нее в колодце не было зеркала. Так она не могла видеть и червей, которые извивались у нее под кожей.

Проклятье, я была вынуждена съесть тот рис.

Девять дней тому назад. В противном случае она умерла бы с голоду.

До этого целую неделю ведро опускалось только с пустыми мисками. На каждой из них фломастером был написан один и тот же приказ:

«Ответь на вопрос!»

Но она не хотела этого. Она просто не могла.

«Что будет со мной, если я признаюсь?» – решилась она наконец спросить паука.

Ответ пришел на следующий день вместе с компьютером, он стоял прямо под ее вопросом.

«Что будет со мной, если я признаюсь?»

«Тогда тебе будет позволено умереть».

Прошло несколько часов, прежде чем она взяла себя в руки и перестала рыдать.

Как бы сильно она ни была уверена в том, что паук обманывал ее относительно судьбы Анук, настолько же мало она сомневалась в правдивости этого утверждения.

«Тогда тебе будет позволено умереть».

Некоторое время она еще размышляла о том, существовала ли хоть какая-то надежда на то, чтобы выбраться из этой вонючей темницы, но потом она смирилась со своей судьбой и доверила компьютеру – а тем самым и пауку – свое признание:

«Я убила свою лучшую подругу».

Глава 27

«Адская кухня»

Один шаг вперед. Два шага назад.

С Анук дело обстояло точно так же, как и с его собственной жизнью.

Ее состояние немного улучшилось. И одновременно явно ухудшилось.

С одной стороны, это было хорошим знаком, что она вздрогнула от страха, когда он вошел в ее палату. Это показывало Мартину, что по меньшей мере в настоящий момент она реагировала на изменения в ее ближайшем окружении.

Небольшой прогресс, возможно, объяснялся работающим телевизором, на экране которого как раз носились вихрем Том и Джерри.

С другой стороны, и это была плохая новость, у нее появились признаки манеры поведения детей раннего возраста. Она сидела на кровати почти в той же самой позе, скрестив ноги, и, громко причмокивая, сосала большой палец правой руки. Левой рукой она чесалась.

Мартин заметил, что ее ногти уже оставили глубокие борозды на правом предплечье, и у него стало тяжело на сердце. Если она не прекратит это в ближайшее время, эти борозды начнут кровоточить… и тогда придется привязать ее к кровати.

Он совсем не хотел думать о том, какое воздействие это окажет на ее и без того расстроенную психику, и решил попросить у доктора Бек перчатки или рукавички, даже если Анук наверняка снова снимет их, как только останется в палате одна.

– Извини, что я тебя еще раз беспокою, – сказал Мартин и положил коричневый бумажный пакет в ногах ее кровати.

Анук немного откинулась назад, ее дыхание участилось. Признак того, что он ни в коем случае не должен был приближаться к ней. Тем не менее она не отвернулась от него и не смотрела сквозь него остановившимся взглядом. Ее взгляд был прикован к пакету.

Как и при первом посещении, Мартина снова охватило чувство почти невыносимой печали, и он подумал обо всех тех прекрасных вещах, которые могли бы порадовать одиннадцатилетнюю девочку на круизном лайнере.

Или десятилетнего мальчика.

При этом он сомневался в своей вере, от которой, несмотря на все,

никогда полностью не отказывался. Он был уверен, что после смерти его не ждет только вечный безмятежный сон. Правда, он мог только надеяться на то, что ему не придется встретиться с Создателем. В противном случае дело не ограничится дружеской беседой с ответственным за все происходящее на земле, который сидел у билетной кассы жизни и покупал невинным детям билет в один конец, в камеру пыток психопатов с сексуальными расстройствами.

– А я тебе кое-что принес, – негромко сказал Мартин и вытащил из пакета медвежонка.

Во взгляде Анук мелькнул слабый сигнал узнавания. Поспешно, словно опасаясь, что он может, снова положить его в пакет, Анук вырвала из рук Мартина грязную мягкую игрушку и зарылась в нее лицом.

Мартин молча наблюдал за ней, отметил красные пятна, распространявшиеся по ее шее, и спрашивал себя, правильно ли он поступал.

Быть может, Егор и Бонхёффер всего лишь блефовали и малышке не будет угрожать вообще никакая опасность, если он проинформирует официальные инстанции и тем самым весь мир об этом невероятном случае. Однако риск был слишком велик. Так как многое говорило о том, что капитан был прав, а у него самого на лбу уже стоял штамп, на котором было написано «Козел отпущения». Но вполне вероятно, что истина могла находиться и где-то посередине. Правда, в одном можно было не сомневаться: у него не будет больше возможности лично поговорить с малышкой, если он поднимет тревогу. Мартина обуревали противоречивые чувства: с одной стороны, он хотел поступить правильно и сорвать попытку замять дело, а с другой стороны, у него все еще теплилась надежда через Анук узнать хоть что-то о судьбе своей собственной семьи.

Обуреваемый подобными мыслями, он решил во второй раз навестить Анук, но теперь уже без докторши.

– У меня есть еще кое-что для тебя, – сказал Мартин и достал из пакета картонную коробку, завернутую в прозрачную пленку. – Это детский компьютер для рисования, – пояснил он, вынимая из упаковки планшетный персональный компьютер розового цвета. Он купил его здесь, на борту «Султана», в магазине игрушек на третьей палубе.

Прямоугольный аппарат выглядел как планшетник из каменного века компьютерной техники: массивный и изготовленный из дешевых материалов, но у него не было острых углов, как у листа бумаги; у прикрепленного сбоку сенсорного карандаша был тупой конец, им Анук не могла причинить себе вред.

Мартин включил планшетник, убедился в том, что аккумулятор работает, и положил компьютер на кровать рядом с Анук.

Потом он снова отошел на шаг назад и сунул руку в карман своих джинсов. Одним нажатием на кнопку он включил свой смартфон, предварительно установленный в режим записи.

– Когда я около двух часов тому назад был у тебя вместе с доктором Бек, ты назвала мне одно имя, Анук. Ты можешь вспомнить, какое именно имя это было?

Малышка перестала сосать большой палец и, не выпуская медвежонка из руки, взяла компьютер. Она положила планшетник себе на колени. Потом подняла голову.

– Ты вообще имеешь представление, где сейчас находишься? – спросил Мартин.

В ответ Анук моргнула. Она была явно напряжена, но не опечалена. Как школьница, получившая для решения в уме арифметическую задачу, которую она не в состоянии решить.

Мартин решил достучаться до нее с помощью более простых вопросов.

– Сколько тебе лет?

Его вопрос сопровождался пронзительным сигналом, за которым последовали шесть коротких и один длинный гудок. Казалось, что этот шум, приглушенный несколькими дверями, доносился из коридора, ведущего к «Адской кухне». Мартин предположил, что речь шла о сигнале внутренней тревоги для обслуживающего персонала или экипажа судна, и проигнорировал его.

Анук вела себя так, словно вообще не слышала никакого шума.

Ее губы шевелились, как у Тимми, когда ему приходилось учить что-нибудь наизусть. Но с ее губ не слетело ни одного звука, не говоря уже о слове. Вместо этого она задрала свою ночную рубашку вверх, чтобы почесать живот выше резинки от колготок.

Справа и слева от пупка Мартин заметил множество круглых следов от ожогов, которые выглядели так, словно кто-то тушил о тело девочки горящие сигареты.

– Бог мой, кто это сотворил с тобой такое? – спросил он с нескрываемым отвращением в голосе. Он отвернулся, чтобы Анук не приняла на свой счет выражение ярости на его лице. Когда он снова взял себя в руки и уже хотел продолжить опрос, у него пропал голос.

«Это не может быть правдой!»

Анук положила медвежонка рядом с собой и написала на экране

компьютера одно-единственное слово:

«Мартин».

Его имя. Четкими буквами. Поперек сенсорного экрана. Анук все еще держала в руке сенсорный карандаш.

«Она не может иметь в виду меня, это же просто невозможно».

Мартин заставил себя улыбнуться и посчитал, начиная с десяти, в обратном порядке, пока его сердцебиение снова не нормализовалось настолько, что он смог спокойным голосом спросить ее:

– Но ты же знаешь, что я не злой человек, не так ли?

«Я никогда не причиню тебе никакого вреда».

«Видимо, это какая-то глупая случайность», – подумал он.

Надеялся он.

Имя Мартин было довольно распространенным, в том числе и в США. Нельзя было исключать, что и преступника звали так же.

Или он так себя называл. Или носил рубашку с Карибского острова Сен-Мартен…

Все возможно. Но также и вероятно?

Анук повернула голову в сторону. Она осмотрелась, словно впервые видела окружающую обстановку. Потом она снова схватила сенсорный карандаш и несколькими уверенными штрихами нарисовала контуры большого круизного лайнера. Мартин посмотрел через иллюминаторы на воду, которая сейчас казалась гораздо темнее, чем всего лишь два часа тому назад. Он еще раз решил задать девочке прямой вопрос:

– Ты можешь назвать мне имя того человека, у которого находилась все это время?

Анук закрыла глаза. Посчитала что-то на пальцах.

«11 + 3», – написала она наконец прямо под рисунком корабля.

Мартин не смог обнаружить в этом никакого смысла.

– Мне жаль, но я ничего не понимаю, – сказал он.

Он еще раз посмотрел на свое имя, на рисунок судна и на предполагаемую арифметическую задачу.

Четырнадцать?

Поскольку номера кают на «Султане» были четырехзначными, это могло быть указанием на номер палубы. На четырнадцатой палубе находился бассейн с водяным желобом, бар-мороженое, площадка для отработки ударов по мячу при игре в гольф и манеж для бега трусцой.

– Что ты имеешь в виду, написав «одиннадцать плюс три»? – спросил он.

Ее взгляд помрачнел. Казалось, что она разозлилась, словно расспросы

начинали действовать ей на нервы, тем не менее она снова поднесла сенсорный карандаш к экрану компьютера:

«Моя мама».

– Твоя мама? – оживившись, спросил Мартин. – А тебе известно, жива ли она еще?

Анук печально кивнула. Из ее глаз по щекам потекли слезы. Мартин не мог поверить тому, что за столь короткое время ему удалось получить от малышки так много информации, даже если большая часть этих сведений была ему не совсем понятна.

– Я думаю, что будет лучше, если мы сделаем небольшой перерыв, – сказал он. У Анук был утомленный вид. – Ты хочешь, чтобы я тебе что-нибудь принес? – спросил он ее.

Малышка в последний раз взяла в руку сенсорный карандаш и написала под рисунком корабля:

«*Елена*».

Потом она снова сунула в рот большой палец и отвернулась от Мартина, словно хотела недвусмысленно дать ему понять, что ей больше нечего сказать.

– Я пойду посмотрю, где ее можно найти, – сказал Мартин и уже хотел отправиться на поиски судового врача, когда вновь раздался сигнал тревоги.

Глава 28

Наоми

«Я убила свою лучшую подругу», – набрала на клавиатуре ноутбука Наоми Ламар, сидя на полу в своей похожей на колодец темнице.

«Нам с Мел было по десять лет, и мы обе сидели под домашним арестом, потому что в очередной раз нарушили запрет и играли в заброшенном гравийном карьере. Была среда, и наши родители работали, а мы, несмотря на арест, во второй половине дня тайком выбрались из дома и встретились – ну разумеется – в карьере. Это произошло незадолго до того, как мы собирались уходить, чтобы успеть домой до прихода родителей, когда Мел решила еще разок съехать на полиэтиленовом пакете с северного склона. Ее засыпала песчаная лавина, под которой она мгновенно исчезла. Я кричала, звала на помощь, пыталась голыми руками откопать ее, однако я так и не смогла ее найти. Земля буквально поглотила ее. Когда я прокралась домой, то не решилась рассказать родителям о случившемся. Через два дня Мел нашли, и все решили, что она одна сбежала из дому. И сегодня я думаю о том, что, возможно, она погибла из-за меня и что ее можно было бы спасти, если бы я все-таки подняла тревогу. Это самое ужасное, что я совершила когда-либо в своей жизни».

Она написала это девять дней тому назад. Наоми отправила ноутбук наверх вместе с ведром. Голодные колики в желудке уже было невозможно терпеть, однако через несколько часов вниз опустили не еду, а один только компьютер с ответом паука:

«Это НЕ самое ужасное, что ты совершила в своей жизни».

И сразу же под этой строкой:

«За каждым неправильным ответом последует наказание».

Два часа спустя вниз опустили миску с рисом и надписью: «Spirometra mansoni».

Она была вынуждена съесть рис. Иначе она умерла бы с голоду. В то время Наоми еще считала, что немедленная смерть была большим злом.

Однако оказалось, что это не так.

Осознавать, что внутри себя носишь возбудителя болезни, самого страшного ленточного глиста, который медленно пожирает тебя изнутри, – это было самым ужасным, что может случиться с человеком.

Наоми была уверена, что паук знал это.

Ему нужны были ответы, признание, а их он получал только тогда, когда его жертва забывала об инстинкте самосохранения. До сих пор мысль о маленькой дочурке не давала Наоми умереть. Но теперь ужас, который с каждым днем медленно распространялся под ее кожей все дальше и дальше, вплоть до области глаза, вытеснил всякое желание жить.

«Что было самым ужасным из того, что ты совершила в своей жизни?»

«Мне так жаль, Анук», – прошептала Наоми и взяла в руки компьютер. Пальцами, ногти которых не обрезались уже несколько недель, она набрала на клавиатуре свое второе признание:

«Я изменила мужу. Самым отвратительным образом. Я занималась сексом за деньги».

После этого она захлопнула ноутбук, натянула на его корпус полиэтиленовый пакет и положила в ведро. Она несколько раз дернула за веревку и, расчесывая себя до крови, теперь ждала, чтобы паук поднял ведро наверх. Наоми надеялась, что паук останется доволен ее ответом.

И тогда она сможет наконец умереть.

Глава 29

Тем временем Мартин остался на палубе почти в полном одиночестве, уже наступил октябрь, и здесь было довольно свежо. Все остальные пассажиры из его спасательной группы поспешили снова покинуть место сбора у пункта обучения подводному плаванию, после того как незадолго до окончания занятий, на которых отрабатывались действия при кораблекрушении, небо затянулось плотными серыми облаками, из них сейчас же пошел противный, моросящий дождь, от которого сразу промокла вся одежда.

Но Мартина это нисколько не волновало. У него не было прически, о которой следовало беспокоиться, на нем была такая одежда, которую уже давно пора было стирать, а простуда при его теперешнем состоянии могла бы даже считаться выздоровлением.

Ему было плохо, что объяснялось не только усталостью и волнением моря, которое настоящему морскому волку, возможно, показалось бы не более чем бульканьем в вихревой ванне для водолечения. Мартин чувствовал, что приближалось время, когда ему придется обратиться в корабельную аптеку за вомексом.

Словно повинуясь телепатическому приказу, к перилам подошла Елена Бек и остановилась около него. Ее прозрачная водонепроницаемая накидка с капюшоном и униформа была более подходящей одеждой для такой погоды, чем его куртка. В одной руке она держала спасательный жилет, а в другой черный медицинский чемоданчик, который в ее тонких руках казался грубым.

– Вот вы где, – сказала она, устремив взгляд вдаль.

Все пассажиры, ожидавшие получить во время трансатлантического рейса незабываемое впечатление от исполинского величия океана, уже сейчас поняли, что их ожидания полностью оправдались. Куда ни посмотришь, повсюду была только вода и ничего больше. Ни клочка суши, ни одного другого судна. Только бесконечные, черно-синие, бурные океанские просторы.

«Если бы поверхность Луны была покрыта водой, она бы выглядела точно так же», – подумал Мартин.

Многие видели в океане символ вечности и мощи природы. Он же видел в этих волнах лишь сырую могилу.

– Я пыталась дозвониться до вас, но ваш телефон был выключен, –

сказала Елена.

Мартин вытащил из кармана свой мобильник, взглянул на дисплей и сразу понял, в чем было дело.

Верно! Из-за того, что был включен режим записи речи.

Он переключил свой телефон на этот режим для того, чтобы во время так называемого «разговора» с Анук ему не могли помешать входящие звонки. Однако при этом нельзя было заблокировать международный сигнал сбора на занятия по отработке действий при кораблекрушении (семь коротких и один длинный гудок).

Не позднее чем через двадцать четыре часа пребывания на борту лайнера каждый пассажир был обязан принять участие в подобных мероприятиях, чтобы знать, как пользоваться спасательным жилетом и где находятся спасательные шлюпки. Даже если в других вопросах капитан и не придавал большого значения соблюдению норм морского права, то этого предписания он придерживался строго.

Мартин снова переключил свой мобильник на прием входящих звонков и смахнул капли дождя с лица. Вслед за выглядевшей расстроенной юной парочкой, которая, видимо, представляла себе начало своего сказочного путешествия несколько более радужным, мимо них проследовала двухместная детская коляска со спящими детьми. Елена подождала, пока все отошли достаточно далеко и не могли ее слышать, и поставила свой медицинский чемоданчик на металлический столик, находившийся под тентом. Инструкторы по подводному плаванию проводили там свои вводные занятия с начинающими ныряльщиками, прежде чем тем разрешалось прыгнуть в бассейн с маской и аквалангами.

– Как я слышала, у вас состоялся довольно оживленный разговор с моим женихом. Я должна передать вам вот это. – Елена открыла чемоданчик и достала из него гибкий магнитный диск без защитного конверта. – Это компакт-диск со списком пассажиров за последние пять лет, – предвосхитила она его вопрос. – Кроме того, распределение находившегося на борту обслуживающего персонала на всех маршрутах, на которых обнаруживался «двадцать третий пассажир».

– Что мне с этим делать?

– Я тоже спросила об этом Даниэля. Он ответил, что будет очень удивлен, если вы еще не начали свое расследование. На этом диске вы найдете также горизонтальные проекции и схемы палуб «Султана», газетные статьи и пресс-релизы обо всех известных случаях исчезновения людей во время круизов, а также перекрестное сопоставление с другими судами.

У Мартина буквально зачесались руки, когда он схватил компакт-диск с бесценной информацией.

– Я хочу вам сказать, что все эти документы, которые Даниэль собрал за последние месяцы, являются доказательством его доброй воли, кроме того…

В этот момент зазвонили мобильники. Оба.

Сотовый Мартина. И докторши.

Они удивленно посмотрели друг на друга и одновременно сунули руки в карманы своих брюк.

– Проклятье! – воскликнула докторша и оставила Мартина, не имевшего понятия, кому принадлежит длинный номер на дисплее его мобильника, одного на палубе.

– Куда же вы? – крикнул он вдогонку Елене, которая на секунду задержалась перед дверью, открывающейся в обе стороны и ведущей во внутренние помещения судна. Елена обернулась.

– Это Анук, – сказала она. – Мы подключили ее сигнальную кнопку и к вашему мобильному телефону, доктор Шварц.

Пять минут спустя в третий раз за этот день Мартин вышел из шлюза со стальными стенами, двинулся в сторону «Адской кухни», пересек вестибюль карантинного отсека и увидел, как Елена Бек вставляет свой электронный ключ в считывающее устройство.

Входя в палату, он еще думал, что это была ложная тревога.

Но уже в следующую секунду он поразился, откуда здесь взялось столько крови.

На кровати Анук.

На ее теле.

Повсюду.

Глава 30

– О боже! О боже…

Елена бросилась к кровати, перед которой на корточках сидела малышка, зажимавшая правой рукой левое предплечье, залитое кровью. До начала учений это предплечье девочки было забинтовано, а сейчас повязка валялась на полу, как размотавшийся рулон туалетной бумаги.

– Что случилось, моя малютка? Что с тобой произошло? – воскликнула докторша и присела рядом с перепуганной девчушкой.

В то время как Елена все еще находилась в состоянии шока, Мартин уже обнаружил причину ранения.

Кровь была на постельном белье, на лице Анук, на ее руках, пальцах и на ночной рубашке. Мартин заметил несколько капель крови даже на полированной поверхности шкафчика из нержавеющей стали под телевизором, что указывало на то, что кровь брызнула из артерии по высокой дуге.

– У нее разрезана артерия, – сказал Мартин и спросил Елену, где находятся дезинфицирующие средства и чистые бинты.

Судя по цвету лица Анук, все было не так плохо, как могло показаться на первый взгляд. По собственному опыту Мартин знал, что потеря даже небольшого количества крови может выглядеть очень страшно.

– Артерия? – удивленно воскликнула Елена и показала на дверь, ведущую в ванную. Она назвала ему код, значение которого стало ему ясно только тогда, когда Мартин обнаружил в ванной под раковиной шкафчик, похожий на сейф. Из соображений безопасности этот шкаф с медикаментами был оснащен кодовым замком.

Наряду со шприцами, иглами для инъекций, шлангами, ножницами и другими материалами, которые могли быть использованы для суицида, Мартин нашел необходимый дезинфицирующий спрей и перевязочный материал.

Он отнес все Елене и наблюдал за тем, как она приподняла подбородок обессиленной девочки. Глаза Анук были закрыты. К пушку на ее верхней губе приклеилась маленькая белая точка. Клочок ваты или кусочек бумажного носового платка.

Мартин стянул с больничной койки белье и вытряс его. Потом он приподнял матрас, снял с него гигиенический чехол, но и там ничего не обнаружил.

Ни лезвия, ни ножа, ни острого карандаша.

– Вы были последним, кто посещал ее, – с упреком в голосе сказала Елена, после того как отвела Анук к кожаному дивану, где осмотрела руку девочки. Когда Анук перестала прижимать ладонь к запястью, кровь снова начала капать, как капли дождя, стекающие по ветвям ели. Поэтому Елена поспешно наложила на руку девочки давящую повязку.

– Вы намекаете, что это я побудил ее к этому, когда оставался с ней один? – раздраженно спросил Мартин.

– Нет, конечно нет, но… – Уголок глаза Елены нервно задергался. – Кто это был, моя сладкая? – Она нежно погладила Анук по щеке. – Кто тебя поранил?

Ответа не последовало.

– Я знаю, кто это сделал, – прошептал Мартин.

– Что? Кто? – Елена подняла голову.

– Она сама.

– Что вы сказали? Нет! Это невозможно. И вообще, зачем ей это делать?

Существует несколько возможных причин: она хочет уменьшить давление, выпустить боль из своего тела, почувствовать, что она еще жива…

– Во всяком случае, она нанесла себе эти повреждения не для того, чтобы убить себя, – сказал он.

В противном случае она бы не пыталась перевязать себе руку. И не нажала бы тревожную кнопку.

Для него все указывало на то, что хотя она и хотела себя поцарапать, но нанесла себе такую глубокую рану не преднамеренно.

– Как это могло произойти? – опустошенно спросила Елена. – Здесь нет никаких острых предметов, до которых она могла бы добраться. Я клянусь, после инцидента с цветными карандашами я тщательно обыскала всю каюту.

Цветные карандаши. Совершенно верно!

Мартин подождал, пока Елена закончила накладывать давящую повязку, и спросил ее:

– Сколько листов бумаги вы дали ей в тот день?

Она испуганно посмотрела на него:

– Я не знаю. Я их не считала.

Ошибка. Грубая ошибка.

Елена заметила, что Мартин совершенно подавлен, и поспешно прикрыла ладошкой рот.

– Вы считаете… – Она повернулась к Анук. – Дорогая, скажи мне, пожалуйста, ты обрезалась листком бумаги?

Анук ничего не ответила, но Мартин был уверен, что так оно и было. В общении с психическими больными никакая предосторожность не бывает излишней. Во время обучения он знал одну шестнадцатилетнюю девушку, которая провела острой кромкой листка бумаги по своим глазам.

– Ты сохранила один листок? – постарался он достучаться до Анук. И на этот раз успешно. Она открыла глаза. Мартин не был уверен в том, что она его узнала, но не было никаких сомнений, что она разозлилась. Она кивнула, и при этом ее глаза гневно сверкнули. Мартин обменялся красноречивым взглядом с Еленой. – А потом ты съела листок, верно?

Вот откуда маленький белый комочек на ее верхней губе.

Целлюлоза!

Анук плотно сжала губы. Она казалась разгневанной, вероятно, потому, что он легко разгадал ее тайну.

Мартин принес из ванны влажную мочалку, чтобы Елена могла протереть лицо Анук, что та позволила сделать с большой неохотой.

В шкафу под телевизором нашлись свежие простыни и постельное белье, которое Мартин застелил на кровать, в то время как Елена позаботилась о ночной рубашке для Анук. Они вместе отвели девочку к ее кровати. Она была еще слаба, но ее состояние не было критическим.

При этом взгляд Мартина упал на планшетник, лежавший на ночном столике. Экран был темным, но в нижнем углу компьютера светилась желтая лампочка, значит, он находился в режиме ожидания. В то время как Анук откинулась на подушку, он взял в руки компьютер и активировал дисплей.

– Вау! – вырвалось у него. Рисунок, который, по всей видимости, Анук набросала, пока проходили занятия по эвакуации пассажиров с борта тонущего судна, отличался необыкновенной верностью в передаче деталей. Настоящее произведение искусства, которое не оставляло сомнения в том, что по меньшей мере в области изобразительного искусства Анук была чрезвычайно одарена.

Поскольку он не собирался отбирать у малышки компьютер, Мартин достал из кармана свой мобильный телефон и сделал фотографию с экрана компьютера. Потом он попрощался с Анук, которая снова лежала с закрытыми глазами, и подождал снаружи Елену.

– *Это* нарисовала Анук? – спросила докторша, после того как надела на Анук свежую ночную рубашку и тоже вышла из каюты. – Сама, без

посторонней помощи?

Не веря своим глазам, Елена смотрела на экран мобильника: на рисунке было видно мрачное отверстие, зияющее в полу, возможно колодец, на дне которого виднелась темная, переливающаяся вода. Другой особенностью этого рисунка была веревка, свисавшая в эту шахту и доходившая до самой воды.

– Есть здесь, на корабле, место, которое выглядит примерно так, как на этой фотографии, – отверстие, люк или шахта, сквозь которую можно видеть море? – спросил он Елену.

Докторша прищурилась и наклонила голову набок, чтобы рассмотреть рисунок с другого ракурса.

– Хмм, – нерешительно сказала она. – Я еще никогда не видела ничего подобного. Обычно у круизных лайнеров редко бывают отверстия в корпусе, когда они находятся в открытом море.

«В открытом море», – мысленно повторил Мартин, и это натолкнуло его на идею.

Ну конечно. Когда они находятся в открытом море. А в том случае, когда не находятся?

– На какой палубе находится якорный отсек? – взволнованно спросил он.

– Якорь? Вы имеете в виду…

Отверстие, под ним вода, веревка, *которая может изображать цепь.*

– На какой палубе? – торопил он. – Пожалуйста.

Елена задумалась.

– Их несколько, – сказала она наконец. – Насколько я знаю, один такой отсек находится на третьей палубе. И еще один наверху, кажется на одиннадцатой палубе.

«11 + 3».

Кровь в артериях Мартина побежала ощутимо быстрее. Он бросил еще один взгляд на фотографию рисунка Анук на экране компьютера и сказал:

– Возможно, у меня разыгралось воображение. Но думаю, не будет лишним, если мы осмотрим эти якорные отсеки.

Глава 31

– Тиаго Альварес?

Несмотря на поздний час, Егор Калинин сидел в халате и кожаных шлепанцах на диване в своих апартаментах и почесывал затылок своему джек-рассел-терьеру Икару. Обычно в частных каютах круизного лайнера собаки и другие домашние животные были строго запрещены, но это беспокоило владельца «Султана» так же мало, как и запрет курить в каютах. Наверху, в спальне, к великому сожалению его некурящей жены, он приказал отключить систему пожарной сигнализации.

– Вот этот тип?

Перед Егором на стеклянном курительном столике лежала цветная распечатка с личными данными пассажира, о котором ему как раз докладывал его третий офицер службы безопасности; включая фотографию, маршрут поездки, номер каюты и состояние его счета. До сих пор аргентинец особо не тратился, стараясь обогатить пароходную компанию Калинина. Он проживал в недорогой внутренней каюте, никогда не заказывал вино к обеду, не принимал участия в экскурсиях при заходе в порты и еще не купил ни одного сувенира в магазинчиках на борту «Султана».

– Именно эта свинья. Я абсолютно уверен, – ответил Вейт Йеспер.

– И он прятался за спинкой кровати?

– Если я так говорю. Я его видел и нашел его фотографию среди бумаг пассажиров. Никаких сомнений, это он.

Егор недоверчиво посмотрел на двадцатитрехлетнего беззаботного лоботряса.

– А что, собственно говоря, потерял *ты* в той каюте? – спросил он Вейта, хотя уже знал ответ.

Егор терпеть не мог своего племянника. Он не переваривал и его отца, этого похотливого «пожирателя сыра», за которого его сестра Ирина посчитала себя обязанной выйти замуж только потому, что во время учебы в Амстердаме этот дармоед трахал ее.

Возможно, в двадцать один год звучало заманчиво связаться с уличным музыкантом. Но двадцать три года спустя и сама Ирина поняла, что отсутствие денег, постоянной работы и траханье без презерватива были далеко не лучшей комбинацией для многообещающего будущего. Только ради своей сестры Егор предоставил работу на «Султане» этому шалопаю,

который называл его дядей. Будь его воля, Вейт до сих пор прозябал бы в качестве тренера подрастающих уличных бандитов в грязной голландской дыре, громко называвшейся спортивной школой боевых искусств. Единственным достижением в жизни Вейта было то, что его фамилии пока еще не было в картотеке осужденных, но при его склонности к насилию и тяге к легким наркотикам и девушкам легкого поведения это было всего лишь вопросом времени, когда государство возьмет на себя заботу о его содержании.

– Я взял в оборот уборщицу, – беспечно заявил Вейт. У него был такой вид, словно через несколько минут он собрался на фотосессию, о которой договорился с модным журналом, пишущем о серфинге, и это разозлило Егора еще больше.

Судовладелец плотно сжал губы и на мгновение с наслаждением представил себе, как его Икар впивается своими острыми зубками в самодовольное лицо его племянника, на котором было написано «Я уложу в постель любую из них на первом же свидании».

– Пожалуйста, помоги мне разобраться, – сказал он. – Я считал, что нанял тебя на службу для того, чтобы ты помогал шефу службы безопасности. А не для того, чтобы пытать горничных.

На таком крупном круизном лайнере, как «Султан», не проходило и недели без серьезных трений и разборок, как среди пассажиров, так и членов экипажа судна. Егор подумал, что не повредит, если у него на борту будет доверенный человек для грубой работы. Правда, он думал также, что Вейт такой же недалекий, каким он казался на первый взгляд. Безмозглый драчун, которым можно будет легко управлять.

Вот как можно ошибаться в людях.

После инцидента с Шахлой Егор понял, что его племянник настолько же хитер, насколько и непредсказуем. К счастью, малышка отделалась незначительными травмами, даже если в ближайшие дни она и будет все еще харкать кровью. И к счастью, пассажирка, убедившись в том, что в ее каюте ничего не пропало, поверила в историю с ревнивым любовником, которого они якобы уже взяли под стражу.

– Хватит болтать языком, – сказал его племянник таким тоном, каким не члены семьи мгновенно обеспечили бы себе визит к челюстному хирургу. – Я не знаю, что здесь затевается, Егор. Но ты пытаешься скрыть что-то важное, что именно – меня не интересует.

– Тогда что ты хочешь?

– Мою долю.

Он ухмыльнулся, словно отпустил пошлую остроту.

– Изоляция малышки, эксклюзивный уход за ней силами нашей милой докторши, бонус для уборщицы – тебе не кажется, что сохранение всего этого в тайне чего-то стоит?

– Ты собираешься меня шантажировать? – изобразил удивление Егор. В действительности он бы очень удивился, если бы Вейт поступил по-другому.

Как бы извиняясь, Вейт поднял обе руки вверх.

– Хей, я лишь не хочу, чтобы сорвалась твоя сделка с чилийской мордой.

Егор улыбнулся. В его фантазии Икар вгрызался все глубже во внутренности его племянника. Вейт, принявший улыбку Егора за знак согласия, наклонился вперед:

– Это не должно быть вознаграждением за мое молчание. Я хочу заработать эти деньги.

Егор, у которого уже давно был готов план, довольно долго пристально смотрел в голубые со стальным отливом глаза своего племянника. В течение двадцати секунд в каюте было слышно только тихое жужжание кондиционера, сопровождаемое постоянными звуками, которые издает круизный лайнер такого размера, когда бороздит океанские просторы. Сейчас они шли со скоростью около двадцати узлов, да и волнение моря значительно усилилось.

– О’кей, заключим сделку, – сказал наконец Егор и постучал пальцем по фотографии на пассажирском бланке, лежавшем перед ним на столике. – Найди этого Тиаго, и получишь пятьдесят тысяч долларов наличными.

Вейт присвистнул, как строительный рабочий, мимо которого проходит девушка в мини-юбке.

– Что он натворил?

– Он изнасиловал маленькую девочку.

Лицо Вейта помрачнело.

Егор никогда не мог понять, почему люди, которые засовывают осколок стекла беспомощным женщинам в горло, считают себя гораздо лучше, чем педофилы. К счастью, ему еще никогда не представлялась возможность всерьез познакомиться с иерархией, царящей среди заключенных в тюрьме.

– Девочку, которая лежит в «Адской кухне»?

– Именно ее.

– Сколько ей лет?

– Одиннадцать.

– Что этот ублюдок мог искать в каюте?

– То же, что и ты, – сочинил Егор, который отнюдь не думал, что этот южноамериканский новоявленный Казанова был каким-то образом связан с исчезновением Анук Ламар. – Как и ты, он выяснил, где работает Шахла, и поджидал ее, чтобы допросить. Хотел узнать, не гонимся ли мы уже за ним по пятам.

Эта история, которую Егор только что высосал из пальца, имела такие дыры, в которых мог бы утонуть даже «Султан», но, кажется, Вейт ничего не заметил.

– А что случилось с родителями малышки, где они? – спросил он.

Егор махнул рукой:

– Это мои друзья. Они не хотят, чтобы это дело получило огласку. Просто найди этого мерзавца.

– И что с ним делать, если я его найду?

Хороший вопрос. Егор надеялся, что ему самому не придется заводить разговор на эту тему.

Он убрал Икара со своих колен, встал с дивана и, шаркая ногами, подошел к серванту под тяжелым хрустальным зеркалом у входа в апартаменты. Здесь он выдвинул самый верхний ящик.

– Будь креативнее! – сказал он. Потом проверил барабан, передвинул рычажок на нижней стороне ствола и сунул в руку Вейта револьвер.

Глава 32

Брось меня, если я тебе нужен. Подними меня, если я тебе больше не нужен.

На пути в носовую часть «Султана» Мартин невольно вспомнил загадку, вычитанную несколько лет тому назад в какой-то книге, название которой уже давно забыл. Но не забыл отгадку: *якорь*.

Он хотел бы, чтобы и те загадки, которые ему задали последние события на корабле, отгадывались так же легко. Однако он опасался, что посещение якорного отсека принесет с собой больше вопросов, чем ответов.

Он начал с осмотра официального и в принципе единственного якорного отсека корабля, расположенного на третьей палубе.

На одиннадцатой палубе хранился всего лишь небольшой запасной якорь, цепь которого, лежащую под открытым небом, мог свободно обозревать любой посетитель прогулочной палубы. Здесь не было никакой возможности незаметно прятать кого-то продолжительное время.

– Мы на месте! – сказала Елена Бек. После того как Мартин последовал за докторшей по узкому проходу без окон, который проходил вдоль внешнего борта, они оказались позади музыкального театра. Пройдя через узкий вход, они очутились перед стальной дверью с надписью «Якорный отсек». За дверью их встретил Бонхёффер – и оглушительный шум.

– Почему так долго? – спросил Мартин капитана, который по понятным причинам не хотел здороваться с ним за руку. Кончиками пальцев он нервно проверил, как сидит пластиковая защитная маска на его сломанном носу.

– Долго? – Бонхёффер посмотрел на свои наручные часы.

Было семнадцать часов судового времени, и уже прошло почти два часа, прежде чем он решился допустить их сюда. И у Елены не было объяснения такой задержке.

– Как вы заметили, мы только что развили приличную скорость! – крикнул Бонхёффер.

В стоявших под углом, как на чердаке, бортовых стенках на носу корабля не было застекленных иллюминаторов, а только открытые люки. Так близко к поверхности моря и при той высокой скорости, которую развил тем временем «Султан», кругом стоял такой рев, что приходилось

буквально кричать, чтобы понять друг друга. У Мартина возникло такое чувство, что он стоит в стальном котле, по которому снаружи бьют из водометов.

– Обычно доступ сюда при плавании на максимальной скорости вообще невозможен, – сказал капитан и рассказал Мартину, что в прошлом году одному пьяному канадцу удалось забраться в якорный отсек и отпустить якорные цепи с лебедки. Якорь мог повредить винт, а судно могло получить пробоину и полностью лишиться маневренности. В момент этого инцидента «Султан» только что полностью заправил баки. Тяжелым дизельным топливом стоимостью три с половиной миллиона евро, которого должно было хватить на следующие десять дней. Невозможно себе представить, что случилось бы, если бы якорь пробил топливные баки.

Сегодня пьяница сидит в тюрьме из-за опасного нарушения судовой техники безопасности, и с момента этого инцидента двери, ведущие на якорные палубы, могут открываться только при выходе судна в море и при его заходе в порт.

– Сначала я должен был отдать распоряжение своему главному инженеру отключить электронную блокировку дверей, – закончил Бонхёффер свои объяснения. – Сделать это быстрее было просто невозможно.

Мартин осмотрелся вокруг. Они вошли в помещение, расположенное по левому борту. На площади, где свободно разместились бы двадцать парковочных мест, стояли устройства, похожие на турбины, возможно, это были генераторы. Он увидел стальную коробку, используемую для хранения швартовых концов, с их помощью судно закрепляется у причала, а также множество металлических шкафов, похожих на те, в которых устанавливают блоки предохранителей, с приклеенными на них предупреждающими знаками тока высокого напряжения.

И разумеется, здесь была якорная цепь. Покрытая черным лаком и впечатляющего размера. Вблизи она выглядела как нагрудное украшение пятидесятиметрового великана. Мартин мог без труда просунуть свою руку сквозь звенья этой цепи. И дюжина рук понадобилась бы для того, чтобы поднять хотя бы одно из этих звеньев.

– Семнадцать тонн, – сказал Бонхёффер и похлопал стального монстра, словно они находились на экскурсии и осматривали достопримечательности.

Цепь проходила через огромный стальной ролик, выкрашенный лаком фисташкового цвета, через цепное зубчатое колесо, напоминавшее железнодорожное колесо огромного размера, затем опускалась через

лебедку меньшего размера вниз в шахту шириной с дымовую трубу, которая в настоящий момент была плотно закрыта якорем, торчавшим в стенке внешнего борта.

Мартин сразу же вспомнил рисунок Анук.

Через многочисленные щели и пустоты он мог видеть бурные воды Атлантики.

– Сам якорь весит тоже около десяти тонн, – сказал капитан и прошел в глубь помещения.

Елена и Мартин последовали за ним. При этом Мартин заметил, что якорных устройств было два: по одному с правого и с левого борта. Оба огромных цепных зубчатых колеса, установленные соосно, разделялись платформой, на которой находился ящик с множеством рычагов. Каждое большое колесо было оснащено металлическим тормозным колесом, которое нужно было вращать, словно исполинский вентиль, чтобы опустить якорь или прервать его спуск.

– Что именно мы здесь ищем, собственно говоря? – спросил капитан, остановившись на платформе и прислонившись спиной к тормозному колесу якоря левого борта. – Надеюсь, не тайник, где держали Анук, или все-таки его?

Мартин окинул взглядом якорный отсек.

Здесь было очень чисто, почти стерильно, что удивило его. Судя по царившему здесь запаху, он ожидал увидеть на полу пятна ржавчины и масла или, по меньшей мере, следы воздействия непогоды и агрессивной морской воды, постоянно попадавшей внутрь через многочисленные отверстия. Но даже в этой зоне, доступ в которую был ограничен, царили чистота и порядок. Все было как после ремонта. Стены выкрашены белой краской, а пол устлан резиновыми матами, даже при царившей вокруг сырости можно было не опасаться, что поскользнешься на них.

Уйма места.

Но ни одного такого, где можно было бы выжить в течение нескольких недель. Здесь всегда сквозило, было холодно и сыро. Уже после недели нахождения здесь можно было запросто получить воспаление легких, не говоря уж о том, что в каждом порту сюда входили по меньшей мере два матроса, которые должны были обслуживать якорные лебедки.

Она никак не могла находиться здесь.

Казалось, что Елена разделяла его не высказанное вслух мнение.

– Это тупик! – крикнула она пронзительно.

Мартин кивнул. Очевидно, они были на ложном пути.

«Все лишь гадание на кофейной гуще», – раздосадованно подумал он.

Увидеть в детском рисунке важный намек было такой же глупостью, как рассмотреть лицо Девы Марии в хлебе для тостов.

– Уходим отсюда.

Мартин наклонился, чтобы завязать развязавшийся шнурок своих черных полусапожек. При этом его взгляд упал под первую ступеньку платформы.

– А где цепь? – спросил он Бонхёффера.

Ничего не понимая, Бонхёффер посмотрел на него.

Мартин показал на большой стальной ролик слева от него:

– Я вижу только несколько метров цепи, протянувшейся от гигантского колеса до якорной шахты. А где остальное?

– Как раз там, где вы присели на колено, – ответил Бонхёффер и сошел с платформы. Он топнул ногой об пол. – Прямо здесь под полом.

– Там есть место?

Бонхёффер помахал вытянутой рукой, словно хотел изобразить раскачивающуюся лодку.

– Зависит от того, насколько выбрана якорная цепь. Но немного места там есть всегда. Действительно, это любимое место укрытия для безбилетников. Но они выдерживают там максимум пару дней. Но не недель.

– Как туда попасть? – спросил Мартин и постучал костяшками пальцев по металлической плите, на которой сидел на корточках.

– Одной палубой ниже. Отсюда туда можно попасть, только отвинтив напольные плиты. То есть один раз в год для технического обслуживания, – сказал капитан, также опустившийся рядом с ним на колени. Со светлыми, взъерошенными волосами и защитной маской на сломанном носу он был похож на Ганнибала Лектора, не хватало только смирительной рубашки и тележки для перевозки мешков, к которой он был прикован.

– Может быть, пустая трата времени, – предположил Мартин.

– А возможно, и нет, – возразила Елена. – Что мы теряем, если уже оказались здесь?

– Минутку, – сказал капитан и встал. Он подошел к узкому металлическому шкафчику и открыл его. Мартин подумал, что капитан хочет взять чемоданчик с инструментами, однако, когда Бонхёффер снова подошел к ним, в его руках был большой электрический фонарь. Он опять присел на корточки перед платформой.

– Вы что-то нашли? – спросил Мартин и тоже присел рядом с ним.

– Возможно. Вон там. Видите?

Бонхёффер посветил прямо под платформу в то место, где под

большим стальным роликом якорная цепь исчезала в палубе.

– Что это? – взволнованно спросила Елена.

– Выглядит как полиэтиленовый пакет, – ответил Мартин. Свет фонарика отражался от коричневатой, измятой пластиковой поверхности.

Глава 33

Мартин встал, обошел вокруг ролика и присел на корточки. Здесь он был почти на корпус ближе к предмету, похожему на полиэтиленовый пакет, который прилепился к последнему из видимых звеньев якорной цепи. Мартин лег плашмя на пол и по холодному металлическому полу попытался заползти под ролик.

Безнадежно.

Он оказался слишком широк в плечах, или щель была уж очень узкой. Мартин вспомнил, как в раннем детстве у него закатился под шкаф камушек для игры в бабки и он своими маленькими ручонками не смог достать оттуда ничего, кроме катышков пыли.

– Может быть, я попробую? – услышал он голос Елены у себя за спиной.

Мартин посмотрел на нее снизу вверх и кивнул.

– Возможно, вам больше повезет, – согласился он.

Во всяком случае, Елена была уж точно более хрупкого телосложения, чем он.

Докторша сняла свою форменную куртку и блузку, под которой она носила белую мужскую футболку без рукавов. Прежде чем лечь на пол, она сняла свое украшение, цепочку с кулоном в виде дубового листика, и серебряный браслет, составленный из звеньев цепи, который она носила на правой руке вместе с водонепроницаемыми дайверскими часами.

– Фу, еще никогда мне не было так тесно, – сказала она, ложась плашмя на живот. Затем она повернула голову набок и прижалась ухом к холодному полу. – И так шумно. – Елена поползла сантиметр за сантиметром вперед, навстречу цели, которую с тыльной стороны освещал фонарик Бонхёффера.

– Немного правее, – подсказал ей Мартин, так как в таком положении Елена не могла ничего видеть.

Наконец она дотронулась указательным пальцем до якорной цепи.

– Действительно, на ощупь как пакет, – сказала докторша и потеребила его, зажав между указательным и большим пальцами. – Но я не могу его оторвать.

– Приклеен, – констатировал Бонхёффер.

Теперь и Мартин заметил липкую ленту, с помощью которой пакет был прикреплен к звену якорной цепи. Одного сильного рывка было бы

достаточно, чтобы вырвать его оттуда, но для этого Елене надо было заползти еще дальше под платформу.

– Здесь очень тесно, не продохнуть, – простонала она.

Мартин попытался подбодрить ее:

– Вы справитесь. Еще всего лишь несколько сантиметров. Так, очень хорошо…

Теперь докторша смогла ухватить пакет уже всей пятерней.

Большая волна ударила в борт судна, что прозвучало так, словно кто-то решил выбить двадцатиметровый мокрый ковер о внешний борт лайнера. «Султан» покачнулся и наклонился набок, и вместе с ним сдвинулась на несколько сантиметров якорная цепь.

– Якорь же не может сам собой сорваться с крепления? – спросила Елена с беспокойством. Если бы предохранительное устройство вдруг отключилось, то ее вместе с цепью рвануло бы вверх. – У меня нет желания закончить свои дни в качестве смазки для якорной цепи.

Бонхёффер крикнул, что ей не стоит беспокоиться, но Елена уже сорвала пакет с якорной цепи и попыталась выползти на животе из узкой щели. Когда она снова показалась из-под платформы, на ее щеке, которой она прижималась к полу, виднелся грязный, маслянистый след.

– Что-то скользкое на ощупь, – сказала докторша, вставая. Она держала пакет на вытянутой руке как можно дальше от себя, словно ей нужно было отнести на помойку что-то, вызывающее омерзение. – Как будто внутри какое-то желе.

Пройдя мимо якорной лебедки, она отнесла пакет к большому зеленому ящику и положила его на прочную пластмассовую крышку.

– Возможно, это важная улика, – заметил Мартин. – И нам следовало бы открыть его в закрытом контейнере.

Под вытяжкой. Надев защитные очки.

Но Елена не прислушалась к его словам. Возможно, она была хорошим врачом, однако о правилах поведения на месте преступления не имела ни малейшего понятия. Прежде чем Мартин успел вмешаться, она ловкими движениями оборвала липкую ленту, которой был обвязан пакет. К счастью, его опасения не подтвердились. Никакой вспышки не последовало. И тем не менее Елена так резко отпрянула назад, словно ей в лицо отлетел осколок.

– О боже! – воскликнула она и, зажав рот рукой, отвернулась в сторону.

Мартин мог понять ее реакцию, как и поведение капитана, который с отвращением смотрел на пакет и на его содержимое, беспрепятственно

растекавшееся по крышке ящика. Личинки. Сотни омерзительных личинок извивались и крутились, словно находились под током.

– Что за свинство! – выругался Бонхёффер, раздавив несколько личинок, упавших с крышки ящика на металлический пол. Он вытащил из кармана свой служебный телефон и попросил кого-то на другом конце линии прислать уборщицу.

Мартин подошел поближе и осторожно приоткрыл пакет, чтобы заглянуть внутрь.

Действительно.

Личинки оказались не единственным содержимым пакета. Он осторожно вытащил ламинированный прямоугольный кусочек бумаги и с отвращением смахнул с него насекомых.

– Это открытка с видом? – спросил капитан.

По меньшей мере, ее небольшая часть.

Кусочек картона оказался частью рекламной почтовой открытки, которые были разложены по всем каютам для бесплатного пользования. Это была лишь маленькая полоска, оторванная от внешнего края открытки, но даже по ней можно было определить, что речь шла об открытке с фотографией «Султана», сделанной с самолета.

Мартин перевернул кусочек открытки на обратную сторону.

> «ТАКОЕ ПРОИСХОДИТ, КОГДА ПОВСЮДУ СУЕШЬ СВОЙ НОС…»

Он прочел вслух эту фразу, написанную от руки печатными буквами. Она была написана по-английски шариковой ручкой с черной пастой, которая уже начала расплываться.

– Что происходит? – спросил Бонхёффер. – Что имеет в виду этот подонок?

– О, проклятье! – воскликнул Мартин, замерев на месте от испуга. Он обернулся, чтобы спросить Елену, что она думает по этому поводу. Ответ на вопрос Бонхёффера был написан буквально у нее на лице.

– Боже мой, Елена, что с тобой? – воскликнул капитан, который тоже повернулся к своей невесте, изменившейся до неузнаваемости. Все лицо докторши распухло: щеки, лоб, губы – ее обезображенное лицо выглядело так, словно кожа вот-вот лопнет. Глаза Елены совершенно не были видны, торчали лишь кончики ресниц.

> «ТАКОЕ ПРОИСХОДИТ, КОГДА ПОВСЮДУ СУЕШЬ

СВОЙ НОС…»

Она выглядела просто ужасно, но хуже всего были припухлости на правой половине лица. Как раз в том месте, где она прикасалась щекой к черной смазке на металлическом полу под платформой.

– Елена, любимая, скажи хоть что-нибудь! – крикнул Бонхёффер вне себя от страха.

Но Мартину сразу стало ясно, что докторша, схватившаяся в панике за горло, была не в состоянии произнести хоть слово. Очевидно, после глаз, губ и щек у нее начала опухать и трахея.

Глава 34

Судовое время 0:24
50°27 с. ш., 16°50 з. д.
Скорость: 21,5 узла; ветер: 18 узлов
Волнение на море: 10–15 футов
Удаление от Саутгемптона: 592 морские мили

Мартин Шварц не заметил опасности, которая приближалась к нему со спины.

Закрыв глаза и подставив лицо сильному ветру, он стоял у перил на корме на семнадцатой палубе с левого борта, на самой высокой точке корабля, куда был открыт свободный доступ для пассажиров. На губах он ощущал соленый вкус воздуха, однако ему казалось, что вместо кислорода воздух был насыщен снотворным.

С каждым вдохом он чувствовал все большую слабость и усталость, что, возможно, было связано с зубной болью, которая с неослабевающей силой все еще продолжала буравить его верхнюю челюсть; и уж наверняка много хлопот доставляли ему и эти проклятые пилюли для постэкспозиционной профилактики. Хорошо хоть, что уже давно у него больше не было приступов головной боли.

Он сделал глубокий вдох. Ощутил на губах привкус соли.

«Ты тоже здесь стояла и размышляла о смерти, Надя?»

Мартин склонился через перила и посмотрел вниз на волны, бушующие под ним на глубине около семидесяти пяти метров.

Стояла безлунная, темная ночь. Пенные гребни волн освещались только бортовыми огнями корабля. Он попытался представить себе, что может ощущать человек там внизу, упавший с такой высоты в бушующие волны.

«Ты не могла желать себе такой смерти, Надя!» Никто не пожелает себе такого.

Мартин прислушался к первозданному рокоту океана, этой дикой, необузданной стихии, которая всего лишь несколькими стальными плитами была отделена от благ западной цивилизации. И от насильников, предателей и убийц.

Он поднял голову, почувствовал гипнотическое воздействие, которое производил на человека взгляд в черную бездну, и внезапно понял, о каком

засасывании говорили меланхоличные люди, утверждавшие, что чувствовали, как их манили морские глубины.

Океан – это магнит для людей, находящихся в депрессии.

«Но ты же не была подвержена депрессии, Надя».

Он встал на самую нижнюю ступеньку парапета, сначала одной ногой, потом двумя, попытался представить себе, что чувствовала его жена в последние секунды своей жизни.

Она всегда боялась темноты. Говорят, что ночью, когда она якобы прыгнула в воду, была непроглядная тьма. Висела низкая облачность, и на море опустился туман. Возможно, она даже не могла видеть воду.

Мартин невольно вспомнил о Тимми. «Ауа», – говорил тот, будучи совсем крохой, и показывал на воду всякий раз, когда они прогуливались по берегу моря или озера или проходили мимо бассейна. Он еще не мог даже ходить, а Надя уже объяснила ему, какой опасной может быть вода для ребенка. «Вода – это очень страшная «ауа», – не уставала она повторять ему, хотя воспитатели в детском саду советовали по возможности избегать употребления слов из детского языка. Но в случае с Тимми все отлично сработало. Он всегда относился к жидкому элементу с большим уважением и стал лучшим пловцом своего класса. Насколько вероятно, что мать, которая так сильно любила детей, что выбрала профессию учительницы начальных классов, в туманную ночь бросила своего сына в ту самую «ауа», от которой предостерегала его всю жизнь?

– Так, и с этим покончил, это снова я, – ответил прямо в ухо Мартину Дизель, который хотел закончить еще один раунд компьютерной игры, прежде чем поговорить с ним. – Надо было сбить еще один вертолет.

Мартин уже успел забыть, что вообще звонил ему. Из-за ревущего ветра он вставил себе в ухо наушник, и теперь во время разговора его руки были свободны. Связь по скайпу была на удивление четкой с учетом того, что в данный момент он находился посреди Атлантики.

– Докторша поправится? – спросил Дизель.

Мартин послал ему сообщение, в котором кратко описал последние события на «Султане». Он переслал ему также списки пассажиров и экипажа судна, которые получил от Бонхёффера.

– Я надеюсь на это, – сказал он.

Во время летнего круиза платформа, на которой он сейчас стоял, использовалась в качестве нудистского пляжа. Осенью это было самое уединенное место под открытым небом, особенно ночью, когда температура составляла всего лишь несколько градусов тепла. По этой причине Мартин и выбрал семнадцатую палубу для своей ночной

прогулки. Он хотел побыть один и поразмышлять о причинных связях: о гибели своей семьи, о телефонном звонке Герлинды Добковиц, об изнасилованной девочке, о свежих резаных ранах на руке Анук и о покушении на Елену, на месте которой мог оказаться и он сам.

Когда ему стало ясно, что его мысли ходят по кругу и что ему нужен кто-то посторонний, чтобы столкнуть их с наезженной колеи, он позвонил Дизелю.

– Более точную информацию мы получим только через двадцать четыре часа, – сказал Мартин. – Пока еще неясно, отчего именно распухло ее лицо. В судовой лаборатории нет оборудования, чтобы проанализировать, что за смазка была нанесена на пол якорной палубы.

– И кто же теперь лечит докторшу, если сама докторша больна? – поинтересовался Дизель. В трубке явственно слышалось какое-то шипение. В самом начале разговора Дизель предупредил Мартина, что собирается разогреть на горелке Бунзена тарелку равиоли. Главный редактор был невысокого мнения о микроволновых печах.

– Жак Жерар, ее ассистент, – ответил Мартин. – Нам пришлось ввести его в курс дела. Сейчас доктор Бек лежит в карантинном отсеке, в палате рядом с Анук.

Конечно, в официальной корабельной клинике тоже имелись свободные больничные койки, даже несколько качающихся, которые компенсировали любое волнение на море, вот только эти койки были отделены друг от друга простыми занавесками, как это обычно происходит в палатах экстренной госпитализации. В настоящее время ни один пассажир «Султана» не нуждался в стационарном лечении, но на тот случай, если обстановка изменится, капитан не хотел, чтобы посторонние люди видели судового врача в таком состоянии. Поэтому Мартин отнес ослабевшую докторшу из якорного отсека сразу в «Адскую кухню», где тщедушный француз в очках в черепаховой оправе и с опущенными уголками рта в качестве первой помощи вколол Елене лошадиную дозу кортизона. По меньшей мере, это спасло ее от удушья. Сейчас, семь часов спустя, докторша все еще выглядела так, словно попала в уличную потасовку, но ее состояние оставалось стабильным, хотя она пока и не реагировала на речь.

– К счастью, ваш убийца не очень хорошо разбирается в дозировках яда, – сказал Дизель.

А может быть, как раз разбирается. Мартин сомневался в том, что преступник действительно собирался убить докторшу или кого-то из них. Вероятнее всего, киллер хотел продемонстрировать, на что он способен,

если они не прекратят свое расследование.

– Все равно, был ли это провал, или он так и планировал, но это покушение дает нам достаточно информации о твоем противнике, – заметил Дизель, когда Мартин поделился с ним своими соображениями.

– А именно?

– Во-первых, это говорит о том, что насильник все еще находится на корабле.

Мартин пожал плечами:

– В таком случае он может находиться как среди членов экипажа судна, так и среди пассажиров.

– Во-вторых: скорее всего, среди обслуживающего персонала, поскольку у него есть доступ даже к закрытым зонам корабля.

– Ключи, особенно электронные, может легко расколоть даже начинающий хакер, – возразил Мартин.

– Может быть. Но важным является вопрос: кто знал, что вы собираетесь осмотреть якорный отсек?

– Капитан, я сам… – Мартин на секунду задумался. – И главный инженер, который должен был отключить электронную блокировку дверей.

И возможно, еще пара сотен людей, в зависимости от того, кому Бонхёффер успел разболтать об этом.

– А что за человек этот технический гений?

– Понятия не имею.

– Тогда ты должен заняться им, так же как и Жераром Депардье.

– Жаком Жераром?

– Именно. Не могу себе представить, чтобы ассистент не насторожился, где целыми днями пропадает его начальница. Проверь всех мужчин, которые могли бы быть насильниками девчушки, невзирая на лица. В-третьих: преступник в состоянии предвидеть ваши шаги, и – в-четвертых – очевидно, он любит поиграть со своими жертвами.

«Что говорит о том, что твой анализ можно выбросить на помойку», – подумал Мартин.

Как правило, подверженные чужому влиянию преступники обладают интеллектом выше среднего и благодаря своей способности перевоплощения умело водят за нос как своих жертв, так и полицию. Они могут мастерски скрывать истинные свойства своего характера. Склонные к депрессии изображают из себя весельчаков, садисты прикидываются кроткими. Если же человек в течение нескольких недель насильно удерживает свою жертву и мучает ее, – речь однозначно идет о психопате, которого невозможно поймать, подходя к этому процессу с обычной

меркой. А уж тем более обращаясь за помощью к аналитику-любителю.

– И если бы я был на твоем месте, то я бы на всякий случай спросил того человека, которого ты подозреваешь, о его матери.

– А это еще зачем? – удивился Мартин.

– Я не уверен, имеет ли это хоть какое-то значение. Это как урчание в желудке. Тебе это знакомо? Иногда так заурчит, что думаешь, ну вот, сейчас обделаюсь прямо в трусы, а это всего лишь газы, скопившиеся в заднице.

Дизель не оставил Мартину времени поразмышлять над грубым сравнением и закончил свою мысль:

– Итак, как ты и просил, я поискал информацию о других случаях двойных самоубийств или, точнее, исчезновений в открытом море, когда речь не шла о пассажирах, путешествующих в одиночку и находящихся в депрессии из-за проблем со здоровьем, или из-за денежных затруднений, или из-за семейных неурядиц, которые с высокой степенью вероятности добровольно скакнули через борт.

– Ну и… – спросил Мартин. – Что ты выяснил при этом?

– Прежде всего: кроме Тимми и Анук, во всем мире нет больше детей, которые исчезли бы во время морского круиза. За последние десять лет даже ни один подросток не сиганул с борта круизного лайнера головой в воду. Это кажется мне просто удивительным, когда я вспоминаю о том, на какие балконы я забирался в свои шестнадцать лет, будучи пьяным в стельку.

Кажется, Дизель решил проверить, сколько равиоли одновременно поместится у него во рту, так как последующие слова становились все более непонятными:

– И никогда прежде ни на одном другом судне не пропадали одновременно два человека.

Что делает подобные случаи на «Султане» еще более подозрительными.

– Но трижды, и всякий раз на разных судах, бесследно исчезал один из родителей. При этом бросается в глаза следующее: каждый раз пропадала жена. Я пошлю тебе электронное сообщение с фамилиями и маршрутами.

– Подожди минутку. – Мартин провел рукой по бритому черепу, на котором за последние дни появился едва заметный пушок. – Говорит ли это о том, что существует серийный убийца, выбирающий в качестве своих жертв матерей?

– Понятия не имею. Ты сам должен это выяснить. Но теперь у меня нет больше времени изображать для тебя мисс Марпл. Сначала я должен пойти по другому горячему следу.

– По какому следу?

– По душистому следу моей подруги, которая только что пришла с работы домой.

– Передай привет Ирине, – сказал Мартин и отключил скайп.

Мартин еще успел подумать, не навестить ли ему Елену и Анук, прежде чем отправиться в свою каюту, когда услышал у себя за спиной щелчок и почувствовал колющую боль в бедре.

Он хотел схватить себя за бедро, удивившись, что за гигантское насекомое могло укусить его так далеко от побережья, да еще сквозь кожаную куртку, но в следующую секунду он уже рухнул на палубу и лишь беспомощно наблюдал за тем, как задергались его ноги, бившиеся о половицы палубы, в то время как сквозь место укуса в его тело, очевидно, вливалась раскаленная лава. Мартину показалось, что он сгорает изнутри, он хотел закричать, но этому помешала темнота, которая внезапно разом окутала его голову. Имевшая привкус пластмассы, эластичная темнота, которая лезла в рот, когда он пытался вдохнуть воздух.

Мартин почувствовал у себя под мышками чьи-то руки, которые потянули его снова вверх. Очевидно, нападавший вывел его из строя с помощью электрошокера, а затем натянул на голову полиэтиленовый пакет. Ничем другим он не мог объяснить свое теперешнее состояние.

Мартин почувствовал, как его голова ударилась обо что-то твердое, услышал свой хрип, подумал об Анук и ее планшетнике, на экране которого он бы сейчас написал «ПОМОГИТЕ», печатными буквами и дважды подчеркнул бы. Внезапно он почувствовал на языке вкус спагетти карбонара, любимого блюда Тимми, и уловил запах жженой пластмассы, его глаза слезились, и он как сумасшедший начал отбиваться руками и ногами, вот только эти движения были слабыми и беспорядочными.

Неожиданно в его живот уперлось что-то, похожее на палку.

Первая волна боли, вызванной ударом тока, ослабла, и Мартин почувствовал, что его ноги потеряли контакт с палубой.

Когда он опрокинулся вперед, давление палки на его желудок стало еще сильнее.

Он услышал чей-то кашель, сначала подумал, что это он сам, но ведь это было невозможно.

«У меня же рот закрыт пакетом».

По его рукам забегали мурашки, как будто до этого руки лежали в морозилке, а теперь начали медленно оттаивать. Мартин попытался сорвать с головы полиэтиленовый пакет, при этом его руки ударились о твердый

предмет, который давил на его живот, и в ту же самую секунду он понял, что с ним происходит.

«Парапет!» – мысленно вскрикнул он. В таком положении из его рта смог вырваться только сдавленный хрип. «Я повис на парапете!»

На животе, наклонившись вперед, о чем свидетельствовало растущее давление в его голове.

Мартин замахал руками и уцепился за поручни ограждения, что немного притормозило соскальзывание вперед. Его пальцы с такой силой впились в дерево, что он засадил себе занозу под ноготь большого пальца. Теперь палка расположилась уже в районе его бедер, и Мартин понял, что висит вниз головой.

«Ауа», – услышал он голос своей жены, которому вторил слабый голосок Тимми. Мартин даже не мог уже точно вспомнить, как он звучал, так давно он слышал его в последний раз.

«Вода – это очень страшная «ауа».

Он почувствовал свой собственный вес, который давил на запястья и тянул его вниз. Ощутил еще один укол, на этот раз в спину. Почувствовал, как согнулись его локти.

Как ослабли пальцы.

Как он полетел вниз.

Глава 35

Юлия схватилась за лоб. Ощутила пот. В темноте светились красным светом электронные часы телевизора. 0:35 ночи. Она не спала и часа. Ей показалось, что кошмар, который только что ей приснился и в котором ее полуобнаженная дочь в вызывающей одежде садилась в машину к незнакомому мужчине, продолжался гораздо дольше.

Она задалась вопросом, что могло заставить ее пробудиться от сна. Ей показалось, что она слышала какой-то шум, сначала завывание ветра, потом звук захлопнувшейся двери, но это могло ей и присниться.

А возможно, во всем был виноват ее переполненный мочевой пузырь, который требовал от нее встать с постели.

Она на ощупь нашла на ночном столике рядом с кроватью выключатель ночника. Слабый голубоватый свет помог ей сориентироваться в каюте.

Она встала. Холодный воздух поступал в каюту через балконную дверь, которую она всегда оставляла на ночь полуоткрытой. Только что выбравшись из-под толстого пухового одеяла, заправленного в пододеяльник из египетского хлопка, теперь она мерзла и пожалела о том, что вместо фланелевой пижамы надела шелковую ночную сорочку на бретельках.

Так до конца и не проснувшись, шаркая ногами, Юлия проследовала в ванную. Волнение моря еще больше способствовало тому, что она с трудом сохраняла равновесие, нарушенное после сна. Уже ставшие привычными скрипы и стоны каждого отдельного мебельного паза как нельзя лучше подходили к ее состоянию. Она чувствовала себя совершенно разбитой. У нее пересохло во рту и болела голова. Она хотела в туалет, и ей нужно было выпить глоток воды, лучше всего с аспирином.

В этот момент мягкий коврик под ее босыми ногами слегка сдвинулся. Юлия включила слабую настольную лампу, наклонилась и нащупала конверт. Он еще наполовину торчал под межкомнатной дверью, под которую был подсунут.

«Для мамы», – было написано, несомненно, Лизиным вычурным, девичьим почерком на лицевой стороне конверта. Юлия сразу окончательно проснулась. От знакомого, ужасного чувства у нее перехватило дыхание.

Несколько лет тому назад Юлия услышала приглушенные крики, когда стояла у кассы одного из супермаркетов в Швейцарском квартале Берлина.

Сначала она подумала, что это на парковке мать зовет своего расшалившегося ребенка, но крики становились все истеричнее. Неожиданно два покупателя и один из продавцов сорвались с места и бросились к выходу. Юлия обменялась встревоженным взглядом с кассиршей и заметила в ее глазах такую же нездоровую шизофреническую реакцию, какую испытывала сама. Она стояла, разрываясь между желанием удовлетворить свое любопытство и страхом стать свидетелем чего-то такого ужасного, что лучше бы этого и не видеть. Такое же противоречивое чувство, какое она испытала тогда, охватило ее и теперь. Только в тысячу раз более сильное.

Она *должна была* открыть этот конверт и *непременно* узнать, что в нем, даже если была почти уверена: письмо, которое дочь ночью тайком подсовывает своей матери, не может означать ничего хорошего. Так же как и жалобные крики матери на оживленной парковке, на которой внезапно прекратилось движение автомобилей.

Дрожа всем телом, она надорвала конверт, обрезалась об острые края почтовой бумаги, когда вытаскивала письмо, развернула сложенную пополам страницу и прочла сообщение Лизы, которое должна была получить только через несколько часов, а именно в девять утра, проснувшись по звонку будильника, чтобы вместе с дочерью пойти на завтрак.

Все послание дочери состояло только из одного предложения, которое, в свою очередь, заключало всего лишь четыре слова.

«Мне очень жаль, мамочка».

Но больше слов и не требовалось, чтобы Юлия почувствовала такой страх за свою дочь, который нельзя было сравнить ни с чем на свете.

Глава 36

– Ты не хочешь об этом говорить?

Тимми упрямо выдвинул нижнюю губу вперед, еще сильнее прижал подбородок к груди и покачал головой.

– Тебе больше не нравится в школе?

Его сын пожал плечами.

Мартин наблюдал за ним от окна, к карнизу которого прислонился.

Тимми сидел за своим детским письменным столом и сосредоточенно чесал коленку под столешницей.

– Послушай, меня не волнует двойка по математике, – сказал Мартин, обращаясь к сыну.

Эта двойка была лишь симптомом. Одним из многих, проявившихся в последнее время: например, его постоянное желание поспать подольше. По утрам Надя никак не могла его разбудить, и у него уже было три замечания из-за опозданий на занятия. Затем он перестал заниматься теннисом. Просто так. Мартин и Надя не относились к тем родителям, которые принуждают своих детей делать что-то такое, что им не нравится, однако решение Тимми в одночасье бросить занятия теннисом неприятно поразило их. Они думали, что он счастлив и с нетерпением ждет следующего сезона, в котором у него были хорошие шансы попасть в сборную Берлина. Если бы Тимми не было всего лишь десять лет, Мартин мог бы подумать, что его странное поведение объясняется любовной тоской. Но по-видимому, была какая-то другая причина.

– У тебя проблемы с одноклассниками?

Тимми поднял голову. Мартин даже испугался, заметив, каким усталым выглядел его сын. Почти таким же усталым, каким был он сам.

– Нет. Там все о’кей. Нет никого, кто бы заставил меня жрать кебаб, если ты это имеешь в виду.

Словом «кебаб» в его школе называли горсть листвы и грязи, которую физически самые сильные ученики в классе собирали в школьном дворе, чтобы ради удовольствия запихнуть эту дрянь в рот самым слабым. Просто так, потому что они могли это сделать.

– Это из-за тебя. Потому что тебя часто не бывает дома, и мама… – Голос Тимми сорвался. Мартин видел, как он старался не расплакаться на глазах у отца.

– Эй, иди-ка сюда. – Мартин подошел к нему, опустился на колени

рядом с письменным столом и обнял сынишку.

Он почувствовал, как похудел Тимми, с тех пор как перерывы между скандалами в их семье стали совсем короткими, пока их ссоры в конце концов не превратились в никогда не затухающую перебранку.

– Когда мама и папа ругаются, это не имеет никакого отношения к тебе, надеюсь, ты это понимаешь?

Тимми кивнул и шмыгнул носом.

– Это я во всем виноват, малыш. Я слишком часто отлучаюсь по работе. Но я клянусь тебе, скоро это прекратится. Мне осталось выполнить последнее задание, после этого я уволюсь и поищу себе такую работу, которую смогу выполнять, сидя дома. Как тебе такое предложение?

Тимми высвободился из его объятий. Но в его взгляде читалось сомнение. По его лицу было видно, что он никак не может поверить в хорошую новость.

– И тогда ты всегда будешь со мной?

– Да. Я обещаю тебе это. Я скоро вернусь, и тогда мы всегда будем вместе.

Мартин поцеловал Тимми в лоб и взъерошил его волосы.

Потом он встал, подошел к двери и поднял вещмешок, в который уже успел уложить свои вещи.

Он открыл дверь комнаты Тимми и обернулся: ему пришла в голову еще одна мысль.

– Боюсь, я обманул тебя, малыш.

Тимми, продолжавший неподвижно сидеть за столом, кивнул. Его слезы исчезли. С окаменевшим лицом он сказал:

– Я знаю, папа. Мы больше никогда не увидимся.

Тимми судорожно сглотнул.

– Я умру. Точно так, как сейчас умираешь ты.

– Я?

– Да. Ты же знаешь. Вода – это ауа. А сейчас ты падаешь в…

Воду.

Твердую.

Темную.

Боль от удара о воду заставила Мартина очнуться от беспамятства, заполненного воспоминаниями. Такое чувство, словно какой-то великан вырывает у него из спины позвоночник, пронзило его от копчика вверх до самого мозга. Одновременно росло давление на уши, чем глубже он

погружался в воду.

Мартин жадно ловил ртом воздух, но даже вода не хотела заполнить его легкие. Его голова все еще находилась внутри полиэтиленового пакета. По меньшей мере, теперь его руки не были как из свинца, и он смог освободиться от пакета.

Потеряв ориентацию, он начал беспорядочно бить руками и ногами. Сапоги висели на его ногах, как пудовые гири. Одежда станет его гробом, если он не освободится от нее.

Никакой надежды вынырнуть в ней на поверхность.

А хочу ли я вообще выныривать?

В то время когда его тело инстинктивно боролось за жизнь, сам Мартин мысленно даже сожалел о том, что остался жив при падении.

«Ты падаешь», – все еще звучал у него в ушах голос сына, и Мартину пришел на ум другой Тим. *Тим Сирс*, один из немногих, кто остался в живых после прыжка с круизного лайнера. Однако тот упал после попойки с высоты двадцати метров с борта «Селебрейшен» в теплые воды Мексиканского залива. В ледяных водах Атлантики Сирс не смог бы продержаться семнадцать часов до прибытия спасателей.

Хотя вода не казалась такой уж холодной. По-видимому, электрический ток, который киллер пропустил через тело Мартина, изменил полярность контактов между нейронами его центра чувствительности.

Он не почувствовал тысячи игл, которые должны были бы впиться в его лицо. Вода была прохладной, но не ледяной. Теплое течение?

Мартин лихорадочно заработал руками и ногами. Начал терять силы.

Воздух, мне нужен…

Воздух. Холодный. Сырой. Сразу же исчезло давление на уши.

Голова Мартина показалась над поверхностью воды. Он жадно хватал ртом кислород. И ожидал самого худшего: оказаться в полном сознании в бурных водах Атлантического океана, в черной пустоте. Не видеть никаких огней. Ни судовых огней «Султана», который уже уплыл далеко вперед, так как никто на его борту не поднял тревогу. Ни свечения звезд в затянутом облаками небе над головой.

Но чего он точно не ожидал, так это руки, на которую наткнулся.

И смеха, который услышал.

Потом Мартина подхватила какая-то сила, происхождение которой он никак не мог себе объяснить. Он почувствовал сильный рывок, и вода под его спиной вдруг стала твердой.

В то же время смех стал громче, и женщина с британским акцентом и

пронзительным голосом воскликнула: «Да он же пьян в стельку!» Мартин уставился вверх на темную фигуру в капюшоне, стоявшую у поручней на семнадцатой палубе. На того человека без лица, который во время схватки на прогулочной палубе обездвижил его с помощью «Тазера», специального оружия, используемого полицией, затем натянул ему на голову полиэтиленовый пакет и отволок в торец палубы, чтобы перебросить через поручни в открытый плавательный бассейн «Султана», находившийся пятью метрами ниже.

Глава 37

Межкомнатная дверь не открывалась. Лиза заперлась изнутри на задвижку и не реагировала. Ни на барабанную дробь ее кулаков, ни на пронзительные, полные отчаяния крики Юлии.

– Лиза, дорогая. Открой!

Ключ, куда подевался этот проклятый ключ? Ее собственный торчал в маленькой серой коробочке на стене рядом с дверью. Но где же запасной электронный ключ от Лизиной каюты? До вчерашнего дня он лежал на серванте рядом с телефоном, сейчас же маленький конвертик с гербом пароходной компании, в котором лежала карточка, был пуст.

Как такое могло произойти? Юлия сбросила со стола несколько проспектов и иллюстрированных журналов, заглянула под свою сумочку и изящный бювар с листами чистой бумаги. Ничего.

О боже, боже милосердный!

Она с трудом удержалась от того, чтобы с криком не выбежать в коридор и не забарабанить кулаком в дверь Лизиной каюты, и сняла трубку телефона внутренней связи. В трубке раздались короткие гудки, мешавшие ей сконцентрироваться.

– Обслуживание номеров.

– Администрация.

– Прачечная.

– Спа-центр…

Десять клавиш прямого набора. И ни одной с надписью «Паника».

1310… 1310…

Она уже собиралась позвонить в администраторскую, когда вдруг вспомнила прямой набор номера Даниэля.

После четвертого гудка он снял трубку и заспанным голосом произнес:

– Алло?

– Она… она что-то сделала. – Голос Юлии прервался. Только теперь она заметила, что плачет.

– Лиза? Что с ней? – Теперь голос капитана уже не казался таким заспанным.

– Я думаю, она… она что-то… сделала с собой.

Больше ей не нужно было ничего говорить. Даниэль заверил ее, что через две минуты будет в ее каюте, и положил трубку.

Через две минуты? Очень долгое время, если кому-то невмоготу. А тем

более если боишься, что твоя плоть и кровь может в эту минуту лишить себя жизни. Прямо сейчас. В эту секунду.

Юлия не могла больше ждать. Она распахнула балконную дверь.

Ей в лицо пахнул холодный, сырой ветер. Она больно ударилась голой ногой о шезлонг, услышала шум океана, который звучал в ее ушах, как рев дикого зверя, раскрывшего пасть, чтобы мигом проглотить все, до чего достанут его клыки.

– Лиза! – попыталась она перекричать шум волн.

Их балконы разделялись тонкой перегородкой из белого твердого пластика. Юлия свесилась как можно дальше через парапет, чтобы заглянуть направо за перегородку в каюту Лизы.

Свет! В каюте горели потолочные светильники, а поскольку шторы перед открытой балконной дверью не были занавешены, то они освещали и часть Лизиного балкона.

«Значит, она все еще находится в своей каюте», – облегченно подумала Юлия. Пока маятник страха, который она на мгновение оттолкнула от себя, со всей силы не ударил в ответ. С целью энергосбережения электрическая цепь в каюте прерывалась, как только пассажир при выходе из комнаты забирал из коробочки на стене свой электронный ключ. Все лампы и кондиционер отключались. Обычно яркий свет в каюте указывал на присутствие пассажира в своем номере. Но свет мог гореть и в том случае, если пассажир не взял с собой ключ.

Или воспользовался другим выходом.

Когда Юлия еще сильнее перегнулась через поручни, у нее появилось чувство, что следующая волна может достать ее. Слишком далеко, чтобы иметь надежную опору под рукой.

Ветер бросал соленые брызги ей в лицо. Моросящий дождь капельками скатывался с ее бровей. Дождь и слезы. У нее все расплывалось перед глазами, она щурилась, плакала. Кричала.

И потом она увидела их. Высокие ботинки на шнуровке. *Лизины ботинки.* Они стояли на полу, между кроватью и тумбочкой, на которой располагался телевизор, наполовину скрытые под покрывалом, а под ним на постели, как ей показалось, угадывалось и тело Лизы.

Мозг Юлии переключился в режим врожденных инстинктов. Она была матерью. Ее затравленная одноклассниками дочь написала прощальное письмо. Украла у нее запасной ключ от своей каюты. Закрылась в своей комнате. Не реагировала на ее стук в дверь. И неподвижно лежала на полу.

Ей не следовало игнорировать тот факт, что Даниэль появится здесь уже через несколько секунд. Но эта мысль даже не пришла ей в голову.

Одну руку на перегородку, вторую на поручни. Одну ногу на самую нижнюю перекладину. Вторую ногу на следующую… Подъем происходил автоматически.

То, что она подвергала свою жизнь смертельной опасности, Юлия осознала только тогда, когда, стоя на ограждении своего балкона и ухватившись обеими руками за перегородку, попыталась поднять одну ногу, чтобы поставить ее на поручни Лизиного балкона. И… поскользнулась.

Ее голая ступня еще не отошла после удара о шезлонг. Юлия не чувствовала боли. Но одновременно она не почувствовала, что ее мокрая подошва потеряла опору.

Внезапно весь вес ее тела пришелся на ее руки. У нее не было шанса. Если бы на перегородке был хотя бы какой-нибудь паз, ручка или что-нибудь, за что можно было бы ухватиться. А так вслед за ногами у нее соскользнули и руки.

И ее тело начало сползать вниз.

Юлия закричала, но океан внизу под ней ревел еще громче. Хищник почуял добычу, когда увидел Юлию, висевшую на поручнях между двумя каютами.

Сползая вниз, она все же смогла уцепиться за самый верхний поручень перил. Однако он оказался из дерева, был мокрым и слишком широким для ее тонких рук, чтобы долго цепляться за него. А Юлия была обессилена и утомленна.

«Не смотреть вниз. Только не смотри вниз», – приказала она себе, как будто это могло что-то изменить. Как будто океан исчезнет, если она просто закроет глаза.

Ветер трепал ее, как знамя. Юлия зажмурилась и почувствовала, как ее пальцы начали медленно соскальзывать с края поручня.

«Мне очень жаль».

Это была последняя фраза? Последняя весточка от ее дочери в этой жизни?

Она в последний раз прокричала имя своей дочери и словно эхо услышала в ответ свое собственное имя.

– Юлия?

Кто-то позвал ее из глубины каюты, но это была не ее дочь, звавшая ее к себе. Голос Лизы не мог быть таким низким. И ее хватка не могла быть такой крепкой.

– Я держу тебя! – крикнул мужчина, лицо которого неожиданно появилось над ней. В последнюю секунду он вытянул ее наверх и втащил на корабль.

Назад в кошмар.

Глава 38

Тиаго лежал на кровати и потел. В его новой каюте кондиционер не работал, что уже само по себе доказывало, что каюта номер 4337 оставалась свободной. А то, что в ванной комнате вода вытекала из душа со скоростью меда, а в спальне воняло кошачьей мочей, делало эту каюту совершенно непригодной для жилья.

Если бы у него был выбор, он бы поискал себе убежище получше, но в компьютере, стоявшем в администраторской, в который Стейси разрешила ему заглянуть, не нашлось альтернативы. Две тысячи восемьсот девяносто восемь пассажиров. Все каюты на «Султане» были заняты; кроме одной-единственной, требующей ремонта, в которой он прятался вот уже в течение двадцати часов.

Какая же неудачная поездка!

Тиаго сидел на кровати, прислонившись спиной к настенной обивке каюты, и переключал пультом дистанционного управления каналы телевизора, громкость которого он установил на минимальный уровень. В каюте горел лишь слабый свет, а дверные пазы были завешены полотенцами, чтобы никто, проходя мимо, не заметил, что здесь кто-то живет.

Какой кошмар!

Он еще не успел украсть достаточную сумму, чтобы компенсировать свои затраты на эту поездку, а теперь еще и обречен на то, чтобы остаток пути прозябать в этой вонючей, душной дыре.

У Тиаго урчало в животе, фасованные земляные орешки из мини-бара он уже давно переварил, но чувство голода еще не было настолько сильным, чтобы он отважился выйти из своего убежища.

Наружу. К громилам, которые наверняка уже давно знают, кто он такой, и теперь лишь выжидают, когда он появится снова.

«Ты что, подслушивал нас?»

Он почти не спал и провел большую часть времени в новом пристанище, размышляя о своем запутанном положении. При этом ему казалось, что у него в ушах постоянно звучат слова офицера:

«Ты покойник».

Таким же мертвым был и пятый канал судового телевидения, на котором он застрял и который демонстрировал изображение с отдельных внешних камер видеонаблюдения. С мостика, в направлении движения и в

сторону кормы. Сейчас в это позднее время, все они были выключены. Только бегущая строка на нижнем крае экрана для разнообразия сообщала Тиаго, что они двигались в западном направлении со скоростью 19,4 узла при умеренном волнении моря и моросящем дожде.

Как меня только угораздило впутаться в эту неприятную историю?

Несомненно следующее: он стал свидетелем шантажа с применением силы. По-видимому, на борту находится маленькая девочка, возможно безбилетный пассажир, и уборщица знала об этой тайне, которая, по мнению предводителя, стоит кучу денег. Таких денег, которые стоили того, чтобы накормить горничную осколками стекла.

Или у меня паранойя?

Может быть, оба чокнутых громилы больше не интересуются им. Возможно, чем больше проходит времени, и никто не заявляет, что стал свидетелем шантажа, тем увереннее они себя чувствуют.

Может быть. Возможно. Чего доброго. Пожалуй.

Самые ненадежные слова на свете.

Тиаго не продвинулся бы в жизни так далеко, если бы они входили в его лексикон. Здесь, в этом кошачьем сортире без окон, он был в наибольшей безопасности. Ка юта 4337 даже не упоминалась в плане уборки помещений корабля. Никто не знает, что он находится здесь.

Надеюсь.

Он подумал, не взять ли ему еще какой-нибудь напиток из мини-бара, и встал. Небольших запасов, которые, очевидно, забыли в холодильнике, надолго не хватит. Там стояли еще два сока, срок годности которых уже давно истек, одна диетическая кола и спиртные напитки.

Тиаго оставил дверцу холодильника открытой и пододвинул свой маленький дорожный чемоданчик в свет лампочки мини-бара. Старомодная вещь, выполненная под змеиную кожу коричневого цвета, которую он унаследовал от своего отца. Этот чемодан был изготовлен еще в те времена, когда дорожные чемоданы с выдвижными ручками и на колесиках высмеивались как женское барахло.

«Настоящие мужчины носят свою поклажу в руках» – такова была точка зрения его отца. Эту установку он буквально передал своему сыну вместе с чемоданом и пожеланием доброго пути. Тиаго открыл чемодан. Боковое отделение было заполнено напитками. Перед своим переездом в эту дыру Тиаго в мудром предвидении опустошил мини-бар в своей прежней каюте. Чтобы его побег не бросался в глаза и чтобы его не посчитали пропавшим без вести, он должен будет время от времени возвращаться туда; по меньшей мере один раз в день, чтобы измять

покрывало, бросить несколько полотенец на пол в душе и оставить на подушке общепринятые чаевые.

Вопрос был только: *когда?*

Сейчас, посреди ночи, когда коридоры пусты? Или через несколько часов, может быть в девять утра, в самый разгар завтрака, когда в толкучке можно было легко скрыться, а в том случае, если его схватят, останется надежда, что кто-нибудь сможет прийти ему на помощь?

Он растерянно уставился на банку с тоником, как будто она могла помочь ему принять решение. При этом его взгляд упал на конверт, который он нечаянно прихватил с собой из каюты Лизы Штиллер. Он лежал сверху на его одежде.

Тиаго взял его в руки.

До сих пор он старался вести себя сдержанно. Он был вором, но не вуайеристом. Он никогда не копался ради удовольствия в личных вещах других людей, а поскольку в конверте не было денег (а это он определил с первого взгляда), содержание письма было ему неинтересно.

С другой стороны…

Не шла ли здесь речь о важном документе, во всяком случае, конверт был похож на те, в которых рассылаются важные, официальные бумаги. А что, если маленькой Лизе нужно это письмо? Если, например, это было врачебное заключение, в котором указана дозировка жизненно необходимых лекарств?

Тиаго невольно улыбнулся таким мыслям. Скорее всего, в конверте лежал лотерейный билет с шестью счастливыми номерами, которые гарантировали крупный выигрыш в следующем тираже. Просто он искал предлог, позволяющий удовлетворить свое любопытство, и это напомнило ему еще одну поговорку, которую любил повторять его отец: «Когда женщина гладит чью-либо голову, то частенько она делает это только потому, что хочет выведать ее тайные мысли».

Тиаго погладил сгиб конверта и больше не смог сопротивляться искушению.

Он вытащил письмо, написанное на двух страницах. Когда он разворачивал первый лист, то в нос ему ударил сильный запах лаванды.

«Вероятно, это письмо ее лучшему другу», – подумал он, удивившись почти высокохудожественному почерку.

Перекладинку «П» украшали красивые завитушки, «л» элегантно переходило в «а», которое, как и «н», обнаруживало некоторое сходство с чертами человеческого лица.

Буквы были красивыми как на картинке. В отличие от слов, в которые

они формировались. И от страшного текста, составленного из этих слов.

«План», – прочитал Тиаго и с первого предложения уже не мог оторвать глаз от строчек, перескакивая с абзаца на абзац. И когда он добрался до ужасного конца и развернул вторую страницу, на которой было указано размещение камер видеонаблюдения «Султана», то сразу понял, что не имеет права ни секунды больше оставаться в этой каюте.

Глава 39

Юлия пошатнулась. Она не позволила себе даже десяти секунд отдыха. Кашляя и задыхаясь от изнеможения, она подтянулась вверх, уцепившись за руку Даниэля. Сейчас ей пришлось ухватиться за раму раздвижной двери, чтобы снова не упасть. Ее спаситель стоял рядом на тот случай, если понадобится снова подхватить ее на руки.

– Где она? – прохрипела Юлия. Она накричалась до хрипоты.

Ее пальцы побелели, так крепко она цеплялась за поручни, ноги дрожали, и она чувствовала, как на коленях набухали гематомы. Она разбила их до крови о борт, от напряжения до крови искусала губы. Только сейчас она почувствовала привкус крови во рту.

– Где. Моя. Дочь!

Она показала на пустую кровать.

– Где? – крикнула она в лицо Даниэлю, однако капитан лишь пожал плечами:

– Мы же прибыли как можно быстрее.

Он показал на загорелого офицера с растрепанными светлыми волосами, стоявшего в проеме двери Лизиной каюты. Правда, при более пристальном взгляде на него казалось, что тем не менее каждая прядь его волос занимала свое, строго определенное место.

– Это Вейт Йеспер, один из офицеров нашей службы безопасности, – представил его Даниэль.

– Я все здесь обыскал, – с важным видом заявил красавчик. Как будто для обыска каюты площадью тринадцать квадратных метров в поисках девушки-подростка требовалась подготовка на уровне агента ФБР.

У Вейта были красивые голубые глаза со стальным отливом, обрамленные светлыми ресницами, которые были более пушистыми, чем волосы на голове Даниэля. Вейт казался по меньшей мере килограммов на десять легче, чем капитан, и тем не менее он выглядел физически значительно крепче его.

– Здесь, в каюте, ее нет, – подтвердил он очевидное.

Дверь в ванную комнату была приоткрыта, межкомнатная дверь все еще была заперта на задвижку, а под кроватью Юлия уже и сама посмотрела.

– Вы не заметили ее в коридоре? – спросила она.

«Возможно, все это только глупая шутка? Может быть, Лиза сбежала,

когда услышала, что я хочу войти к ней?»

– Нет. – Даниэль и Вейт синхронно покачали головой.

– И это было бы вряд ли возможно, – заметил Вейт Йеспер и показал на дверь.

Несмотря на охватившую ее панику, Юлия сразу поняла, что имел в виду офицер службы безопасности.

Предохранительная цепочка. Она болталась рядом с дверной рамой. Сорванная. Вырванная с корнем.

Даниэль был вынужден сорвать ее, когда они ворвались в каюту. Поскольку Лиза заперлась на цепочку изнутри! Точно так же как она заперла на задвижку межкомнатную дверь со своей стороны.

– Нет!

Юлия прижала обе ладони ко рту и прикусила пальцы. Она снова повернулась к балкону.

Здесь имелось только две двери, через которые можно было покинуть каюту.

И ни одной из них Лиза не воспользовалась.

Глава 40

Любой человек, входящий в свою квартиру в полной уверенности, что он один дома, перепугается до смерти, если неожиданно услышит из темного угла чей-то голос. Даже в том случае, если этот голос попытается вас успокоить:

– Пожалуйста, не пугайтесь.

Мартин резко повернулся и инстинктивно схватил тяжелую настольную лампу, стоявшую на комоде в прихожей его апартаментов, ожидая, что сейчас на него снова нападут. При этом это оказалась всего лишь Герлинда Добковиц, которая, широко улыбаясь, выплыла из полутьмы. На ней было летнее платье с цветочками, с длинными рукавами и зеленой шелковой шалью, ниспадавшей до спиц колес инвалидной коляски, в которой она сидела.

– Как вы попали сюда? – спросил Мартин, настолько же удивленный, насколько и разозленный.

Он поставил лампу на место. Герлинда приблизилась к нему. Серые шины ее коляски оставили глубокие борозды в ковровом напольном покрытии.

– *Она* впустила меня.

Герлинда показала себе за спину на черноволосую худенькую женщину с бледным лицом, нерешительно поднявшуюся со стула, на котором сидела в салоне, плотно прижав колени друг к другу.

На ней была старомодная униформа горничной с черной юбкой, белым фартуком и нелепым чепцом, которую носили все уборщицы на «Султане». Казалось, что, в отличие от Герлинды, она чувствовала себя здесь абсолютно лишней. Она стояла в свете дуговой лампы, опустив глаза, и с трудом сглатывала слюну, держась при этом за горло.

Она не делала попытки приблизиться и ничего не говорила. По оценке Мартина, ей было около тридцати лет. У нее были черты лица типичные для выходцев из Индии, и, несмотря на ее естественный смуглый цвет лица, она была необычно бледна.

– Это Шахла, – пояснила Герлинда. – Я целый день ждала вас, чтобы договориться о встрече, но вы не соизволили хотя бы на минутку заглянуть ко мне. – И капризно надула губы. Она была похожа на обиженную бабулю, которая бранит своего внука за то, что он недостаточно часто навещает ее. – Вы даже ни разу не позвонили!

– Уже почти час ночи, – примирительным тоном сказал Мартин.

– Время моего официального обхода постов, точнее, объезда.

– И тогда вы подумали, что можете вот так запросто вломиться ко мне?

Мартин стянул с плеч свою промокшую насквозь кожаную куртку, что стоило ему определенных усилий. Ему показалось, что в тот момент, когда он ударился о воду спиной, у него сместились все позвонки. Поэтому, наверное, не позднее чем завтра утром все его тело будет одеревенелым, как доска.

– Я подумала, что проинформирую вас о последних событиях. На Шахлу было совершено нападение.

Добро пожаловать в наш клуб.

– Налетчики попытались получить от нее информацию о бедной девчушке, а это означает, что преступник все еще на борту… – Герлинда запнулась и поправила свои уродливые очки, которые уже сползли на самый кончик носа. – Хм… скажите-ка мне, я ошибаюсь или вы только что описались от страха?

Она показала на мокрое пятно на ковре между ногами Мартина.

– Я искупался в одежде, – коротко ответил Мартин. Такого ответа взбалмошной любительнице морских круизов хватило для того, чтобы не задавать больше вопросов по поводу его мокрой одежды. – О’кей, фрау Добковиц, Шахла… – он кивнул пугливой горничной, – для всех нас сегодня был трудный день, а сейчас я бы охотно остался один.

Чтобы наконец стянуть с себя мокрые шмотки. Чтобы принять горячий душ. И ванну, полную ибупрофена.

Свои последние силы он потратил на то, чтобы вырваться из рук готовых помочь молодых британцев, вытащивших его из бассейна, и под смех группы туристов, принявших его за пьяного, доковылять до прогулочной палубы, с которой его сбросил вниз тип в капюшоне – след его, разумеется, уже давно простыл.

Все же Мартин отыскал свой мобильник. Видимо, он выпал у него из рук перед падением. Правда, дисплей треснул, но аппарат пока еще функционировал. Когда, превозмогая боль, он нагнулся за ним, увидел, что программа скайпа открыта. В окошке для отправки текстовых сообщений налетчик оставил для него короткую записку:

«Тимми мертв. В следующий раз умрешь и ты».

Сначала Елена, а теперь и он сам. Они оба получили последнее предупреждение. Конечно, Мартину было на это наплевать, но если он сейчас не поспит хотя бы часок, то скоро будет уже не в состоянии найти даже шнурки для собственных ботинок, не говоря уж о типе, который,

очевидно, знал подоплеку исчезновения его семьи.

– Давайте продолжим нашу беседу завтра утром, – сказал он, обращаясь к Герлинде, однако та даже не слушала его.

– Расскажи ему, что с тобой случилось, – потребовала она от Шахлы.

Шахла откашлялась, но не произнесла ни слова. По ее лицу было видно, что она боится.

– Силы небесные, да она к тому же и упряма, – рассердилась Герлинда. Потом, повернувшись к горничной, она сказала: – Тебя чуть было не убили, деточка, и это вскоре после того, как посреди ночи ты увидела, как Анук Ламар воскресла из мертвых. Послушай, Шахла, это не может быть случайностью. Если уж ты не хочешь говорить со мной, тогда поговори с ним. – Она показала на Мартина. – Скажи ему, кто это был. Он из полиции, он может тебе помочь.

Шахла стоически покачала головой и плотно сжала губы.

Мартин видел, что горничная была еще не готова говорить об инциденте, а тем более с незнакомцем, а поскольку в данный момент и он сам находился не в том состоянии, чтобы вести задушевную беседу, то сказал:

– Я предлагаю поговорить об этом завтра, когда мы все немного отдохнем.

– Ну что же, – отозвалась Герлинда, и это прозвучало как «Что за проклятые слабаки!». – Тогда взгляните еще на фонарик, чтобы уж я не зря проделала на своей коляске долгий путь сюда, в ваши апартаменты.

– Что за фонарик?

– Вот этот. – Герлинда вытащила фонарик из держателя для напитков, привинченного к ручке ее кресла. – Очевидно, он активно использовался, о чем свидетельствуют севшие батарейки. – Она включила маленький карманный фонарик цилиндрической формы и продемонстрировала едва заметный, тонкий луч света. – Я бы рассказала вам об этом намного раньше, если бы вы не убежали из моей каюты, как дервиш, только потому, что я упомянула фамилию капитана.

Мартин бросил на нее недоверчивый взгляд.

– Медвежонок был не единственным предметом, который Анук выбросила в мусорное ведро.

Он пожал плечами.

– О’кей, прекрасно. Итак, у нее был с собой еще фонарик, когда ее нашли?

Кроме медвежонка.

Герлинда кивнула.

– Вы не такой уж несообразительный, каким все время прикидываетесь.

– Напротив, я все еще ничего не понимаю. О чем это говорит?

– О том, что наконец появилось первое доказательство моей теории «Бермудской палубы».

Мартин вспомнил, что уже встречал это понятие на доске, висевшей на одной из стен в кабинете Герлинды Добковиц, и оно было подчеркнуто двумя жирными чертами.

– Что это за «Бермудская палуба», черт ее подери? – спросил он и тотчас осознал, что совершил грубую ошибку, так как тем самым предоставил чокнутой бабуле желанный повод подробно поговорить об этом, которым она не преминула воспользоваться.

– Сейчас я вам расскажу. Но сначала встречный вопрос: почему девочку прячут?

– Арест судна стоит миллионы, – сказал Мартин и показал на дверь. – Пожалуйста, госпожа Добковиц…

– И подвергает опасности сделку с чилийским инвестором, верно? Но ведь рано или поздно ФБР все равно появится на борту.

– Не появится, если девочка снова исчезнет.

– О да, так оно и будет. Конечно, она снова исчезнет. Но только после того, как официальным инстанциям удастся преподнести заведомо ложную теорию.

– Что-то похожее я уже слышал от капитана, – пробормотал себе под нос Мартин, но, к сожалению, недостаточно тихо, чтобы Герлинда этого не услышала.

– Бонхёффер? – взволнованно прокаркала Герлинда. – Не верьте ни одному его слову, он слишком глубоко увяз во всем этом. Я скажу вам, что думаю по этому поводу: никто не собирается убивать малышку. Бедное дитя должно как можно быстрее исчезнуть туда, откуда появилось, а именно таким способом, который не приведет к тщательному обыску всей посудины.

– И как же это должно произойти? – спросил Мартин, которому теперь уже стало любопытно.

– Предъявив полиции лжеубийцу и ложное убежище, чтобы отвлечь внимание от настоящего убийцы и настоящего тайника.

– Зачем пароходной компании такие сложности?

Мартин стянул с ног свои мокрые сапоги, надеясь, что тем самым дал ясно понять Герлинде: пора уходить. Если это не поможет, ему придется собственноручно вытолкать надоедливую старушенцию из каюты.

– Так как основной целью «Султана» является не перевозка пассажиров, а то, что происходит на «Бермудской палубе». Вот. – Она вытащила из-под своей тощей задницы прозрачную папку с целой стопкой листов бумаги для пишущей машинки. – Именно это и является темой моей книги, над которой я уже несколько лет работаю вместе с Грегором. – Она облизала большой палец правой руки и, полистав стопку, вытащила одну страницу, которую протянула Мартину. – Прочтите последний абзац.

Как был, босиком и в расстегнутой рубашке, он взял страницу из ее рук. Мартин уже смирился со своим положением, так как понял, что любое сопротивление отнимет у него еще больше времени. Итак, он прочел громко вслух:

– «Герлинда, как всегда, была поражена размером его детородного органа, который гордо возвышался перед ней, но сейчас было не время предаваться наслаждению, которое обещал ей его… – Ничего не понимая, Мартин оторвался от чтения и посмотрел на нее. Герлинда сделала нетерпеливый знак рукой, чтобы он продолжил чтение: – …благородный скипетр. Нет, прежде чем она не убедится в том, что человек, подаривший ей самые незабываемые оргазмы за все семьдесят три года ее жизни, проживал не в каюте номер 8056, а в действительности работал на промежуточной палубе, которая не была указана ни на одном из строительных планов и на которой регулярно исчезали пассажиры, почему она и называлась…»

– «Бермудской палубой», – преувеличенно замогильным голосом дополнила Герлинда предложение. – Это мой роман, включающий в себя автобиографические моменты. Правда, я сделала главное действующее лицо несколько моложе.

Но, судя по всему, не менее прожженной бестией.

– Итак, задавайте же мне вопрос.

– Какой?

– Что происходит на этой палубе.

– Честно говоря, я только хотел…

– Нелегальная перевозка людей через границу, – сама дала ответ Герлинда на незаданный вопрос. – Я пока не уверена, исчезают ли пассажиры против их воли, или, возможно, они даже платят за это.

– Платят?

Мартин громко рассмеялся и пошел в ванную, когда понял, что она не собирается выполнить его просьбу и вместе с Шахлой покинуть каюту.

– Только не делайте большие глаза, – услышал он ее голос сквозь закрытую дверь ванной. – Преступники, нарушители налогового

законодательства, беженцы. В мире существует достаточно богатых людей, желающих за деньги купить себе новую жизнь. И вы, как агент, работавший под прикрытием, знаете это как никто другой. И нигде в мире нельзя так просто раствориться в воздухе, как на такой посудине.

– У вас все? – спросил Мартин, успевший за это время полностью раздеться и насухо вытереться.

По всей видимости, нет, так как она продолжала говорить сквозь дверь:

– Клиенты платят за это один-два миллиончика. Официально их исчезновение объявляется самоубийством, вот почему столько случаев, когда говоришь себе: «Добровольный уход из жизни? Это никак не вяжется с ним». И скептики правы, так как неофициально эти мнимые жертвы скрываются…

– …На «Бермудской палубе»?

– Это вполне возможно. Но может быть, это государственная программа по защите главных свидетелей обвинения? В таком случае там должна находиться и операционная с пластическим хирургом, который заботится о новой внешности таких пассажиров.

Мартин покачал головой и накинул на плечи купальный халат.

– И как же согласуется ваша теория с исчезновением Анук?

– Очень просто. Ее мать заставила малютку принять участие в такой программе, однако бедная девчушка не захотела жить новой жизнью. Но видимо, на этой «Бермудской палубе» события приняли такой драматический оборот, что она сбежала. Такова правда, и она настолько взрывоопасна, что преступники пытают даже свидетелей, чтобы выяснить, что именно видела бедная горничная.

Мартин вышел из ванной.

– О’кей, фрау Добковиц. На сегодня этого достаточно.

Он увидел, что Шахла хотела направиться к выходу, однако Герлинда преградила ей путь своей инвалидной коляской.

– Теперь последний вопрос, герр Шварц, и мы исчезаем: вы искали когда-нибудь в Интернете схемы нижних палуб круизного лайнера?

– Нет.

– И не ищите. Вы их там не найдете. Все, что ниже третьей палубы, секретно. Там нет никаких чертежей, доступных широкой общественности.

Герлинда повернулась к горничной:

– Шахла, расскажи ему, что сказал тебе капитан о девочке.

Молодая женщина реагировала на слова старушки, как школьница в начале прошлого столетия на слова своего учителя.

– Он сказать, думать призрак, – послушно ответила она.

– А почему?

– Быть вдруг здесь. Прямо перед ним. Хотя нигде дверь. Потом она убегать.

– Вот видите! – Герлинда многозначительно посмотрела на Мартина. – Анук появилась совершенно неожиданно, словно из пустоты, стояла посреди безлюдного, не считая меня, коридора, а при этом вблизи не было ни одной двери.

– И у нее в руке был фонарик, – саркастическим тоном дополнил Мартин.

– Фонарик, батарейки которого сели, верно. Так как ей пришлось очень долго искать потайной выход.

Мартин покрутил пальцем у виска, а затем взялся за ручки ее коляски.

– Итак, вы считаете, что пароходная компания предпочитает выдать официальным инстанциям в качестве преступника серийного убийцу-психопата и как раз сейчас соответствующим образом обставляет одну из кают, чтобы позднее выдать ее за его тайное убежище? И все это ради того, чтобы не допустить обнаружения «Бермудской палубы» во время тщательного обыска корабля полицией?

– Вы все поняли! – похвалила его Герлинда, в то время как Мартин толкал ее коляску в направлении выхода из каюты. – Анук не должна была снова появляться среди пассажиров «Султана». Она представляет угрозу для всей бизнес-модели, где вращаются миллионы долларов. Только поэтому официальные инстанции не были проинформированы о внезапном появлении Анук из небытия.

– С вашего разрешения, но это же полный идиотизм.

– Вы так считаете? – Она повернула голову назад и одновременно показала на дверь. – А как вы объясните тогда вот это…

Она запнулась на полуслове, забыв закрыть рот.

– Что именно? – спросил Мартин и обернулся. Шахла стояла в двух шагах позади него, склонив голову набок, словно внимательно прислушиваясь к чему-то. – Что это с вами вдруг приключилось? – спросил он, но в следующую секунду и сам понял, что именно так заинтересовало женщин.

Корабль. Шумы.

Вездесущая звучная вибрация генераторов прекратилась.

«Султан» застыл на месте.

Глава 41

Слишком поздно.

Еще издали Тиаго увидел открытую дверь каюты, из которой падал яркий свет и, словно фары автомобиля, освещал коридор. Он понял, что опоздал и уже не сможет предотвратить несчастье.

«Эх, если бы я открыл конверт пораньше!»

Держа письмо Лизы в руке, он медленно приблизился к каюте, в которой только вчера искал деньги. Сейчас здесь царила необычная для такого времени суток суета. И хотя он не мог видеть людей, находившихся в каюте, но их тела отбрасывали в коридор мечущиеся тени всякий раз, когда они пересекали луч света, падающий из каюты. Находясь в коридоре, Тиаго не мог слышать и о чем они говорили.

Он остановился, раздумывая над тем, есть ли теперь смысл являться с повинной. Тиаго знал, почему дверь этой каюты была распахнута настежь. И что могли искать там внутри все эти люди. Об этом было написано в письме, которое он снова сунул в карман брюк.

При этом он заметил, что не слышит шума двигателей судна. И хотя корабль продолжал покачиваться, но он не чувствовал привычной вибрации корпуса. Как раз в тот самый момент, когда Тиаго прикоснулся кончиками пальцев к настенным поручням, из каюты вышел *он*.

Дерьмо.

Тиаго поспешно отвернулся, но, по-видимому, недостаточно быстро. Офицер службы безопасности узнал его.

– Эй, – услышал он голос человека, который пытал горничную, засунув ей в рот осколок стекла, и уже одно это «эй» прозвучало так, что сразу стало понятно, что осколков стекла будет недостаточно даже в качестве закуски для того меню, которое он уже мысленно приготовил для Тиаго.

Тиаго совершил ошибку и повернулся. Они были одни в коридоре. Он и офицер, который мгновенно сорвался с места.

Большое дерьмо.

Тиаго помчался по тому же пути, каким пришел сюда. Топ, топ, топ – раздавался у него за спиной стук тяжелых ботинок, приглушенный толстым ковровым покрытием, а в висках громко стучала кровь, это своеобразное музыкальное сопровождение его растущего страха.

Он распахнул плечом качающиеся двери, ведущие на лестничную

клетку, нажал на кнопки лифтов, бросился – когда ни один из них не открылся – вниз по лестнице, даже не задумываясь, в противном случае он бы сразу понял, что бежит в направлении трюма, где серфингист отлично ориентировался!

Тиаго вбежал в широкий проход. Латунная табличка подсказала ему, где он находился.

Третья палуба. Куда? Куда теперь?

Магазинчики были закрыты, театры тоже, атриум пуст. Он остановился и огляделся по сторонам.

Казино. Здесь же есть казино. В котором двадцать четыре часа в сутки…

Хрясь!

Тиаго услышал хруст своих собственных костей, когда полетел на пол, словно после удара железного ядра, которым разбивают стены старых зданий.

Он попытался сделать вдох, но что-то лежало на его лице. Что-то массивное придавило все его тело к полу.

Он почувствовал сильный удар в область паха, и острая боль пронзила все его тело, пробежав от промежности вверх по позвоночнику. Кто-то поволок его по полу, его голова билась обо что-то (или что-то билось о его голову), но во всем мире не было такой силы, которая могла бы разомкнуть его ладони, прижатые к паху. Правда, это ни на йоту не уменьшило боль, от которой его яйца были готовы прямо-таки разорваться.

Он почувствовал, что его губы коснулись какой-то металлической планки, возможно, это был дверной порожек, но он не мог открыть глаза, потому что в его теле не осталось ни одного мускула, который мог бы управлять его движениями, в том числе и движениями его век. У Тиаго наступил паралич всего тела.

– Ну, вот я тебя и поймал, – довольным тоном сказал офицер. Совсем рядом захлопнулась дверь.

Тиаго повернулся на бок, изо рта у него текла слюна. Он огляделся. Попытался составить себе представление о том помещении, куда его приволок офицер. Каток все еще утюжил его яйца, двигаясь взад и вперед, чтобы не дать боли утихнуть.

Лежа на полу, Тиаго увидел ножки стула, матрас, дверь. Он почувствовал запах мокроты и соплей, которые текли у него из носа. Но потом он был вынужден снова закрыть глаза, чтобы не видеть, как блюет.

Однако, прежде чем он успел выблевать все земляные орешки, которые ел в последний раз, офицер раздвинул его челюсти, и Тиаго

почувствовал странный металлический привкус во рту, который не был похож на кровь. В детстве ему слишком часто разбивали нос, поэтому он мог легко отличить вкус крови от чего угодно.

Он снова открыл глаза и увидел искаженное ненавистью лицо офицера, склонившегося над ним. И почувствовал, как тот засунул дуло своего револьвера еще глубже ему в рот.

– Хммхмм, – простонал Тиаго, что, по-видимому, должно было означать: «Пожалуйста, подождите. У меня есть что-то, на что вы должны обязательно взглянуть». Но оружие, торчавшее у него во рту, не позволяло ему четко произнести ни одного слова.

Оружие и боль.

Тиаго лихорадочно искал выход из сложившегося положения, возможность освободиться, защититься от нападения, но в сценарии киллера не был предусмотрен решающий поединок, как это бывает в вестернах.

Никакого промедления. Никакой попытки объяснить подлинные мотивы своих действий, чтобы приближающийся спаситель успел прискакать на горячем скакуне на помощь. Никакой отсрочки, за которую жертва могла бы освободиться с помощью хитрости.

Все. Кончено.

У Тиаго не было больше никакой возможности показать этому чокнутому офицеру письмо Лизы и объяснить ему, почему было так важно, чтобы мать девушки прочла его. Или капитан.

Киллер не смеялся, не изображал человека, который наслаждается своим превосходством, он даже не дал ему помолиться перед смертью. Он вырвал дуло револьвера изо рта Тиаго, прицелился с расстояния менее двадцати сантиметров ему в лоб и прошипел:

– Ах ты, грязный педофил.

И спустил курок.

Глава 42

– Почему мы остановились?

Мартин остановил капитана как раз в тот момент, когда тот собирался покинуть свою каюту, чтобы отправиться на капитанский мостик.

После того как ему удалось избавиться от непрошеных гостей (Шахла была явно рада тому, что ей наконец позволили уйти, Герлинда же уехала из его апартаментов, выражая бурный протест), он прилег на кровать, но вскоре понял, что не сможет заснуть, пока корабль не возобновит движение.

Из-за того что генераторы были выключены, не функционировали и стабилизаторы. Каждый удар волны в борт судна звучал в два раза громче, а килевая и бортовая качка лайнера была заметна как никогда прежде.

– Ремонтные работы, – сказал Бонхёффер, уже взявшись за ручку двери, за которой находилась узкая лестница отдельного входа на капитанский мостик.

Но Мартин не поверил ни одному его слову.

– Ремонт? Посреди ночи?

Перед тем как выйти из своей каюты, он натянул на себя новые шмотки, которые приобрел в магазинчике на борту судна. Поскольку первоначально он не собирался задерживаться на «Султане», то взял с собой лишь смену белья и носки на один день. Теперь на нем была серая спортивная рубашка поло с короткими рукавами и с гербом пароходной компании, которой был специально придан поношенный вид, и пара черных джинсов, их он был вынужден подвернуть, так как они оказались слишком длинными. Правда, он не купил себе запасные туфли, поэтому сейчас стоял перед капитаном босиком. Лишь своей быстрой реакции он был обязан тем, что снова не промок до нитки. На своем пути к Бонхёфферу он чуть было не столкнулся с пьяным пассажиром, который на одиннадцатой палубе внезапно появился из входа на корабельную дискотеку со светящимся в ультрафиолетовом свете неоновым напитком в руке.

– Сейчас я действительно занят, – попытался отделаться от него Бонхёффер, – мне нужно…

Затем, так и не закончив фразу, капитан отпустил дверную ручку и обессиленно махнул рукой, словно осознав, что все его усилия напрасны.

– К чему все эти недомолвки, мне все равно придется объявить об

этом, так что вы можете узнать все прямо от меня.

– Еще один «двадцать третий пассажир»? – предположил Мартин.

Бонхёффер кивнул. Темные круги под его глазами казались нарисованными. Он схватился за переносицу, которая теперь была залеплена лишь толстым пластырем.

– Лиза Штиллер, пятнадцати лет от роду, из Берлина. По каналу судового телевидения сейчас показывают ее фотографию, на тот случай, если кто-нибудь видел ее. Она подвергалась травле в Интернете и оставила прощальное письмо.

– Когда? – Мартин повернул руку, чтобы посмотреть на свои часы на запястье, и уже одно это движение отдалось болью в мышцах плечевого пояса. Зато зубная боль и приступы головной боли теперь исчезли.

– Когда она, предположительно, бросилась за борт? Мать и дочь ужинали до 21:44, затем обе отправились в свои каюты. Согласно данным компьютера, электронным ключом от двери Лизиной каюты последний раз пользовались в 21:59.

Остается промежуток времени максимум три часа.

За это время «Султан» успел пройти добрых пятьдесят морских миль.

– А что говорит камера видеонаблюдения?

– Ничего.

Бонхёффер поднял обе руки, как боксер, который хочет блокировать удар в голову.

– Нет, это совсем не так, как было с вашей семьей, – прошептал он, хотя никого поблизости не было. – Мы засняли девушку, как она брызгает из аэрозольного баллончика черную краску на объектив видеокамеры. Это произошло в 21:52. По всей видимости, она точно знала, где установлена видеокамера, в поле зрения которой находился балкон ее каюты.

Бонхёффер говорил с большим жаром, явно выходившим за нормальные рамки профессионального сочувствия. Капитан уже собрался снова уходить, однако Мартин задержал его.

– Что произойдет теперь? – спросил он.

– Мы остановили лайнер и с мостика осматриваем море в бинокли, подсвечивая себе прожекторами. Одновременно десять моих людей прочесывают все общественные зоны, и вскоре мы начнем передавать специальное сообщение по корабельному радио. Но я не вижу особых шансов на успех.

Капитан рассказал Мартину, что как входная, так и межкомнатная дверь, которая вела в каюту матери, были заперты изнутри, в отличие от настежь распахнутой балконной двери.

– Мать и дочь путешествовали без отца?

Бонхёффер кивнул.

В одиночку путешествующий один из родителей, бесследно пропавший ребенок.

Постепенно проявлялся определенный рисунок, но пока Мартин никак не мог распознать, в какую же картину он сложится. Или он стоял слишком далеко от доски с ключевым словом, или же находился слишком близко к ней.

– А где мать девушки? – спросил он Бонхёффера.

– Юлия Штиллер… – Лицо капитана посветлело, словно к нему пришло озарение. – Хорошая идея! – взволнованно воскликнул он и достал электронный ключ из нагрудного кармана своей форменной рубашки. Он кивнул на дверь капитанской каюты: – Она ждет у меня в каюте. Поговорите с ней. Психолог будет ей очень кстати.

Глава 43

Этот мужчина появился в комнате совершенно неожиданно. Высокий, стриженныйналысо, с внушительным носом и с таким же усталым взглядом, как у нее самой. Юлия только на минутку зашла в ванную, плеснула себе в лицо пригоршню холодной воды и всплакнула перед зеркалом. Когда она снова вернулась в салон капитанской каюты, в этих смешных одноразовых тапочках, их горничные всегда ставили около кровати, закутавшись в белый купальный халат, который Даниэль набросил ей на плечи, ее уже поджидал незнакомец с усталыми глазами.

– Кто вы?

Ее сердце забилось сильнее, на глаза навернулись слезы. Она автоматически предположила худшее. Что мужчина с печальными глазами был посланцем, принесшим известие, которое она не сможет пережить.

– Меня зовут Мартин Шварц, – сказал он по-немецки с едва заметным берлинским акцентом. При обычных обстоятельствах она бы спросила его, из какого он района Берлина родом и не являются ли они соседями.

– Вы здесь работаете? Вы ищете мою девочку? Что нового? Ведь вы же ищете Лизу или нет? Вы можете мне помочь?

Юлия выпалила все эти вопросы одним духом, очевидно, она инстинктивно хотела отсрочить тот момент, когда Мартин Шварц получит возможность высказаться и сообщит ей, что они что-то нашли.

Видеозапись с ее прыжком за борт, предмет одежды в открытом море.

Рукавом купального халата она вытерла нос и заметила, что на ногах устало выглядевшего незнакомца не было ни туфель, ни носков. Удивительно, но это обстоятельство успокоило ее, так как наверняка к ней не отправили бы босого посланца, чтобы сказать, что ее дочери уже нет в живых.

Или все-таки произошло самое худшее?

– Кто вы? – еще раз робко спросила она.

– Человек, который точно знает, что вы сейчас чувствуете.

Он подал ей носовой платок.

– Я сомневаюсь в этом, – сказала она упавшим голосом.

Новые слезы полились ручьем из ее глаз, и она отвернулась в сторону двери, выходившей на террасу капитанских апартаментов, но она поступила так не потому, что ей было неудобно плакать в присутствии

незнакомца, а потому, что не могла больше выносить проклятое выражение сочувствия в его глазах. В зеркале темного оконного стекла она увидела, что его губы дрогнули.

– Вы чувствуете себя так, словно каждая из ваших отдельных мыслей погружена в сироп и покрывается глазурью из крохотных осколков стекла, – услышала она его голос. – И чем дольше вы думаете о своей дочери, тем сильнее эти мысли бередят открытую рану в вашем сердце. Одновременно у вас в голове звучат два голоса: один ругает вас, почему вас не было рядом, когда ваша дочь нуждалась в помощи, почему вы не заметили признаки приближающейся беды. Второй голос упрекает вас в том, что вы праздно сидите здесь, в то время как смысл всей вашей жизни растаял, как мираж. Но какофонию в вашей голове, и мой голос, и вообще все вокруг вас вы слышите приглушенно, словно через закрытую дверь. И в то время как страх за дочь давит на вас все тяжелее, словно все тяжести этого мира, вместе взятые, и сверх того еще две тысячи килограммов, вокруг ваших жизненно важных органов начинает сжиматься кольцо, которое перетягивает ваши легкие, сжимает желудок, замедляет биение сердца, и у вас появляется не только чувство, что вы уже никогда больше не сможете смеяться, танцевать, жить, нет – вы уверены, что уже никогда не будет ничего хорошего и что все, имевшее когда-то значение: восход солнца после вечеринки, последнее предложение хорошей книги, запах свежескошенной травы перед летней грозой, – все это уже никогда не будет иметь для вас ни малейшего значения, отчего вы уже сейчас раздумываете над тем, как лучше всего устроить, чтобы отключить мысли, которые ранят душу, и голоса, звучащие в вашей голове, если предположение превратится в страшную достоверность. Я прав? Подходит это к вашему душевному состоянию, фрау Штиллер?

Юлия обернулась, совершенно оглушенная его монологом. И правдивостью его слов.

– Откуда?..

Она увидела его залитое слезами лицо и все поняла.

– Вы тоже кого-то потеряли, – констатировала она.

– Пять лет тому назад, – безжалостно подтвердил он, и за это признание она была готова дать ему пощечину, ведь только что он дал ей ясно понять, что такое невыносимое состояние, в котором она сейчас находилась, могло продолжаться годами!

«Я не вынесу этого даже один день», – подумала она, а в следующее мгновение у нее мелькнула мысль, что Мартин Шварц тоже не смог вынести этого. Он стоял перед ней, говорил, дышал, плакал, но он больше

не жил.

Она закрыла глаза и всхлипнула. В кино в такой момент героиня расплакалась бы на плече незнакомца. А в реальной жизни, если бы в этот момент кто-то прикоснулся к ней, она бы начала отбиваться как бешеная.

– Лучше бы мы никогда не появлялись на этом корабле, – простонала она.

Если бы Том позвонил хотя бы на одну минуту раньше.

– Корабль – идеальное место для самоубийства. Даниэль сам сказал это.

– Даниэль? Вы знакомы с капитаном лично? – Мартин Шварц недоверчиво посмотрел на нее.

– Да, он крестный отец Лизы. Это он ее пригласил.

– Кого я пригласил?

Они оба разом повернулись к двери, которая бесшумно открылась у них за спиной. Капитан открыл шкафчик в проходе и достал плащ.

– Ты, Лизу. На эту поездку.

Бонхёффер озадаченно покачал головой:

– Почему ты так решила?

Теперь уже Юлия уставилась на него как на инопланетянина.

– Прекрати, ты же сам подарил ей этот проклятый морской круиз на день рождения.

– Нет, Юлия. Ты ошибаешься.

– Я ошибаюсь? Какая муха тебя укусила, Даниэль? Мы же разговаривали с тобой по телефону в день рождения Лизы. Я тебя даже поблагодарила.

Она почувствовала, как от волнения кровь прилила к ее щекам. Даниэль снова покачал головой, но вид у него был довольно озадаченный.

– Я подумал, ты благодаришь меня за улучшение. Я перевел вас из двухместной внутренней каюты в две раздельные каюты с балконом, когда увидел заказ. Но этот заказ поступил не от меня, он был сделан через Интернет, как общепринято. Я сам удивился, почему ты предварительно не обратилась ко мне.

– Это значит…

Она прикусила губу.

– Что Лиза тебя обманула, – заключил Бонхёффер.

– Гораздо хуже, – вставил со своей стороны незнакомец.

Мартин Шварц сначала бросил взгляд на Даниэля, а затем твердо посмотрел ей в глаза, прежде чем сказал:

– Это означает, что ваша дочь запланировала все это заранее.

Глава 44

Один из родителей. Один ребенок. И кто-то третий, кто оплатил круиз, но сам не находится на борту судна.

Точно так же как в случае с Наоми и Анук Ламар.

Точно так же как в случае с Надей и Тимми.

Параллели становились все более явными.

И даже если Мартин пока не мог объяснить все эти совпадения, он был абсолютно уверен, что они не могли быть случайными.

– Но… но откуда… откуда, я имею в виду… такой круиз стоит дорого, откуда Лиза взяла на него деньги? – спросила ошеломленная мать.

– Как осуществлялся заказ билетов: по кредитной карточке, денежным или банковским переводом? – поинтересовался Мартин.

– Я должен посмотреть в компьютере, – ответил Бонхёффер и бросил быстрый взгляд на часы. Очевидно, его уже ожидали на мостике.

– У Лизы нет кредитной карточки, – возразила Юлия, затем всплеснула руками и зажала ими рот. – Боже ты мой, видео! – воскликнула она, тяжело дыша.

– Какое видео? – спросил Мартин.

Капитан положил свой плащ на комод и, качая головой, прошел в салон.

– Это все глупости, Юлия, и ты сама это знаешь. – Бонхёффер хотел обнять ее за плечи, но она уклонилась от его объятий.

– Откуда я должна *это* знать? – накинулась она на него. – Если бы я знала свою дочь, она была бы сейчас со мной, а не где-то… – Ее голос прервался.

– О каком видео идет здесь речь? – снова спросил Мартин.

– На нем показана ее дочь, как она якобы занимается проституцией на улице, – просветил его Бонхёффер. Затем он вновь обратился к Юлии: – Все это грязная фальшивка, как и все остальное на сайте isharerumors. Лиза стала жертвой моббинга, психологической травли. Она не проститутка, добывающая деньги на морской круиз в постели своих клиентов.

Что-то щелкнуло в потолке каюты, и Мартин услышал шепот, который постепенно стал громче, когда капитан повертел ручку на стене каюты.

«…просим вас переключиться на пятый канал. Лизу Штиллер видели в последний раз вчера за ужином в зале «Георгика». Извините, пожалуйста, за то, что нарушаем ваш покой ночью, но мы надеемся с вашей

помощью…»

Бонхёффер снова уменьшил звук судового радио. Тем временем Мартин отыскал на стеклянном придиванном столике пульт дистанционного управления и включил огромный плазменный телевизор. Пятый канал демонстрировал увеличенную фотографию снимка, переснятого с биометрического заграничного паспорта, на котором нельзя улыбаться, отчего молодая, явно невыспавшаяся девушка с бледным лицом и гривой черных волос казалась довольно угрюмой. Ее вид заставил Юлию Штиллер разрыдаться. А у Мартина екнуло сердце.

– Я знаю ее! – воскликнул он, не отрывая взгляда от экрана телевизора. – Я совсем недавно случайно столкнулся с ней в коридоре.

Глава 45

– Что? – в один голос воскликнули Бонхёффер и мать девушки.

– Вы знаете Лизу?

Мартин кивнул Юлии:

– Да. Я уже видел ее один раз. Здесь, на корабле.

– Где?

– Внизу.

– Что вы имеете в виду под словом «внизу»? – перешла на крик Юлия.

Мартин обменялся взглядом с капитаном, который сразу понял, о чем шла речь.

Внизу. Палуба А. Зона для обслуживающего персонала.

Мартин схватился за голову. Тупая боль снова пульсировала в его правом виске.

Лиза Штиллер уступила ему дорогу в коридоре, вчера рано утром, когда Елена в первый раз вела его к Анук.

– Какой же я идиот, я должен был сразу понять это.

Ни одной горничной на этой консервативной посудине не разрешалось носить пирсинг. Там внизу она была совершенно не к месту.

Что, черт побери, она могла там искать? И как вообще она попала туда?

Боль распространилась через лоб до переносицы. При попытке установить, как именно все было связано между собой, его глаза начали слезиться.

Тимми бросается за борт вторым, но без своего медвежонка, поскольку он находится у Анук, которая знает мое имя и лежит в «Адской кухне», где мне навстречу идет Лиза, поездку которой оплатил кто-то другой…

Мартин подумал о дедушке Анук, о его блоге («На этой проститутке, которая так затрахала моего сына, что у него возник рак, акулы поломают себе зубы»), и в то время когда боль, как сварочная горелка, вгрызалась в его голову от затылка до шеи, он подумал о фонарике; вспомнил о том, как Анук любила рисовать; как она сама себя царапала; раздувшееся, как воздушный шар, лицо Елены сменилось смутным обликом подвыпившего посетителя дискотеки с его неоновым напитком… и в ту же секунду он нашел его.

Ответ.

Решение.

Внезапно ему все стало ясно, но потом в его ушах что-то щелкнуло, и на этот раз это был не потолочный громкоговоритель, а перепускной клапан в его голове, который сработал сам собой.

И в то время когда взволнованные голоса вокруг него становились все тише, перед внутренним взором Мартина солнце зашло, и мир погрузился в темноту.

Глава 46

Наоми

«Я изменила мужу. Самым отвратительным образом. Я занималась сексом за деньги.

Это началось с недоразумения во время моей учебы, тогда меня еще звали Наоми Макмиллан. Я работала хостес на выставке автомобильных принадлежностей в Сан-Франциско, чтобы на каникулах подзаработать денег на учебу. Нас, девушек, разместили в гостинице на территории ярмарки, и в последний день мы весело праздновали в баре. Здесь я познакомилась с молодым, симпатичным представителем одной из чикагских фирм. Мы веселились, пили, болтали, – одним словом, на следующее утро я проснулась в его номере. Он уже уехал, не забыв при этом оставить кое-что и для меня: двести долларов наличными.

Молодой человек подумал, что я проститутка.

Я еще помню, что битый час таращилась на деньги, лежавшие на ночном столике, дрожа всем телом, но не из-за злости на типа, фамилию которого я не знала и чье имя не имеет теперь никакого значения. А из-за растерянности относительно своей реакции на все это. Вместо того чтобы провалиться со стыда или показаться самой себе дешевкой, я заметила, что одна только мысль о том, чтобы отдаться незнакомцу за деньги, приводила меня в крайнее возбуждение. А именно до такой степени, что – и это самое плохое в этой истории – я решила повторить это.

На следующих каникулах я уже специально отправлялась в гостиницы на территории ярмарки. В коротком платьице, с вызывающим макияжем. Садилась у барной стойки. Мой муж так и не узнал, каким образом я оплачивала свою учебу.

Свои дорогие сумочки.

Поездки в Европу.

Я понимаю: то, что я делала, не только плохо, но и самая настоящая болезнь. Потому что даже тогда, когда у меня денег было больше, чем я могла потратить, я не прекратила заниматься этим, даже после первой брачной ночи».

Паук не стал торопиться с комментарием к ее признанию. Уже прошло более десяти часов, согласно часам на мониторе ноутбука.

Между тем Наоми чуть было не сошла с ума, сидя на корточках на холодном полу в своем колодце и ожидая, когда же наконец спустится ведро.

Ее руки, под кожей которых еще несколько дней тому назад, как ей казалось, она чувствовала движение ленточного червя, больше не чесались, не зудела и шея, под кожей которой паразит дергался, особенно по ночам, так сильно, что она постоянно просыпалась от этого.

Теперь она больше не чувствовала ни жжения, ни равномерного биения, но зато ощущала сильное давление за левым глазом и прекрасно понимала, что это значило.

Но как же почесать себя за глазным яблоком?

Наоми хотелось, чтобы у нее были более прочные ногти и чтобы они не ломались то и дело. Лучше всего такие длинные и острые как нож, тогда бы она тотчас покончила со всем этим кошмаром.

Без этой ужасной игры в вопросы-ответы.

В то время когда она ожидала ответа, двигатели судна вдруг перестали работать. Внезапно. Просто так. Может быть, они находились в порту? Но почему тогда ее так сильно качает?

Наконец, после долгого, очень долгого ожидания люк над ее головой открылся и из темноты опустилось ведро с ноутбуком. Вместе с наказанием, так как паук остался недоволен ее признанием:

«Секс за деньги? Действительно омерзительная тайна, госпожа профессорша, – напечатал паук прямо под ее последним сообщением. – Но это не то, что я хотел от тебя услышать. – И ниже: – Подумай еще раз об этом. Я знаю, ты сможешь. Что было самым ужасным из того, что ты совершила в своей жизни?»

В то время когда Наоми читала примечание к своей исповеди, по экрану ноутбука задвигалась одна маленькая точка. Потом еще одна. И еще.

С громким криком она отпрянула от компьютера, но точки уже распространились по ее руке и не хотели, чтобы она их прогнала со своей кожи, с грязной, вонючей одежды и со своих волос.

Cimex lectularius.

– Кто ты? – преодолевая отвращение, закричала она, тщетно пытаясь стряхнуть с себя постельных клопов, хотя, будучи биологом, хорошо знала, что все ее старания были напрасны. Эти маленькие кровопийцы могли прожить сорок дней без пищи и даже на трескучем морозе. Надо было бы в течение трех дней нагревать колодец до пятидесяти пяти градусов, но даже в этом случае не было никакой гарантии, что на ее теле не останется ни одного живого клопа.

Не переставая кричать, Наоми снова начала чесаться.

«Почему ты так мучаешь меня?» – набрала она на клавиатуре ноутбука и отправила его в ведре наверх. – КТО ТЫ???»

На этот раз ответ пришел на удивление быстро. Уже через несколько минут Наоми смогла снова открыть ноутбук. На голубоватом флуоресцирующем экране она прочла:

«Собственно говоря, у тебя нет права задавать мне вопросы. Но поскольку мой ответ мог бы направить тебя по верному следу и несколько сократить нашу переписку, я не буду вредничать. Мое имя ты никогда не узнаешь. Но если бы я был персонажем сказки, то моя история начиналась бы следующими словами: «Жил-был однажды маленький, симпатичный, пухленький мальчик. У него не было ни братьев, ни сестер, а только мать, любившая его больше всего на свете. И строгий отец, который всегда очень странно смотрел на него, когда оставался с ним наедине». Ну, тебе уже скучно? Но не беспокойся, у моей истории есть такой поворот, которого ты никак не ожидаешь…»

Глава 47

Мартин очнулся от постоянного гудения в ушах, словно где-то рядом с ним лежала телефонная трубка, упавшая с вилки аппарата. В первый момент он никак не мог понять, где находится. Кровать, в которой он лежал, запах подушки, вся комната были ему незнакомы, даже если он мало что мог различить в своем окружении. Здесь было темно. Лишь совсем немного света проникало в помещение сквозь узкую щель, где соединялись кромки плотных штор.

Он приподнялся в постели, и вместе с легким приступом дурноты в его сознании всплыли первые воспоминания.

Тимми. Анук. «Султан».

Он повернулся на бок, нащупал ночник на тумбочке и немного подождал, прежде чем включить его, опасаясь, что яркий свет может сжечь сетчатку его глаз.

К тому же каждое движение отдавалось болью в голове, да и вся верхняя часть его туловища была скована корсетом из боли. И тем не менее он смутно помнил, что вчера было еще хуже, когда…

…я говорил с этой женщиной. С матерью, правильно.

Постепенно он вспомнил все.

Нападение неизвестного в плаще с капюшоном на прогулочной палубе, падение в бассейн, теорию Герлинды Добковиц о «Бермудской палубе», Юлию, ее дочь Лизу, затравленную девушку, которая якобы бросилась за борт из-за грязного видео… свой обморок.

А ведь шеф предостерегал его. Проклятье, все предостерегали его от введения этих антител.

Или от плавания на этом судне.

Наконец Мартин отважился включить свет. Вспышка, ослепившая его, оказалась менее неприятной, чем он ожидал.

Прищурившись, он нащупал телефон и задал себе два вопроса: как он оказался в своей каюте. И как мог радиотелефон торчать, как положено, в зарядном устройстве, будучи отключенным и с темным дисплеем – когда он громко и четко слышал сигнал «свободно»!

Мартин засунул себе пальцы в оба уха, однако гудок не стал тише.

Ну, просто отлично. Видимо, именно так чувствует себя алкоголик утром на следующий день после попойки.

Голова раскалывается, чудятся какие-то звуки, провалы в памяти, и

мочевой пузырь переполнен.

Он взял свой мобильник, осторожно встал и, шаркая ногами, поплелся в ванную. Чтобы добраться туда, ему понадобилось целых десять минут, потому что ему действительно пришлось делать передышку и отдыхать на краю кровати, в противном случае он бы свалился на полпути.

Он не стал включать свет в ванной: не хотел видеть свое лицо в зеркале. Унитаз он нашел и в темноте.

Он поднял крышку, стянул свои трусы-боксеры *(кто меня раздел?)* и, усевшись, набрал номер сотового телефона Дизеля. Спустя целую вечность тот наконец ответил:

– Да?

– Это я.

– Мы знакомы? Я хочу сказать, ты мог бы быть Мартином Шварцем, если бы твой голос не звучал так скверно.

– Который час?

– Ты мне звонишь только для того, чтобы узнать, сколько сейчас времени? Дружище, по-видимому, тебе там стало скучно. – Дизель засмеялся, а затем добавил: – Сейчас ровно четырнадцать часов и восемь минут.

В трубке было слышно, как он смачно рыгнул.

Четырнадцать часов? С учетом перевода часов сейчас в Атлантике было двенадцать часов дня. Он проспал не менее десяти часов.

– Но хорошо, что ты позвонил. Ты открывал свою электронную почту?

– Нет.

– Обязательно посмотри ее. Я проанализировал списки сотрудников и пассажиров, которые тебе дал твой приятель Бонхёффер.

Мартин начал отправлять свои естественные потребности, в то время как Дизель продолжал говорить:

– У нас почти шестьсот совпадений среди пассажиров и служащих, которые находились на борту «Султана» как в день исчезновения Нади и Тимми, так и пять лет спустя, когда Анук и ее мать были официально объявлены пропавшими без вести.

– Сколько человек из них могли бы быть потенциальными насильниками?

– Не менее трехсот тридцати восьми служащих. Начиная с плотника и кока и вплоть до капитана – все подходят. При условии, что список полный. И здесь у нас возникает большая проблема.

– Ты хочешь сказать, Бонхёффер дал мне не полный список? – спросил Мартин Дизеля.

– Я хочу сказать, что он *не мог* дать тебе полный список. Ради экономии денег большинство круизных компаний нанимают в качестве субподрядчиков иностранные фирмы, располагающие дешевой рабочей силой. А те иногда указывают вымышленные фамилии, или вообще утаивают некоторые из них, чтобы платить меньше налогов, или записывают мертвые души, чтобы подзаработать. Там царит ужасная путаница.

Мартин призадумался. Следовательно, списки пассажиров и членов команды ничего не давали, это был тупик.

– А как обстоят дела с пассажирами? – спросил он тем не менее. – Встречаются совпадения?

– Да, конечно. В этом отношении любители морских круизов похожи на преступников-рецидивистов. Но здесь выбор не так велик. Если из восьмидесяти семи пассажиров, находившихся на борту пять лет тому назад и в момент исчезновения Наоми и Анук Ламар, выделить женщин, путешествующих в одиночестве, и пенсионеров, которые скорее мертвы, чем живы, то в качестве потенциальных насильников остаются только тринадцать мужчин. А теперь держись крепче за стул.

Дизель сделал паузу.

– Что?

– Одного из них зовут Петер Пакс.

«Мой псевдоним?»

– Это невозможно, – прокряхтел Мартин.

– Н-да, что тут скажешь, приятель.

Мартин буквально услышал, как Дизель пожал плечами.

– Если бы ты тогда, еще в начальной школе, научился плавать, я бы тебе сейчас посоветовал отправиться вплавь домой. Думаю, что кто-то хочет тебя подставить.

«Да. И я знаю, кто именно».

Мартин взял рулон туалетной бумаги.

– Его зовут Егор, а его фамилия Калинин.

– Судовладелец?

– Возможно, и капитан заодно с ним, но пока я еще не совсем уверен насчет этого болтуна. Ты можешь выяснить, в какой именно каюте якобы проживал этот Пакс?

В отличие от обычных гостиниц, где целиком и полностью зависишь только от благосклонности администратора, получишь ли ты душный номер, окно которого выходит на автостоянку, или светлое пристанище с окнами на тихую улицу, при заказе билетов на круизном лайнере можно

было, как правило, самому выбрать номер каюты.

– Да, у меня это где-то записано. Подожди, я посмотрю.

Мартин встал и нажал на кнопку смыва сливного бачка унитаза.

– О нет, пожалуйста. Только не говори, что в течение всего нашего разговора ты делал то, о чем я подумал, услышав этот звук, – возмутился Дизель.

Мартин не стал вдаваться в подробности, а попросил его проверить еще одного человека.

– Кого?

– Лизу Штиллер, пятнадцать лет, берлинка, мать зовут Юлия, обе в списке пассажиров данного рейса. Выясни, пожалуйста, кто оплатил поездку и где был сделан заказ. И посмотри, не сможешь ли ты найти видео на сайте… – Мартину пришлось напрячь память, чтобы вспомнить название сайта, который вчера упоминал Бонхёффер, – isharerumors или что-то похожее, которое помечено именем Лиза Штиллер.

– Зачем тебе это?

– Лизе пятнадцать лет, и со вчерашнего дня она объявлена пропавшей без вести. Говорят, что это видео подтолкнуло ее на самоубийство.

Дизель вздохнул:

– Еще один ребенок? Силы небесные, что там у вас творится?

– Все как-то взаимосвязано. Например, Лизу я видел, когда направлялся к Анук, на… – Мартин запнулся, – нижней палубе, где ей абсолютно нечего было… – пробормотал он и замолчал, так и не закончив фразу.

Что такое?

– Эй, алло? Ты что, тоже прыгнул за борт? – услышал он голос Дизеля.

– Помолчи минутку.

Гудение в его голове уменьшилось, но теперь его смущал другой шум. Целая палитра шумов! Возможно, они звучали здесь все время, но он только сейчас обратил на них внимание. Мартин положил руку на раковину и почувствовал вибрацию. Он вышел на негнущихся ногах из ванной, сориентировался по полоске света, пробивавшегося между гардинами, подошел к ним и раздвинул сначала их, а потом дверь на террасу. Поток холодного, чистого воздуха ворвался внутрь каюты.

То, что он увидел, как нельзя лучше подходило к скрипу, потрескиванию, вибрации и жужжанию, которые доносились со всех сторон.

И к покачиванию корабля.

– Мы плывем, – сказал Мартин, бросив недоверчивый взгляд на

покрытые пеной гребни волн, бегущих перед его взором. Унылый, серый горизонт придвинулся к кораблю так близко, что казалось, его можно было потрогать рукой.

– Конечно, вы плывете, это же как-никак круизный лайнер, – сказал Дизель, который не знал, что прошлой ночью капитан «Султана» остановил судно для выполнения маневра «Человек за бортом». Но сейчас двигатели снова работали, что могло означать только две вещи: или они нашли Лизу, или навсегда отреклись от нее.

– Я нашел ее, – сказал Дизель, и на мгновение Мартин подумал, что речь идет о девушке, но, разумеется, Дизель имел в виду каюту, которая была заказана на имя Петера Пакса. – Оба раза он зарезервировал одну и ту же каюту, – сказал он. – Может быть, ты найдешь время, чтобы нанести визит в каюту 2186.

Глава 48

Судовое время 12:33
50°27 с. ш., 17°59 з. д.
Скорость: 23,4 узла; ветер: 30 узлов
Волнение на море: 10 футов
Удаление от Саутгемптона: 639 морских миль

– Номер 2186?

Капитан помассировал затылок. Пластырь на его носу стал меньше, а круги под глазами темнее. Если бы на бирже можно было торговать усталостью, Бонхёффер стал бы самым богатым человеком в мире. Его воспаленные глаза словно уменьшились и теперь были размером с пятицентовую монету и не могли оказать большую помощь в поиске нужного электронного ключа.

– Да, 2186, – подтвердил Мартин и удивился тому, что они искали каюту с таким номером на третьей палубе. Они стояли в боковом проходе, который ответвлялся от входа в атриум, перед дверью серого цвета без номера, и Бонхёффер пытался уже в третий раз вставить электронный ключ в считывающее устройство. Он держал в руке целый набор пластиковых карточек разного цвета, имевших в правом углу небольшое отверстие и нанизанных на тонкую металлическую цепочку. – Разве у вас нет универсального электронного ключа? – удивился Мартин.

– Только не для этого «гнездышка».

– «Гнездышка»?

– Как вы сами видите, это уже не пассажирская каюта, – сказал Бонхёффер, показав взглядом на дверь без номера. С близкого расстояния можно было заметить на двери остатки клея, которым раньше к ней крепился номер.

– А что же? – спросил Мартин.

– Реликт, пережиток. Своего рода аппендикс «Султана». Этой посудине восемь лет и она не самая современная в своем классе. Когда лайнер спускался на воду, многие предполагали, что спрос на внутренние каюты будет постоянно расти, но ошиблись. Большинство пассажиров хотели получить апартаменты, так называемые сьюты, или, на худой конец, каюту с балконом, и только в самом крайнем случае они соглашались на внутреннюю каюту с видом на атриум. А селиться сюда, у самой

ватерлинии, уже никто не хотел. Поэтому еще шесть лет тому назад мы переоборудовали десять самых нижних внутренних кают на третьей палубе в складские помещения и различные бюро.

– И в «гнездышко»? – спросил Мартин.

Бонхёффер кивнул. Не удержавшись, он зевнул, даже не потрудившись прикрыть рот рукой.

– Персоналу запрещено заниматься сексом в своей каюте, а поскольку в большинстве случаев каюта двухместная и приходится делить ее с коллегой, то это скорее и неудобно. Однако экипаж испытывает здоровые физические потребности, особенно во время кругосветного плавания. Конечно, официально ничего подобного этому «гнездышку» не существует, но мы смотрим сквозь пальцы, когда во время многомесячного плавания наши служащие время от времени уединяются здесь на часок-другой для любовного свидания, пока все держится в секрете.

Бонхёффер снова зевнул, на этот раз еще шире.

– Вам нужно прилечь. Или ваша нечистая совесть не дает вам заснуть? – с нескрываемым сарказмом спросил Мартин.

Бонхёффер рассказал ему по телефону, что произошло прошлой ночью. После внезапного обморока он поручил ассистенту Елены доставить Мартина в его каюту, где он и проспал всю поисковую операцию, продолжавшуюся восемь часов, которая – по словам капитана, «как и ожидалось» – закончилась безрезультатно.

Когда после звонка службы безопасности корабля береговые спасательные службы взяли на себя координацию мероприятий по поиску пропавшей девушки и в этот район подошел один из кораблей соединения английского военно-морского флота, проводившего здесь учения, у «Султана» уже не было никакой причины продолжать дрейфовать в открытом море.

И навлекать на себя гнев почти трех тысяч еще живых пассажиров, которые были в состоянии предъявить судовладельцам требования о возмещении причиненного материального ущерба из-за недопустимого опоздания.

С Юлией Штиллер произошел нервный срыв, когда главные двигатели «Султана» были вновь запущены. После приема успокоительного средства она провалилась в тяжелый сон без сновидений, из которого когда-нибудь снова проснется в капитанской каюте. В сотнях морских миль от своей дочери. Правда, она хотела перебраться на военный корабль, но англичане не позволили ей это сделать, как «не имеющей на это право».

– Моя совесть чиста, – запротестовал капитан. – Мы остановили судно,

чтобы…

– Только на восемь часов, да? – прервал его Мартин. – Большего времени жизнь ребенка для вас не стоит?

Мартин саркастически рассмеялся.

Бонхёффер сделал глубокий вдох и с силой выдохнул воздух через плотно сжатые губы. Это было похоже на то, как выходит воздух из сдувшегося воздушного шарика. Вне себя от гнева он выпалил:

– Прощальное письмо, травля в Интернете в качестве мотива, никаких следов насилия или какого-нибудь другого преступления в каюте, и, хотя без спасательного жилета в море невозможно было бы продержаться и часа, поиски ведутся до самого утра. Чего, собственно говоря, вы еще ожидаете?

– Чтобы хотя бы раз вы доставили *всех* своих пассажиров в порт назначения.

– Точно так же я мог бы сказать вам, что вы сами могли бы получше присматривать за своей семьей. Вы когда-нибудь посещали в Интернете сайты самоубийц? Существуют форумы, на которых полмира обменивается мнением, как эффективнее всего покончить с собой. А знаете ли вы, что котируется выше всего? Верно. Морские круизы. Это настолько популярно, что у нас появился даже специальный термин для таких случаев. «Двадцать третий пассажир», так как в среднем ежегодно двадцать три пассажира прыгают за борт в голубую стихию, то есть в воду. Если какой-нибудь человек, страдающий депрессией и имеющий доступ к Интернету, решит оказать любезность машинисту и бросится не под поезд метро, а пойдет в турбюро, чтобы забронировать каюту на круизном лайнере, тогда не обвиняйте меня в его смерти.

Кипя от возмущения, капитан вставил очередную карточку в прорезь считывающего устройства, и на этот раз она подошла. Раздался щелчок, и загорелась зеленая лампочка.

– Я не несу ответственность за это безумие! – рявкнул Бонхёффер и нажал на дверную ручку. Дверь распахнулась, и им в нос тотчас ударил неприятный металлический запах.

– И за это тоже? – спросил Мартин и показал на пол каюты.

Не говоря больше ни слова, они уставились на мужчину, лежавшего у их ног, которому кто-то выстрелил в голову.

Глава 49

Они заперли за собой дверь, и Мартин посоветовал капитану не двигаться с места и ничего не трогать.

Труп сидел на полу, широко расставив ноги и прислонившись спиной к краю односпальной неубранной кровати. Его голова была запрокинута назад, а остекленевшие глаза пялились в пыльный потолок каюты. Подушка под его головой влажно блестела в свете потолочной лампы.

Судя по количеству крови, выходное отверстие было значительно больше, чем маленькая дырочка во лбу над правым глазом.

– Кто это? – спросил Мартин, уже давно переключившийся в режим «осмотра места преступления». Опыт подсказывал ему, что первое впечатление является самым важным. Поэтому он тщательно осмотрел комнату, обращая особое внимание на вещи, которые резко выделялись на общем фоне.

Такие, например, как перевернутый крест на стене, разбитое зеркало под шкафом или квартира, в которой царил такой идеальный порядок, что сразу становилось понятным желание преступника ни при каких обстоятельствах не бросаться в глаза.

Но не всегда такие странности сразу бросались в глаза, часто намеки на обстоятельства преступления, мотивы, жертву или на подозреваемого располагались очень хитроумно. Как, например, вот этот кусочек металла, лежавший в этой каюте на коврике перед встроенным шкафом.

Мартин нагнулся, чтобы поднять заколку для волос. Она была разноцветная, маленькая и дешевая. Подходящая для куклы.

Или для маленькой девочки.

– Бог мой, да это же… – Бонхёффер никак не мог оторвать глаз от трупа. Очевидно, он все еще находился в шоке и не мог произнести вслух имя убитого.

– Кто? – строгим голосом спросил Мартин.

Бонхёффер судорожно сглотнул.

– Его зовут Вейт Йеспер! – сказал он и указал на мужчину в залитой кровью морской форме. – Это один из офицеров моей службы безопасности.

Глава 50

– Вы можете хотя бы один раз в жизни оторвать меня от работы хорошими новостями, Бонни?

Егор на минутку отложил мобильник в сторону, сбросил Икара с кровати и встал. В действительности он не работал, а прилег на часок в своих апартаментах с зашторенными окнами после секса со своей женой, который принес ему скорее разочарование, чем удовлетворение. Но он скорее пробежался бы голым с флажком в заднице по прогулочной палубе, чем признался бы своему капитану, что время от времени спит после обеда.

– Убит выстрелом в голову? – переспросил он, снова поднеся телефон к уху.

Его спящая жена повернулась на бок и громко пукнула. Бог мой, это было еще отвратительнее, чем то свинство, о котором в этот момент докладывал ему капитан.

По пути в ванную комнату Егор прикинул, нельзя ли замять это дело, но потом понял, что это вряд ли возможно. Тогда он сказал:

– Оставьте все как есть.

Слушая вполуха Бонхёффера, он подул себе в руку и скривился.

Полчаса послеобеденного сна, а изо рта уже воняет, как на албанской станции очистки сточных вод.

– Разумеется, мы продолжим плавание, – перебил он поток слов взволнованного капитана.

Неужели ему приходится иметь дело только с полными идиотами?

– Мы уже прошли почти полпути, какой смысл поворачивать назад? Ничего не трогайте на месте преступления и сообщите обо всем полиции.

Егор поднял крышку унитаза и расстегнул ширинку своей пижамы.

– И соберите всех шутов гороховых по связям с общественностью, которым я плачу зарплату. Эти бездари должны наконец отработать свои деньги. Я не хочу прочесть в газетах сообщение под заголовком типа «Круиз ужасов на «Султане» – одна пропавшая без вести и один труп» или нечто подобное.

Хотя, конечно, вряд ли удастся избежать газетных сенсаций. И отчасти в этом была и его вина, Егор сам прекрасно понимал это.

Прошло некоторое время, пока, наконец, редкие капли мочи начали падать в унитаз. Раньше у него появлялось жжение в мочеиспускательном канале только тогда, когда он имел дело не с теми женщинами. Сегодня эти

ощущения напомнили ему лишь о том, что уже давно пора пройти медицинское обследование у хорошего уролога.

«Старость не радость», – подумал Егор и посмотрел через открытую дверь ванной в полутемную спальню. Из-под одеяла торчали голые ступни его жены. Даже с такого расстояния были хорошо видны пальцы ее ног, искривленные от постоянного хождения в туфлях на высоком каблуке. Какая мерзость!

Минутку. Что предложил ему только что этот слабоумный капитан?

– Остановиться? Снова?

От охватившей его ярости судовладелец чуть было не помочился мимо унитаза. Икар, встревоженный вспышкой гнева своего хозяина, поднял уши торчком и, громко топая лапами, направился в ванную.

– Одно самоубийство наш чилийский денежный мешок еще списал на «невезение». Этот тип суеверный католик. Кстати, самый худший сорт людей. Если появится еще один труп, наш чилийский сукин сын посчитает это плохим предзнаменованием и спрячет свою чековую книжку быстрее, чем вы успеете произнести слово «тюрьма». Мне плевать, как вы это устроите, но, черт побери, отсрочьте все до подписания контракта!

Егор отключил мобильник, стряхнул последние капли мочи и нажал кнопку смыва сливного бачка унитаза. Из спальни донесся заспанный голос его жены, но ему было безразлично, что она там говорила.

Он сердился на самого себя. Ведь он взял себе за правило никогда не орать. Так поступают только люди, не владеющие собой и неспособные добиться чего-то в жизни. Но с момента отплытия из Гамбурга, нет, уже при выходе из Осло, когда словно из ничего внезапно появилась эта онемевшая Анук, на него, словно пирожки с дерьмом, одно за другим посыпались несчастья.

Егор не стал мыть руки и направился назад в спальню. При этом ему надо было пройти мимо Икара, который почти с упреком смотрел на него. Егор нагнулся к собачонке и потрепал терьера за холку.

– Да, я знаю. Хозяин сам виноват. Но понимаешь, Икар, я просто терпеть не могу, когда меня шантажируют.

Собака склонила голову набок, словно понимала каждое слово. Егор улыбнулся и указательным пальцем легонько щелкнул своего любимца по влажному носу.

– Вейт был бездельник и отъявленный шалопай, – прошептал он, стараясь, чтобы его не услышала жена, которая тем временем уже проснулась. – Мне пришлось дать ему мой специальный револьвер.

«Который стреляет назад, если повернуть рычажок».

Что он и сделал, прежде чем вручить безмозглому идиоту оружие. Этот револьвер Егору подарил один из его боевых товарищей, вместе с которым он служил во французском Иностранном легионе. Он был изготовлен по спецзаказу. У легионеров были в чести подобные штучки с сюрпризом. По нему никакая полиция не сможет выйти на Егора.

– Понимаешь это, Икар?

Собака потерлась о его ногу, и Егор принял это за «да».

Затем он выключил свет в ванной, а тем самым и все освещение в номере и снова улегся в кровать. Его жена хотела погладить его по руке, но он сердито оттолкнул ее от себя.

«Жаль, что Вейт не япошка, – подумал он. Те, чуть что не так, делают себе харакири. Кодекс чести и все такое».

Тогда можно было бы представить все таким образом, что офицер службы безопасности не вынес позора из-за того, что не нашел дерзкую девчонку, покончившую с собой.

Но кто поверит в такое по отношению к «пожирателю сыра»?

Егор потянулся и сладко зевнул. Нет ничего хуже, чем когда тебя внезапно разбудят во время послеобеденного сна. Он устал как собака. Некоторое время он еще раздумывал, не было ли ошибкой позволить Вейту ликвидировать самого себя. Но этот пройдоха был сам виноват. Зачем он устроил охоту на этого… *Тиамо… Тиго?..*

Егор так и не смог вспомнить имя. И в конце концов, оно было ему безразлично. И в то время когда его веки уже начали слипаться, он еще успел подумать, где сейчас может шататься этот аргентинский хвастливый казанова – после того как совсем недавно почти со стопроцентной вероятностью заглянул в глаза смерти.

Глава 51

Даниэль отключил свой мобильник, немало удивившись реакции судовладельца. Сначала голос Калинина звучал так устало, словно он только что проснулся, при этом за окном был разгар дня. Потом показалось, что Егор нисколько не был удивлен, словно ожидал услышать сообщение о застреленном офицере. И только в самом конце разговора, когда Егор сорвался на крик, он был похож на себя самого.

– Кто знал об этом любовном гнездышке? – спросил Шварц, стоявший рядом с кроватью и теребивший ручку дверцы встроенного шкафчика.

Казалось, присутствие трупа и исходивший от него запах доставляли Шварцу гораздо меньше беспокойства, чем капитану.

Даниэль посмотрел с тоской на закрытую дверь каюты. Будь его воля, он бы покинул эту вонючую каморку без окон как можно быстрее.

– Почти две тысячи человек, – ответил он. – Все служащие компании и горстка пассажиров, решивших пофлиртовать во время своего отпуска с персоналом.

И желавших пережить любовное приключение не в своей собственной каюте, так как в большинстве случаев там их ожидал рогатый партнер.

– А известно ли, кто пользовался этим любовным гнездышком?

Раздался громкий хруст, и в руках у Шварца осталась металлическая ручка от дверцы шкафа.

Бонхёффер помассировал затекшую шею.

– Нет, как я уже сказал. Официально это помещение не существует. Следовательно, «гнездышко» нельзя было зарезервировать, не существует никаких списков посетителей или чего-то в этом роде.

– Но ведь кто-то должен был регулировать очередь желающих уединиться здесь и отвечать за выдачу ключа?

– Да. И угадайте с трех раз, кого подозревало командование лайнера. – Бонхёффер показал на мертвеца у их ног, так и не взглянув на него. Корабль сильно покачнулся, и ему стало плохо до тошноты. Его желудок сжался, как мешок волынки, и пропитанное соляной кислотой содержимое устремилось назад в пищевод.

Даниэль предложил продолжить беседу где-нибудь в другом месте, но в этот момент Шварц был занят как раз тем, что пытался взломать шкафчик, используя отломанную металлическую дверную ручку в качестве рычага.

Раздался громкий треск, и фанерная дверца повисла на одном шарнире. Не прошло и минуты, как она была полностью сорвана с петель.

Вот так исполнялся приказ Егора оставить все как есть.

– Вот тебе раз, – пробормотал Шварц и вытащил из шкафчика небольшой пластиковый чемоданчик.

Его размеры немного превышали стандартные габариты ручной клади, и с обеих сторон он был залеплен множеством наклеек, часть которых была сильно повреждена. Большая часть этих наклеек представляла собой флаги, гербы и географические карты тех мест, в которых, по всей видимости, побывал этот чемоданчик. Лиловый цвет и стикер размером с ладонь с изображением какой-то мужской поп-группы, приклеенный к одному из боковых карманов, указывали на то, что владельцем этого чемодана, скорее всего, была молодая девушка.

– Может быть, мы осмотрим его содержимое в моей каюте? – предложил Бонхёффер, который едва сдерживал рвотный позыв, однако Шварц проигнорировал это предложение. Ловким движением он расстегнул молнию и откинул крышку чемодана. – Анук! – воскликнул он, однако Даниэль так и не понял, было ли это предположение или утверждение. Он увидел типичную одежду девочки, аккуратно сложенную и занимающую каждый кубический сантиметр объема чемодана. Юбки, нижнее белье, колготки и – на самом верху на стопке белья – блокнот для рисования и пенал.

«Но это же ерунда», – подумал он.

– Анук не могла находиться здесь все восемь недель, – заметил Даниэль.

Шварц покачал головой:

– Я тоже не могу себе это представить. Это было бы возможно только в том случае, если бы обслуживающий персонал и члены экипажа судна в течение двух месяцев не пользовались этим любовным гнездышком.

Как бы не так!

Вахтенный офицер Даниэля только три недели тому назад хвастался, что полакомился здесь одной из поварих. Сам Даниэль еще никогда не пользовался этим любовным гнездышком, но до него сразу бы дошли слухи, если бы продолжительное время нельзя было пользоваться каютой номер 2186.

– Что это такое? – спросил Даниэль и показал на обратную сторону откинутой крышки чемоданчика. Он мог ошибаться, но разве не торчал там, за сеткой…

– Фонарик, – сказал Шварц и вытащил его.

Действительно.

Он был узким, с блестящим светло-голубым стальным корпусом. И выглядел точно так же, как фонарик, который нашли у Анук.

Шварц повернул выключатель в торце ручки, и у этого фонарика лампа едва светилась, и нужно было напрячь зрение, чтобы невооруженным глазом заметить слабый луч света.

– Коптилка с севшими батарейками? – спросил Даниэль.

Его замешательство по меньшей мере несколько притупило чувство дурноты. Но его замешательство стало еще большим, когда Шварц нашел в чемодане еще один фонарик, завернутый в носок и лежавший в одном из боковых отсеков, – оказалось, что и этот фонарик функционировал не лучше остальных.

Что все это могло означать?

Похищенная девочка, два неработающих фонарика?

Даниэль не понимал, что означали все эти находки. В отличие от Шварца. Неожиданно тот поспешно схватил пенал и начал перебирать хранившиеся там карандаши и грифели. Когда показалось, что Шварц нашел то, что искал, он хлопнул себя по лбу, как человек, который просмотрел что-то явно бросающееся в глаза. Затем он снова повернул выключатель фонарика, потом еще раз, и всякий раз он тихонько вздыхал, хотя Даниэль не заметил ни малейшего изменения.

Никакого яркого света.

Ничего, что могло бы вызвать и у него озарение.

– Что вы обнаружили? – спросил он Шварца.

Шварц зажал в руке ручку фонарика и теперь держал его, как спортсмены держат эстафетную палочку незадолго до передачи ее другому бегуну.

– Теперь я знаю, что здесь происходит, – сказал он глухим голосом. Потом дознаватель переступил через труп и, пройдя мимо Бонхёффера, распахнул дверь каюты.

Глава 52

Наоми

«…сли бы я могла повернуть время вспять, я бы никогда не сделала этого, или, по меньшей мере, извиниться бы за то, что я натворила. Но по-видимому, я я не получать такую возможность, или?»

Последние строчки, с орфографическими ошибками, она печатала вслепую, видя монитор словно сквозь водную завесу, буквы расплывались от слез, навернувшихся на глаза, печатала онемевшими пальцами, пытавшимися опередить друг друга, все быстрее и быстрее, так как от отвращения к самой себе Наоми Ламар была готова зубами вырвать из своего тела кусок мяса, если бы при печатании у нее осталась хотя бы одна секунда подумать о том, *что* она сделала. В чем она сейчас исповедовалась пауку. А именно: *в самом ужасном.*

Это не пришло ей вдруг на ум, так как для такого случая она должна была бы сначала забыть о содеянном. Глубоко в душе она всегда знала, что именно хочет услышать от нее паук. Просто ей никак не удавалось заставить себя написать об этом. Даже *думать* об этом было невыносимо тяжело. Правда, мысли можно было отогнать от себя, например с помощью боли, голода или холода. Уж в чем, в чем, а в этом она не испытывала нужды в последнее время.

Но записать это, даже сам процесс печатания, было совсем другим делом.

Увидеть зло, записанное черным по белому, лицезреть собственный позор было гораздо хуже, чем только думать об этом, и паук это знал.

Поэтому, только поэтому, я должна была напечатать это на таком вот жалком компьютере, сидя на дне этого ужасного колодца.

Не исправляя орфографию (что раньше, в отвергнутых пауком прежних признаниях, Наоми всегда делала по какой-то, даже ей самой необъяснимой причине; возможно, по старой привычке, ведь она всегда заставляла Анук обращать внимание на орфографию), она дернула за веревку, которую охотнее всего накинула бы себе на шею, но, вероятно, тогда бы паук не стал тянуть ее наверх, как ведро, в которое она положила ноутбук.

С тех пор как компьютер исчез высоко вверху, в темноте над ее головой, ее тело снова начало чесаться.

Руки, шея, кожа головы.

Теперь Наоми была уверена, что написала пауку то, что тот хотел от нее услышать.

Голод, жажда, ленточный червь, постельные клопы – все наказания приобрели смысл, теперь она поняла это.

Наоми горько рассмеялась.

Она не имела ни малейшего понятия, как паук узнал о ее тайне. И, как нарочно, на круизном лайнере.

Но если рассмотреть это при свете дня, то теперь все приобретало смысл.

Только чтобы я никогда больше не могла ничего рассматривать при свете дня.

Наоми почувствовала, что у нее в голове зарождается опасная мысль, и начала напевать про себя мелодию. Она знала, что скоро ей позволят умереть.

И не потому, что я несу ответственность за гибель своей лучшей подруги.

Она приоткрыла рот.

И не потому, что я занималась сексом за деньги.

Ее звонкое, дрожащее гудение перешло в гортанный звук, начало нарастать…

С незнакомыми мужчинами. Многими мужчинами.

…затем перешло в крик, который становился все громче и громче, пока ему, усиленному эхом глубоко внизу в колодце, наконец не удалось…

А потому, что три года тому назад я…

…заглушить в ее голове…

…потому что я начала мою…

…мысль о самом ужасном из того, что она совершила в своей жизни.

…потому что я…

Крик был таким громким, даже оглушительным, что какое-то время она не чувствовала ничего, кроме желания еще раз увидеть свою любимую маленькую девочку, прежде чем, наконец-то и, дай бог, поскорее, наступит конец.

Глава 53

Анук. Фонарик. Карандаши. Рисовать.

Такие состоявшие только из одного слова мысли роились в голове Мартина, с силой бились о черепной свод, производя при этом глухой гул, как дисгармоничная музыка к фильму, сопровождающий те картины, которые в этот момент мелькали перед его внутренним взором. Картины, которые напомнили ему о его прежних встречах с Анук: девочка в ночной рубашке, молча сидящая на кровати, использующая предплечья в качестве точильного камня для своих ногтей.

Мартин подумал о том, как Герлинда рассказала ему о фонарике, и вспомнил, как на пути к капитану столкнулся с подвыпившим пассажиром со светящимся напитком в руке. Казавшиеся на первый взгляд бессвязными обрывки мыслей неожиданно слились теперь в единое целое.

Во время этого, как Мартин предполагал, последнего спуска в «Адскую кухню» Бонхёффер оставил его одного, после того как сначала побежал вслед за ним и перед входом на палубу для служебного персонала даже загородил дорогу.

– Что вы выяснили? – допытывался он.

Мартин уже было собрался выложить Бонхёфферу свое подозрение, но в этот момент зазвонил мобильник капитана.

Находившаяся в капитанской каюте Юлия Штиллер, мать пропавшей девушки, снова пришла в себя и попросила позвать Бонхёффера. Точнее, она *потребовала*, чтобы он явился к ней.

– Негодяй! Где ты только пропадаешь? Как ты мог поступить так со мной?

Юлия так кричала, что Мартин мог слышать каждое слово, хотя Бонхёффер крепко прижимал свой мобильник к уху.

Капитан обещал, что присоединится к нему, как только посмотрит, как там Юлия, но сейчас Мартин стоял один перед дверью в палату Анук. От волнения его руки вспотели, когда он пользовался своим электронным ключом. Не постучав, он вошел в комнату.

И оказался перед пустой кроватью.

На мгновение он растерялся и был не способен ясно мыслить. Он гипнотизировал взглядом покинутую кровать, словно надеялся, что Анук материализуется, если он будет достаточно долго смотреть на измятую простыню.

Как такое возможно? Ведь у Анук нет ключа. Она не может ВЫЙТИ ОТСЮДА!

Мартин пребывал в крайнем смущении не более секунды, но затем шум сливного бачка в туалете вывел его из состояния паралича. Находившаяся справа от него дверь ванной открылась, и, шаркая ногами, оттуда появилась Анук. На ней была свежая ночная рубашка, а колготки она, по-видимому, сняла. Анук была босиком. Увидев Мартина, она испуганно шмыгнула назад в ванную.

– Стой! – воскликнул Мартин и своевременно поставил ногу перед дверью, которую Анук собиралась захлопнуть. – Не бойся меня, я тебе ничего не сделаю.

Он снова распахнул дверь. Анук вжала голову в плечи, закрыла ее обеими руками и начала отступать назад, пока не наткнулась на унитаз. Она опустилась на крышку унитаза.

– Ты же еще помнишь, кто я, или уже забыла?

Он сунул карточку-ключ в нагрудный карман своей рубашки и подождал, пока Анук успокоится и начнет дышать ровнее. Прошло какое-то время, пока она поняла, что он не собирается трогать ее. Когда она отважилась опустить локти и посмотреть ему прямо в глаза, он улыбнулся ей. По крайней мере, попытался придать уголкам своего рта соответствующее положение. С тех пор как он вошел в «Адскую кухню», у него снова заболела голова. Тупая боль в висках, которая скоро перейдет в постоянную, тянущую боль.

– Смотри, я буду просто стоять здесь, – сказал он и поднял вверх обе руки. – Могу я попросить тебя об одном одолжении, если пообещаю, что не сдвинусь с места и не приближусь к тебе?

Никакой реакции. Ни кивка. Ни малейшего движения бровей. Анук оставалась по-прежнему нема как рыба. И тем не менее, несмотря на болезненную бледность ее лица и испуганную позу, Мартину показалось, что появились первые признаки психического выздоровления.

Ее взгляд уже не был безучастным, а скорее выжидательным, настороженным. Она ни на секунду не спускала с него глаз; не так, как еще вчера, когда большую часть времени смотрела сквозь него. Были и другие признаки, указывающие на то, что она поднялась еще на несколько ступенек вверх по лестнице, ведущей из подвала ее души: она больше не чесалась и не сосала большой палец, хотя находилась в состоянии крайнего возбуждения.

Заметив пластыри с изображениями животных, которые удерживали в правильной позиции бинты, Мартин пришел к заключению, что ассистент

Елены наложил девочке новые повязки.

– Не беспокойся, нам не обязательно разговаривать, – сказал он успокоительным тоном.

Если он правильно оценил ее состояние, то сможет узнать от нее все, что ему нужно, и при этом травмированной девчушке не придется даже открывать рот.

– Я пришел только потому, чтобы передать тебе некоторые вещицы, которых тебе давно недоставало.

Он показал ей фонарик.

Ее реакция была просто поразительной. Анук мгновенно вскочила с крышки унитаза и потянулась к руке Мартина. Хотела вырвать у него фонарик, но он оказался быстрее и успел убрать руку с фонариком.

– Только в том случае, если ты скажешь мне правду, – потребовал он. Мартин почувствовал комок в горле, так как эти слова вызвали в нем воспоминания о Тимми, как в былые времена он сам «шантажировал» его.

«Можно я пойду поиграю в теннис, папа?»

«Только после того как уберешь в своей комнате».

Тимми часто противился этому, бросался на пол, плакал и упрямо игнорировал сделку «Игра в теннис за уборку в комнате».

Анук тоже была упрямой. Ей хотелось заполучить фонарик. Но она все еще не хотела довериться ему.

Она смотрела на него с мрачной миной, сдвинув брови к переносице.

– Хорошо, тогда я сам расскажу тебе, как все было, – сказал Мартин. – Я думаю, что ты знаешь, где твоя мать. Ты даже нарисовала для нас это место на экране своего компьютера, хотя тогда мы не поняли твой намек и до сих пор не знаем, где находится этот колодец. Но ты знаешь дорогу туда. Ты пометила путь с помощью ультрафиолетовых грифелей, которые я нашел в твоем пенале. Однако, к сожалению, ты не увидишь эти метки при обычном освещении…

Он сделал ошибку, бросив быстрый взгляд вверх на потолочную лампу, и тут же его мозг пронзила молния. В рекламе говорится, что существует тридцать семь видов головной боли, с которыми можно справиться с помощью лекарств, продающихся в аптеках без рецепта лечащего врача. Но его боль определенно не входила в это число. У него возникло такое чувство, словно кто-то изнутри втыкал тонкие раскаленные иглы в его глаза и они проникали до другой стороны глаз, вплоть до самых зрачков. Мартину показалось, что он даже чувствует выступающие кончики этих игл, которые раздирали до крови внутренние стороны век всякий раз, когда он моргал.

Прислонившись к двери, под недоверчивым взглядом Анук, которая словно вкопанная стояла рядом с раковиной, он ждал, пока боль немного отступит и ее можно будет терпеть. Потом он выключил свет.

Темнота была настоящим наслаждением. Его головные боли моментально пошли на убыль. Приступ закончился так же быстро, как и начался.

Он дал глазам несколько секунд, чтобы они привыкли к почти полной темноте. Затем он повернул выключатель фонарика. И луч, который при нормальном освещении был почти незаметен, разом заполнил все помещение и заставил флуоресцировать белую плитку в ванной, а также ночную рубашку Анук, ее зубы и ногти на пальцах рук.

Грифели. Рисовать. Фонарик.

– Так я и знал, – сказал Мартин, обращаясь скорее к себе самому. Но сейчас, когда его теория подтвердилась, в его голосе не было и намека на триумф. Глаза Анук жутко сверкали в отраженном ультрафиолетовом свете. Она была похожа на лишенное губ привидение из фильма ужасов.

Фонарик, который он сейчас направлял на девочку, не был слабым, а оказался лампой ультрафиолетового излучения, испускающей свет в частотном диапазоне, который почти незаметен для человеческого глаза. Во время одной из операций он уже пользовался похожей моделью.

Но откуда у Анук такие фонарики?

Это был тот вопрос, который приходилось отложить на потом, поскольку нужно было выяснить более важные вещи:

– Эта лампа указывала тебе путь к твоей маме, верно?

Когда Анук никак не прореагировала, он спросил еще раз, но теперь уже настойчиво:

– Куда ее насильно увезли?

Реакция Анук снова выбила у него почву из-под ног. Поскольку, как и при их первой встрече, она снова прошептала его имя:

– Мартин.

– Я не понимаю, что ты хочешь сказать мне, – хотел он возразить ей и удивился тому, почему не слышит своего собственного голоса, хотя шевелит губами.

В следующий раз он удивился, почему еще не упал.

Боль за глазами снова вернулась, но на этот раз резко и с удвоенной силой.

Мартин медленно опустился на пол и почувствовал, что ему стало еще хуже. Анук переступила через него и снова включила потолочное освещение. Ему показалось, что тем временем какой-то призрак заменил

лампочку в ванной комнате на сварочную горелку. Казалось, что ее ослепительный свет хотел врезаться ему глубоко в глаза. Однако в отличие от приступа, случившегося с ним прошлой ночью в капитанской каюте, он чувствовал, что не теряет сознание. Но зато он едва мог двигать своими конечностями.

Он почувствовал, как Анук, которая неожиданно присела перед ним на колени, разогнула его пальцы, и он уже был не в силах помешать ей забрать из его рук фонарик.

– Что ты собираешься делать? – пробормотал он.

– Да, – ответила Анук, возможно имея в виду, что нашла карточку-ключ в нагрудном кармане его рубашки.

С помощью которого она могла открыть шлюз. С помощью которого она могла выбраться отсюда.

– Эй, подожди, пожалуйста. Может быть, будет лучше, если я тебя провожу?

Куда бы ты ни направилась.

Огромным усилием воли Мартин заставил себя повернуться на правый бок. Он увидел, как, топая по полу босыми ногами, она вышла из ванной комнаты. Услышал, как она громко и четко еще раз сказала «Да», что не имело никакого смысла, потому что она и не собиралась ждать его.

«Куда же ты собираешься идти?» – хотел крикнуть он ей вслед, но с его уст не сорвался даже шепот.

Анук еще раз обернулась в его сторону. Мартин увидел, как ее губы сформировали ответ на его вопрос: К «Голубой полке»; а потом и услышал эти слова, дошедшие до него с небольшой задержкой во времени, словно расстояние между ними увеличилось до такой степени, что для его преодоления звуку требовалось заметно больше времени, чем свету.

К «Голубой полке»?

Мартин оперся о колени и ладони и на четвереньках пополз вслед за Анук.

Он уже где-то слышал это обозначение.

Но где? ГДЕ?

Будучи не в силах двигаться быстрее, чем в черепашьем темпе, он выполз из ванной и успел увидеть, как Анук открыла входную дверь и, так и не обернувшись в его сторону, покинула свою палату.

Глава 54

Наоми

Знакомый скрип. Неужели она слышит его в последний раз?

Звук, с которым открывался люк, показался ей увертюрой, подходящей прелюдией к ее уходу из этого мира.

Наоми Ламар встала и, нетвердо стоя на ослабевших ногах, смотрела вверх на ведро, которое, покачиваясь, медленно опускалось к ней.

Она так нервничала, что даже почувствовала позыв к мочеиспусканию, хотя только что сходила по малой нужде. В колодце не было подходящего для этого *уголка*, но она подыскала такое место, где, как ей казалось, моча быстрее всего исчезала в щели пола.

Наоми запрокинула голову и смахнула со лба клопа, который выполз из ее волос. Ее тело уже не чесалось. Теперь оно горело, так сильно она расчесала себя до крови. Шею, руки, грудь, ноги, покрывшиеся за два месяца волосами.

Однако сверху придет избавление.

Ведро покачивалось в полуметре над ее головой. Последовал сильный рывок, и она испугалась, что компьютер может выпасть из ведра. Наоми вытянула руки вверх (к пауку), однако ничего не произошло, но зато она смогла ухватиться за ведро.

Она судорожно вцепилась в него и держала так крепко, как обняла бы Анук, если бы хоть один раз в жизни ей представился такой шанс.

Когда ведро находилось на уровне бедер, она опустилась вместе с ним на пол. И расплакалась.

Она вспомнила тот день, когда в университете были вывешены результаты экзаменов, а она не хотела идти в крытую галерею, не хотела стоять в очереди вместе с другими студентами, чьи мечты благодаря одному взгляду на список могли получить мощный импульс или разбиться вдребезги.

Однако в конце концов она уже не могла больше ни одной минуты оставаться в своей комнате. Любопытство победило страх и погнало ее по кратчайшему пути к «Черной доске». Такое же чувство охватило ее и сейчас сгорая от любопытства, она вынула ноутбук из ведра и раскрыла его.

Одну, может быть, две секунды она смогла сидеть с закрытыми глазами. Но потом не выдержала и начала читать сообщение паука.

Последнее сообщение, полученное от него, после того как Наоми призналась в бесспорно самом ужасном поступке, совершенном ею в своей жизни:

«Очень хорошо, миссис Ламар. Именно это я и хотел от вас услышать. Наконец-то вы сказали правду. Если у вас есть еще что-то, о чем вы хотели бы рассказать перед смертью, вы можете набрать сообщение на клавиатуре этого компьютера. Как только вы отправите ноутбук ко мне наверх, я позволю вам умереть».

Глава 55

Шатаясь, Мартин вышел в приемную «Адской кухни», попытался ухватиться за стойку и опрокинул при этом пластмассовый горшок с искусственными гортензиями.

Анук уже и след простыл.

Когда ему наконец удалось снова встать и выбраться из больничной палаты в фойе, он увидел только ее спину, полоску голой кожи в том месте, где больничная ночная рубашка не была застегнута, как полагается. Затем электронные двери закрылись, и у Мартина уже не было возможности помешать девочке покинуть карантинную зону.

Чтобы отыскать ультрафиолетовые метки в недрах корабля. Босиком. С ультрафиолетовой лампой в руке.

Слезящимися глазами Мартин смотрел на стальные двери шлюза и не представлял себе, как сможет снова открыть их, даже если ему и удастся пройти казавшиеся непреодолимыми три метра, отделявшие его от выхода.

Проклятые побочные действия.

Что-то – возможно, таблетки, больной зуб, падение в воду, сильное физическое и моральное истощение, а может быть, все это, вместе взятое, – превратило его голову в котел с избыточным давлением.

Каждый шаг вызывал в его голове настоящее землетрясение средней силы, поэтому он должен был сначала трижды подумать, прежде чем куда-то отправиться. Двигаться в направлении выхода было бы пустой тратой сил. Его ключ был у Анук, а без него он не сможет выбраться отсюда.

Я болен. Я совершенно выбился из сил. И к тому же заперт.

Мартин попытался нащупать свой телефон, но в кармане брюк его не оказалось. Он не мог вспомнить, чтобы Анук забирала его себе вместе с ключом, когда он лежал на полу в ванной; возможно, телефон выпал из кармана, когда он упал.

Мартин повернулся. Его мозг колыхнулся в противоположном направлении. Во рту он ощутил привкус желчи. Его сразу же бросило в пот.

Мартину хотелось лечь на пол и уснуть. Но у него не было другого выбора, если он собирался выбраться отсюда. Он закрыл глаза и, держась руками за стойку, медленно двинулся назад в направлении палаты Анук. Чем меньше его отвлекали внешние раздражители, тем больше были шансы на то, что его не стошнит. И действительно, вслепую дело пошло быстрее. До перехода в больничную палату на его пути не было ничего, на

что он мог бы натолкнуться, и ему нужно было все время двигаться только прямо. При этом он старался делать глубокие вдохи и выдохи, чтобы насытить свой мозг кислородом.

В конце стойки Мартин остановился и стоял до тех пор, пока не смог локализовать боль в районе затылка. Хороший знак. Как только боль будет не вездесущей, а ограничится лишь определенными зонами, он сможет сконцентрироваться на ней и – можно надеяться – когда-нибудь победит ее.

Он осмелился открыть глаза и увидел прямо перед собой дверь в больничную палату Анук, которая была, к счастью, приоткрыта.

Мартин задумался над тем, что он должен будет делать, если не найдет свой телефон, но тут же до него дошло, что телефон ему и не нужен. Ему достаточно нажать на тревожную кнопку в палате Анук, которая была связана с его мобильником и с мобильником…

Елены!

Мысль о докторше заставила его замереть на месте.

Почему же это сразу не пришло ему в голову? Он был здесь, внизу, не один. После покушения на Елену Бек она была тоже переведена в «Адскую кухню»!

Мартин повернулся направо.

Даниэль сказал ему, что ее палата находится наискосок напротив палаты Анук. На этой стороне коридора имелась только одна дверь, о которой могла идти речь, но она была закрыта.

Мартин плотно зажмурил глаза, огненный шар с левой стороны лба достиг размера кулака, который, как губку, мял его мозг. Это было уже лучше, чем стальной шар накануне. Он постучал кулаком в дверь. Подергал за ручку. Позвал Елену по имени. Никакого результата.

Мартин помассировал шею, нажал большим пальцем на отросток одного из шейных позвонков в надежде, что боль во лбу сначала усилится, а потом ослабнет. При этом он наклонил голову вбок, посмотрел вверх и обнаружил над дверной рамой красный рычаг, который Елена показывала ему при первом посещении «Адской кухни».

«В случае крайней необходимости вы сможете с его помощью открыть замок…»

Без промедления Мартин рванул рычаг вниз. Он услышал гидравлическое шипение, а затем дверь приоткрылась внутрь.

– Елена?

Он вошел в скудно освещенную внутреннюю каюту, которая была обставлена так же, как и палата Анук. Такая же смесь гостиницы и роскошного санатория. В спертом воздухе ощущался запах несвежего

дыхания и освежителя воздуха.

Докторша лежала на боку, повернув голову в сторону двери, ее глаза были закрыты. В свете ночника последствия покушения все еще были заметны. Заплывшие глаза, одутловатые щеки, распухшая шея. Но дыхание было ровным, и, по-видимому, она не испытывала боли. Хорошим знаком Мартин посчитал отсутствие капельницы и кислородной маски на ее лице.

Он подошел к кровати и прикоснулся к обнаженному предплечью женщины. Она никак не прореагировала на это, он попытался растормошить ее.

Она что-то пробормотала себе под нос, тихонько почмокала и попыталась вялым движением отбросить его руку, но он только крепче схватил ее.

– Елена, помогите мне.

Она открыла заспанные глаза и, казалось, в первый момент не узнала его. Лишь постепенно ее взгляд прояснился.

– Что?.. – спросила она сонным голосом.

Он склонился над ней:

– Мне срочно нужен ваш ключ! Где он?

Она скривила лицо, словно съела что-то кислое. Подавив зевоту, она спросила:

– Зачем, у вас же есть, есть… свой?..

Мартин не хотел даром терять время. Он был заперт, Анук на свой страх и риск бродила по кораблю, и, хотя все говорило об обратном, что-то подсказывало ему, что ее мать все еще жива. И находилась в большой опасности!

– КЛЮЧ! – рявкнул он прямо в ухо докторше и схватил ее за плечи.

Елена испуганно посмотрела налево на стул, на котором висели купальный халат и ее униформа. Мартин понял ее без дальнейших слов.

Он заковылял к стулу, схватил сначала ее брюки, но потом нашел ключ в нагрудном кармане ее блузки.

– Куда вы собрались? – услышал он охрипший голос Елены, когда был уже у самого выхода.

Он обернулся к ней:

– Вы имеете представление, где находится «Голубая полка»?

Докторша широко раскрыла глаза.

– «Голубая полка»? – переспросила она и оперлась на локоть, чтобы встать с кровати.

– Да.

В состоянии крайнего возбуждения Елена сбросила одеяло, под

которым лежала только в трусиках и футболке с короткими рукавами. Ее глаза горели.

– Как же я сразу не додумалась до этого!

Она попыталась встать, но упала на кровать, со второго раза ей все же удалось подняться.

– Что это за место? – спросил Мартин, когда она наконец встала.

– Мы не можем терять время, – сказала она, накидывая на плечи купальный халат. – Быстрее. Я… я… отведу вас туда.

Глава 56

– «Голубая полка»?

Даниэль Бонхёффер прикрыл межкомнатную дверь в свою спальню, куда зашел, чтобы узнать, как чувствует себя Юлия, когда зазвонил его сотовый телефон. Успокоительные таблетки больше не действовали. Если Юлия не кричала на него, то металась, как разъяренная тигрица, по комнате, натыкаясь на встроенные шкафы.

– Да, она находится между палубами B и C, в средней части судна, рядом с пунктами управления. Но, ради всего святого, скажи, что ты там потеряла?

В твоем состоянии?

Елена ничего не ответила ему. Или она отключила свой телефон. Или же связь прервалась. В обоих случаях Даниэль не знал, что и подумать обо всем этом.

Его невеста была больна. Ей следовало лежать в постели, а не отправляться на нижнюю палубу, где находилось чудовище, которому она хотела нанести визит вместе с Мартином Шварцем.

«Голубая полка».

Это было скорее циничное название устройства, которое относилось к тому времени, когда защита окружающей среды была дорогим хобби скучающих личностей, считавших себя «спасителями мира», а отходы сбрасывались с кораблей в открытом море. «Султан» входил в число первых роскошных круизных лайнеров, имевших на борту свою собственную водоочистительную установку и установку для сжигания мусора. Правда, во время спуска «Султана» на воду у него еще не было мусоросжигательной установки. В первые три года карьеры этого лайнера, когда далеко не все европейские порты знали толк во вторичной переработке и разделительных системах канализации и обработки воды, мусор и нечистоты, для которых в портах не было пунктов приема или они были слишком дорогими, совершенно официально сбрасывались в море.

Для этого мусор накапливался в круглом, шахтообразном колодце, прессовался с помощью специального пресса, а затем в виде многотонных глыб выталкивался в море.

На «Голубую полку».

Устройство, с помощью которого раньше мусор сбрасывался в море и которое получило свое название («Голубая полка») благодаря своей

деятельности по загрязнению окружающей среды, находилось в том месте, которое он только что описал Елене.

Минутку, ну конечно…

Даниэль услышал, как Юлия открыла дверь в смежную ванную комнату, и подошел к своему письменному столу.

«Голубая полка». Там и находилось убежище?

Даниэль нажал кнопку прямого вызова телефона, стоявшего на письменном столе, однако, прежде чем он успел связаться с ПУМО, пунктом управления машинным отделением судна, из его спальни выбежала разъяренная Юлия.

– Эй, Юлия, подожди…

Он положил телефонную трубку на рычаг, чтобы помешать своей знакомой уйти, но она уже была у двери.

– Не прикасайся ко мне! – злобно прошипела она, когда он хотел схватить ее за рукав. На ней был белый купальный халат, который он накинул на ее плечи вчера. Ее волосы прилипли к вискам, как морские водоросли. Казалось, что за ночь ее лицо осунулось, а махровый халат стал слишком велик, словно страх, заботы и отчаяние заставили ее резко похудеть.

– Юлия, пожалуйста. Останься здесь. Куда ты собралась?

– Прочь, – сказала она. – С глаз долой от человека, который не помог мне, когда речь шла о жизни моей дочери.

– Юлия, я понимаю…

– Нет. Ты не понимаешь. У тебя нет детей. У тебя никогда их не было. Ты никогда не сможешь понять меня, – бросила она ему в лицо, распахнула дверь и исчезла в глубине коридора.

Даниэль, пораженный ее несправедливым обвинением, не стал удерживать Юлию и дал ей уйти.

Как оглушенный он вернулся к своему письменному столу, на котором зазвонил телефон. Он не спеша снял трубку.

– Это инженер Рангун из ПУМО. Вы только что пытались дозвониться до нас, капитан?

Бонхёффер кивнул и попытался взять себя в руки.

– Да. Я хотел лишь спросить, подключена ли еще «Голубая полка» к электросети.

Официально уже около пяти лет это устройство для сбрасывания прессованного мусора за борт было выведено из эксплуатации. Однако неофициально ее никогда не отключали от электросети, на тот случай, если мусоросжигательная установка выйдет из строя и во время длительного

плавания возникнет проблема с отходами. Как-никак за один-единственный день на «Султане» скапливалось почти девять тонн твердых отходов, а к ним еще добавлялись двадцать восемь тысяч литров сточных вод. Ежедневно!

– Теоретически да, капитан, – подтвердил инженер.

Даниэль хорошо знал этого специалиста. По телефону его фальцет звучал скорее как женский голос. В корабельном хоре он пел на Рождество звонким сопрано, но на судне не было ни одного человека, который решился бы посмеяться над этим, так как если голосу Рангуна и не хватало мужественности, то инженер полностью компенсировал этот недостаток своим прекрасно натренированным телом.

– Теоретически? Что это значит?

– Что мы не отключили мусорный пресс от электропитания, как было рекомендовано, но он давно не проходил техническое обслуживание. Я не уверен, работает ли он теперь.

Даниэль догадывался, что инженер был удивлен темой их разговора, но его подчиненное положение не позволяло ему задать прямой вопрос – а Даниэль и не собирался делиться с ним своим предположением: что на судне не было более удобного места, чтобы в течение нескольких месяцев прятать человека.

Или чтобы утилизировать его!

У «Голубой полки» был бетонный пол, который одним нажатием кнопки раздвигался в середине, и половинки пола уходили в стену до тех пор, пока шахта не превращалась в трубу без дна; затем опускавшийся сверху пуансон выталкивал спрессованный мусор прямо в воду.

– Вы можете ее отключить? – спросил капитан Рангуна.

– Могу, но не отсюда. Она не подключена к новому пульту управления. Но электрическую цепь можно разомкнуть на месте. Мне заглянуть туда?

– Нет, подождите. Сейчас я спущусь к вам.

Еще один свидетель, этого нам только не хватало!

Даниэль положил трубку, схватил свою капитанскую фуражку, лежавшую на столе, быстрым шагом пересек комнату, открыл дверь…

…и увидел дуло револьвера, направленное прямо ему в лоб.

Глава 57

Наоми

Сочинение прощального письма заняло у Наоми некоторое время, хотя в конце оно состояло всего лишь из одного предложения. Удивительно, но она чувствовала странную расслабленность во всем теле, с тех пор как захлопнула крышку ноутбука и положила компьютер в ведро.

Несмотря на приближение объявленной смерти и на то обстоятельство, что она не знала, каким образом она ее постигнет, Наоми не чувствовала никакого страха.

Видимо, это то, что католики понимают под очистительной силой исповеди.

Глубоко в душе, в самом темном уголке своего сознания, она всегда чувствовала, что ее ждет страшный конец. Что ее смерть *должна быть* страшной, если существует высшая инстанция, которая заботится о справедливости.

И такая инстанция существовала.

Эта инстанция находилась по другую сторону веревки, и она заставила ее признаться в том, что невозможно было выразить словами. Заставила вытащить на свет божий то, что было спрятано в самом дальнем уголке ее сознания.

Заставила записать это.

Мою исповедь.

Наоми хотела бы увидеть его, паука, который решил ее судьбу. Хотела бы узнать, как выглядит человек, который разоблачил ее.

Теперь она поняла, откуда паук узнал ее самые интимные тайны. И почему он хотел ее смерти. Наоми узнала прошлое паука, а тем самым и его мотивацию, с тех пор как он подробно ответил на ее вопрос «Кто ты?».

Она поняла, почему должна быть наказана, и это понимание привело к душевному примирению. Она больше не чесалась, ее дыхание было спокойным, и она не моргнула и глазом, когда ее тело содрогнулось от вибрации.

«Начинается», – подумала она, не зная, что именно запланировал паук, чтобы покончить с ней.

Она услышала негромкий скрежет, словно два мельничных жернова начали вращаться в противоположном направлении, потом она заметила,

что щель в середине пола колодца стала увеличиваться. Медленно, но неуклонно.

Скорее из любопытства, чем от испуга она встала с корточек и наблюдала за тем, что происходило с полом под ее ногами.

Он двигался!

Обе половинки круга начали скрываться в боковых стенках шахты подобно тому, как раздвижные двери исчезают в стене.

Она с интересом установила, что зазор между обеими половинками пола теперь составлял около тридцати сантиметров. И что она могла слышать, как внизу, под полом, бурлит вода. Если половинки пола будут исчезать в стене с такой же скоростью, как и сейчас, то не пройдет и двух минут, как пол полностью уйдет у нее из-под ног.

И она упадет в воды Атлантики, находящиеся в двух с половиной метрах под ней.

При этой мысли Наоми улыбнулась.

Глава 58

Если бы кто-нибудь наблюдал за ними, как они продвигались вперед, поддерживая друг друга и цепляясь друг за друга, как двое утопающих, он бы принял Мартина и Елену за двоих пьянчужек. Но на пути вниз, на палубу С, им никто не встретился, что объяснялось тем, что Елена выбрала окольный путь. Большинство служащих «Султана» ничего не потеряло в трюме лайнера, по меньшей мере в той зоне, где находились грузовые отсеки. Здесь хранились запасные части, которые не потребовались при трансатлантическом плавании. Если экипажу надо было спуститься сюда, то моряки пользовались грузовым лифтом, а не железной пожарной лестницей.

– Так будет быстрее, – пробормотала Елена у подножия лестницы, но потом она потеряла ориентацию, когда они оказались в вытянутом помещении с множеством труб, где приходилось втягивать голову в плечи, чтобы не удариться о них.

У Мартина возникло такое ощущение, словно он оказался внутри подводной лодки, что было ему знакомо из фильмов. На трубах находились вентили, которые могли быть открыты с помощью вращающихся колес, покрашенных ядовито-зеленой краской. Здесь имелся шкаф-стенка, состоявший из множества блоков предохранителей и большого количества приборов, стрелки которых почти не двигались.

На его вопрос, в каком направлении они должны теперь идти, Елена достала из кармана купального халата свой мобильник, позвонила капитану и расспросила его о дороге. Мартин удивился, что Бонхёффер вообще понял свою невесту, так сильно она говорила в нос, однако после обмена несколькими короткими фразами, очевидно, он помог выйти ей из затруднительного положения, потому что Елена показала налево и пропустила его вперед.

Вскоре они подошли к белой переборке с врезанной в нее стальной дверью, которую удалось открыть только с напряжением всех сил; для этого Мартину пришлось вращать обеими руками запорное колесо, а затем надавить плечом на дверь, открывающуюся вовнутрь. Дверь была такой же толстой, как в большом банковском сейфе.

Находившееся за дверью помещение оказалось просторнее и темнее. Здесь пахло пылью и дизельным топливом. Пол был покрыт грязью, а с приборных шкафов свисала паутина; установленные здесь приборы были

более старой конструкции, чем те, которые они видели до этого в соседнем помещении.

– Где мы сейчас находимся? – спросил Мартин Елену, которая в изнеможении прислонилась к одному из пыльных ящиков.

– Понятия не имею. Какой-то старый пункт управления. Там впереди… – Не в силах закончить предложение, она показала на дверь в конце помещения.

Мартин двинулся в указанном направлении.

Он шагал по валявшимся на полу шурупам, одноразовым носовым платкам, клочкам бумаги и прочему мусору, который, видимо, не убирался здесь целую вечность. В конце помещения он наткнулся на следующую дверь, которая открылась с еще большим трудом, чем предыдущая.

За дверью его принял под свои своды собор.

По крайней мере, таким было его первое впечатление, когда он ступил за порог и очутился в высоком, как дом, помещении, которое освещалось только рядом галогенных лампочек, закрепленных на стенах справа и слева.

В торце помещения, там, где в соборах находится алтарь, виднелась блестевшая медью труба, напоминавшая резервуар в пивоварне и имевшая овальное поперечное сечение. Две трети ее наружной обшивки изгибались внутри помещения, а задняя треть входила во внешний корпус «Султана». Своеобразная пожарная лестница поднималась вдоль резервуара вверх и исчезала в темноте в пяти метрах над головой Мартина.

– Это здесь! – крикнул он, чтобы подать докторше сигнал, что нашел «Голубую полку». Во время их спуска в недра корпуса судна она объяснила ему, откуда взялось такое название и почему эта установка по удалению мусора больше не работала.

Он обернулся назад, но Елены в проходе не было, и никто ему не ответил.

Возможно, она все еще отдыхала, собираясь с силами. Он сейчас вернется за ней, но сначала Мартин хотел получше осмотреть «Голубую полку» и прилегающее помещение.

Он поднялся по ступенькам на помост, который окружал резервуар, и осмотрелся. Анук нигде не было видно. Он позвал ее по имени, но она не откликнулась, так же как и докторша до этого.

Мартин посмотрел вверх.

Он подумал, что, по всей видимости, мусор загружался в шахту через специальное устройство в ее торце, полутора палубами выше.

Шахта! Вода в колодце!

Перед его внутренним взором возник точный до мельчайших деталей рисунок Анук.

Поскольку в этом месте корпус корабля был сильно изогнут, то, по крайней мере, треть днища трубы должна была находиться над бушующей Атлантикой. Как только шахта заполнялась мусором, достаточно было лишь открыть днище, и мусор падал в море. Со своего места у подножия «Голубой полки» он не мог разглядеть устройство, с помощью которого это осуществлялось. Он задался вопросом, не подняться ли ему по лестнице, имевшейся на резервуаре, когда при обходе вокруг него обнаружил дверь. Она была в рост человека и, возможно, могла использоваться рабочими для уборки и технического обслуживания внутреннего помещения.

Мартин приложил руку к двери, которая закрывалась рычагом, похожим на запирающий механизм дверей в самолете. Он подергал рычаг, но внезапно платформа под его ногами содрогнулась от сильного толчка, сопровождаемого пронзительным скрежетом.

А я думал, что «Голубая полка» не функционирует.

Казалось, что резервуар ожил и что-то задвигалось у него внутри.

Еще сильнее Мартин испугался, уловив какое-то движение у себя за спиной.

– Елена?

Он подумал, что это тень докторши мелькнула на стенке резервуара, которая наконец преодолела свою слабость и присоединилась к нему, но никак не рассчитывал увидеть тонкую фигуру без лица, которая стояла в тени и голова которой была закрыта капюшоном. Он сразу узнал ее, хотя встречался с ней всего лишь один раз. Она держала в руке пластмассовое ведро.

Мартин хотел назвать имя этой особы, но она прыгнула вперед и ударила его сбоку по голове предметом, похожим на ноутбук и по ощущению тяжелым как кирпич, когда его ребро попало Мартину прямо в висок.

Глава 59

В отличие от головных болей, которые в последнее время подобно выездной полицейской команде регулярно посещали его, эта боль, вызванная ударом в висок, была другого свойства. В первый момент она показалась невыносимой, но потом, когда Мартин упал на пол, она относительно быстро стихла.

По крайней мере, достаточно быстро, чтобы заметить, что нападавший встал над ним и занес руку с электрошокером. Мартин инстинктивно поджал колени и нанес киллеру сильный удар между ног, однако тот не согнулся в три погибели, как ожидалось, а лишь слегка наклонился вперед. Правда, электрошокер выскользнул у него из рук, это привело к тому, что теперь Мартин вместе с напавшим на него ощупью искали оружие на голом металлическом полу.

При этом Мартин оказался в проигрыше, так как сильный удар в висок замедлил его реакцию, и хотя электрошокер находился ближе к нему, но теперь он опять оказался в руках киллера, который с удивительной силой схватил Мартина за горло. С такой силой, какой Мартин никак не ожидал от субтильного киллера, тот пережал ему шейную артерию.

Перед глазами Мартина засверкали голубые молнии.

Убийца включил электрошокер, находившийся всего лишь в нескольких сантиметрах от головы Мартина, собираясь парализовать его мышцы электрическим зарядом в десять тысяч вольт. Мартин почувствовал влажное дыхание противника на своем лице, и у него мелькнула мысль, как могла эта хрупкая на вид особа быть ответственной за все преступления, произошедшие на борту «Султана»: похищения, изнасилования, убийство. Собрав последние силы, он попытался сбросить с себя киллера и начал наносить удары во все стороны. При этом его удары попадали в пустоту.

Где? Где ты?

Противника в капюшоне уже не было над ним, видимо, он отскочил в сторону, чтобы ударить его своим электрошокером в бок, как он однажды уже сделал это на прогулочной палубе. Чтобы предостеречь его.

Томми мертв. В следующий раз умрешь и ты.

Только теперь время предупреждений закончилось.

Мартин инстинктивно прижал обе руки к телу, ударил ногой в ту сторону, где, по его представлению, должен был находиться убийца. В следующую секунду он услышал душераздирающий крик,

сопровождаемый звуком ломающихся костей.

Мартин, удар которого даже не достал его противника, оперся на локоть и поднял голову. По крайней мере, одним глазом он смог увидеть четкие очертания двух фигур.

Киллера, распростертого на полу.

Елены, стоявшей рядом с ним.

Она стояла перед неподвижной фигурой у подножия платформы, держа в руке ноутбук и дрожа всем телом. Голова киллера лежала в луже крови, которая медленно сочилась из-под капюшона.

– Я… я…

Елена с трудом перевела дыхание, потрясенная содеянным.

– Я… ударила ее. Она… упала.

Рукавом своего купального халата Елена вытерла слезы, катившиеся из ее глаз, при этом она уронила ноутбук на бетонный пол. Она показала на неестественно вывернутую голову нападавшего, который при падении сломал себе шею о металлическую ступеньку.

Мартин подполз на четвереньках к трупу и откинул капюшон, закрывавший голову киллера.

– Нет! – воскликнула Елена, охваченная еще большим ужасом при виде трупа. Она была так потрясена увиденным, что без чувств упала рядом с неподвижным телом киллера. Чтобы смягчить падение Елены, Мартин успел выставить руку, и Елена не ударилась головой о бетонный пол, что наверняка спасло ей жизнь. Мартин пощупал ее пульс.

Он был учащенным, но равномерным.

В отличие от пульса Шахлы.

Мартин повернулся к трупу горничной. Всмотрелся в ее широко распахнутые, остекленевшие глаза.

Даже если это и не имело никакого смысла, поскольку этот преступник не мог изнасиловать Анук, – прямо перед ним, в луже собственной крови, лежала горничная, которая якобы нашла Анук, но, вероятнее всего, похитила малышку и в течение нескольких недель где-то насильно удерживала.

И которая, если Мартин не ошибался, где-то здесь, внизу, держала в плену и мать Анук.

В «Голубой полке».

Пол, вибрирующий уже в течение примерно полутора минут, в течение которых продолжалась схватка. Словно он двигался.

Как будто открывалась заслонка.

Мартин с трудом встал и заковылял к двери в резервуаре.

Ему потребовалось еще секунд десять, прежде чем он смог наконец открыть ее.

Глава 60

Теперь пол под ее ногами представлял собой только узкий выступ, не шире обычной книжной полки. Остальная часть пола уже исчезла в стене. И если бы Мартин не распахнул дверь, предназначенную для входа обслуживающего персонала, у «Голубой полки» уже не осталось бы дна. А так он, сам того не ведая, включил механизм аварийной остановки, который прервал открытие люка для сброса мусора в море.

В самый последний момент.

Еще бы на несколько сантиметров меньше – и Наоми Ламар не смогла бы удержаться на узком выступе.

Ее босые ступни уже на треть лишились опоры на краю выступа. Сейчас она была похожа на пловчиху, которая ждет только стартового выстрела, чтобы прыгнуть в воду, бурлящую под ней. При такой килевой качке, с которой двигался «Султан», мать Анук сорвется в воду при следующем сильном толчке, Мартин был абсолютно уверен в этом.

– Наоми! – крикнул ей Мартин, однако она находилась в таком же шоковом оцепенении, как до этого ее дочь. Она никак не прореагировала на его крик. Возможно, она и не слышала его, так громко бушевала Атлантика под ней.

Бурлящая пена и брызги волн долетали до ее расцарапанного лица. Вскоре женщина в грязных лохмотьях, кожа которой была покрыта рубцами и ссадинами, промокла до нитки. Капли морской воды долетали даже до Мартина, одежда которого тоже очень быстро намокла.

– Идите сюда.

Он ухватился за дверную раму и наклонился как можно дальше вниз в шахту. При этом он вытянул свою свободную правую руку, насколько это было возможно. Проявив немного смелости, Наоми могла бы попытаться ухватиться за его руку. Но на Мартина мать Анук произвела впечатление скорее смертельно усталого, чем мужественного человека. Складывалось впечатление, что она даже и *не хотела*, чтобы он ее спасал. Во всяком случае, она не делала ни малейшей попытки облегчить его задачу. Она стояла как вкопанная и не отрываясь смотрела на пенящуюся воду у нее под ногами.

– Анук жива! – крикнул он. Действительно, показалось, что имя дочери произвело на нее какое-то воздействие.

Наоми повернула голову. Подняла ее. Задрала подбородок в его

сторону. Посмотрела на него. Ее губы шевельнулись.

– Мне очень жаль, – сказала она, или что-то в этом роде.

I am very sorry.

Ее голос был слишком слаб, чтобы перекрыть рев моря.

– Не-е-ет! – закричал Мартин, так как ему показалось, что Наоми собирается сделать шаг вперед. Навстречу смерти. Если она сейчас прыгнет в воду, вращающиеся с бешеной скоростью корабельные винты неизбежно разорвут ее тело на куски.

– Ваш похититель мертв! – крикнул он.

Наоми в последний раз приостановилась. Ее губы раскрылись как для последнего привета, но затем вдруг что-то изменилось в выражении ее лица. Уголки ее рта дрогнули. Сначала показалось, что она плачет. Потом – что хочет рассмеяться. И наконец она заплакала и рассмеялась одновременно.

Мартин заметил, что она не смотрит больше на него, а куда-то в точку над его плечом.

Он на мгновение обернулся. Причина ее эмоционального изменения стояла прямо у него за спиной.

Анук.

Наконец-то она отыскала дорогу.

В самый последний момент.

С фонариком в руке она медленно приблизилась к шахте. На ее лице было такое выражение, которое Мартин еще никогда не видел на лице малышки. Ничего удивительного, так как она смеялась.

Он услышал радостный возглас, который прозвучал не только из уст Анук, но и из уст Наоми.

Мартин снова повернулся к матери, которая громко звала свою дочь по имени. Так громко, что даже Атлантика не могла заглушить ее голос.

И Наоми теперь тоже смеялась, как и ее дочь. Громко и во всю глотку – а этого не следовало делать. Так как от радостной дрожи, охватившей все ее тело, Наоми потеряла равновесие.

Сейчас она снова была похожа на человека, стоящего на краю бассейна, однако теперь это был человек, не умеющий плавать, который отчаянно размахивал руками, пытаясь предотвратить неизбежное.

Падение в бездну.

– Ко мне! – закричал Мартин от волнения по-немецки, и скорее случайно, чем намеренно, падавшая вперед Наоми ухватилась за его руку.

Мартин почувствовал сильный рывок, отдавшийся болью в плече. Он изо всех сил сжал зубы, стараясь не отпустить ни одну из своих рук. Ни ту,

на которой повисла Наоми, почти касавшаяся босыми ногами кипящей поверхности воды, и уж ни в коем случае не ту, которой он держался за дверную раму, стараясь не сорваться вниз, что грозило бы им обоим неминуемой смертью. К счастью, мать Анук весила не больше, чем девочка-подросток. Неполноценное питание, от которого она чуть было не умерла, могло сейчас стать для нее спасительным, если…

…я не отпущу ее руку.

Наоми была легкой, болезненно исхудавшей, но ее ладонь была влажной. Мокрой. Скользкой.

Мартину казалось, что он держит намыленную веревку. Чем сильнее он сжимал ее ладонь, тем, казалось, быстрее она выскальзывала из его пальцев. И это привело его в бешенство.

Я пережил все это дерьмо здесь не для того…

Мощным рывком, который отдался острой болью в поясничном отделе позвонка…

…чтобы потерпеть поражение…

…он рванул мать Анук к себе…

…на самом финише.

…через край «Голубой полки». На металлический пол платформы. Рядом с резервуаром. В безопасность.

Справился!

Совершенно выбившись из сил, он лежал на холодном полу. Пытался одновременно сделать вдох и выдох, что неизбежно привело к приступу кашля. Но он чувствовал себя замечательно.

Он смотрел на Наоми, которой радость встречи с дочерью придала больше сил, чем ему самому, так как она уже встала и протянула руки.

Навстречу своей дочери, которая, пошатываясь, шла к ней.

Удовлетворенный увиденным, Мартин на мгновение прикрыл глаза.

Даже если это был не его собственный сын и даже не ребенок, которого он спас, ему все-таки удалось спасти от смерти мать, воссоединить семью – и подарить Анук улыбку.

И так случилось, что, когда он лежал рядом с «Голубой полкой» на шатком, холодном полу, пропахшем мусором и морской солью, он впервые за долгое, долгое время снова был счастлив.

Даже если и очень короткое время.

До тех пор пока улыбка, с которой Анук шла к своей матери, не исчезла с ее лица и она не толкнула свою мать в грудь. Она сделала это быстрым движением, не очень сильным, даже для девочки одиннадцати лет, но все-таки этого было достаточно, чтобы Наоми Ламар потеряла

равновесие и упала спиной вперед в шахту «Голубой полки», навстречу бурлящей воде.

Глава 61

Время шло, и постепенно Бонхёфферу все это смертельно надоело, он был сыт по горло. Во время этого рейса его избил страдающий паранойей полицейский, его любимая крестница покончила жизнь самоубийством, вину за которое бывшая жена его лучшего друга возложила на него самого, в корабельной клинике в одном из холодильных шкафов, положенных по инструкции из-за большого числа пенсионеров на борту, лежал один из офицеров его службы безопасности с простреленной головой. И на этом цепь безумных инцидентов, очевидно, еще не оборвалась.

– Вы не могли бы направлять свое оружие куда-нибудь в другую сторону? – заорал он на молодого человека, который назвался Тиаго Альваресом и, угрожая револьвером, заставил его вернуться в каюту. Здесь Даниэлю было приказано сесть за свой письменный стол, в то время как этот темноволосый латиноамериканец начал метаться по капитанской каюте, как тигр в клетке. При этом он то и дело направлял свое оружие в грудь капитана.

– О’кей, я сижу здесь уже… – Бонхёффер посмотрел на свои наручные часы, – почти двадцать минут, и до сих пор вы мне так и не сказали, какую цель преследуете этим нападением на меня.

Хотя между тем Тиаго не замолкал ни на секунду и много чего рассказал. Тараторя как заведенный, он проявил себя в такой же степени растерянным, как и испуганным пассажиром. Теперь из его рассказа Бонхёффер знал, что Тиаго лишь якобы «по недоразумению» стал свидетелем ссоры одного из офицеров с горничной и с тех пор находился в бегах, скрываясь от этого офицера. Лишь в конце его сбивчивого рассказа Даниэль понял, что речь шла о Вейте Йеспере.

– Теперь вы собираетесь убить меня, как и его? – спросил он Тиаго.

– Я не убивал этого человека, – возразил смуглолицый аргентинец, едва сдерживаясь. – Это он засунул мне дуло револьвера в рот.

– А в самый последний момент передумал и решил пустить себе пулю в лоб.

Бонхёффер рассмеялся ему в лицо. Очевидно, он имел дело с душевнобольным человеком. Возможно, с похитителем Анук?

Он задался вопросом, а был ли вообще исправен револьвер в его руках. Задняя часть барабана была какой-то странной, разорванной, что ли, кроме того, ему показалось, что у револьвера не было курка.

– Это вы похитили девочку? – напрямик спросил он Тиаго. Может быть, Вейт застал его на месте преступления. Тогда имело смысл устранить его со своего пути.

Однако, черт побери, что ему надо от меня?

Хотя Бонхёффер и понимал, что по лицу преступника нельзя определить, совершал ли он вменяемое ему преступление, однако и он сомневался в том, что перед ним был извращенный насильник. С другой стороны, он пронес оружие, обманув службу безопасности корабля, и, возможно, убил из него одного из офицеров по какой бы то ни было причине.

– Я никого и пальцем не трогал, – запротестовал Тиаго. – Это *меня* должны были убить. Это я нуждаюсь в защите.

Бонхёффер, который между тем не потерял чувство юмора и в беде, улыбнулся и сказал:

– Может быть, вы повторите это еще раз, не размахивая при этом своим револьвером?

В этот момент зазвонил телефон, лежавший в кармане его брюк, однако, прежде чем Бонхёффер успел ответить на звонок, Тиаго приказал ему положить мобильник на стол.

– Послушайте, я должен находиться на капитанском мостике, – солгал капитан. – У вас остается совсем немного времени, чтобы выдвинуть свои требования. Вскоре меня хватятся.

– У меня нет никаких требований. За кого вы меня принимаете?

«За очень опасного типа, – подумал Бонхёффер, – сумасшедшего, да еще и вооруженного».

Возможно, Вейт обнаружил тайное убежище этого Тиаго, каюту 2186, любовное гнездышко, где он силой удерживал Анук. Да, в этом есть определенный смысл, ведь девчушка была обнаружена совсем недалеко от этого места.

– Где ее мать? – отважился Бонхёффер задать вопрос этому чокнутому типу.

– Мать? Какая мать? – удивленно переспросил Тиаго. Он выглядел сбитым с толку, но, возможно, он просто ломал комедию.

– Мать Анук. Она в «Голубой полке»? Если это так, то этот тайник уже обнаружен. Мои люди сейчас направляются туда.

– Что, черт побери, за чепуху вы несете? – спросил Тиаго. – Я не знаю никакой Анук. Я знаю только Лизу.

– Лизу? – Теперь уже Бонхёффер на мгновение лишился дара речи. – Откуда?..

– Вот. – Тиаго вытащил из заднего кармана своих брюк конверт. Не выпуская револьвера из рук, он левой рукой вытряс из него две странички.

– Что это такое? – спросил Бонхёффер.

– Это план, – ответил Тиаго. – Я уже давно хотел передать его вам. – С этими словами он передал капитану первую из двух страниц.

Бонхёффер расправил листок на письменном столе и начал читать.

«ПЛАН:

Первый шаг. Я вывожу из строя камеру видеонаблюдения. Согласно списку Кверки это камера № 23/С. До нее можно добраться по наружной лестнице, находящейся на пятой палубе.

Второй шаг. Подбросить прощальное письмо в мамину каюту.

Третий шаг. Запереть изнутри входную и межкомнатную двери».

Бонхёффер оторвался от чтения и поднял голову.

– Откуда это у вас?

Тиаго не смог выдержать его пристального взгляда. Ему было явно неудобно отвечать на этот вопрос, а когда он все же это сделал, Бонхёффер наконец понял, почему аргентинец все время так мялся и тянул с ответом. Он оказался вором. Обычным воришкой, который специализировался на том, что обчищал сейфы пассажиров круизных лайнеров. Эта роль подходила испуганному и растерянному молодому человеку гораздо больше, чем роль убийцы и насильника.

– В таком случае вы совершенно случайно стали обладателем этого… этого… – Бонхёффер поискал подходящее слово, но не нашел ничего лучше того, которое употребил Тиаго, – этого *плана*?

Тиаго кивнул. Он был совершенно подавлен.

– Я так корю себя. Если бы я раньше набрался мужества и доверился кому-нибудь. Но этот киллер, этот офицер… – Тиаго покачал головой. – Я боялся за свою жизнь. Я и сейчас боюсь. Я до сих пор не знаю, во что вляпался. Не имею ни малейшего понятия, как это все взаимосвязано. Например, кто мне скажет, что это не вы навязали на мою голову этого Вейта?

– Знаете что? – Бонхёффер встал из-за стола, не обращая больше никакого внимания на револьвер, направленный ему прямо в грудь. – Вы можете убить меня. Но мне нет никакого дела до вас и до Вейта. Лиза Штиллер была моей крестницей. Я любил ее. Ее самоубийство хуже любой пули, которую вы можете выпустить из своего револьвера.

Тиаго, собиравшийся схватить свое оружие обеими руками, замер.

– Лиза покончила жизнь самоубийством? – недоверчиво спросил он.

Бонхёффер отказывался понимать этот мир.

– А это, по-вашему, шуточки? – спросил он, потрясая листком в своей руке. – Вы же сами читали этот план.

– Да, читал. – Тиаго передал ему второй листок. – Но в нем идет речь не о *Лизиной* смерти!

Глава 62

Анук снова погрузилась в свой собственный мир. Она механически переставляла ноги и во время этого марша явно не чувствовала ни руки Мартина, который поддерживал ее, ни руки Елены, которая вела ее, крепко взяв за руку. Из этого своеобразного собора, через пункты управления, вверх по лестнице, назад до «Адской кухни», где она теперь снова лежала в своей кровати, полностью уйдя в себя, уставившись широко открытыми глазами в потолок. Стоически, с окаменевшим лицом, не отвечая ни на один из вопросов, которые ей поочередно задавали Елена и он сам:

«Но почему?»

«Зачем ты сделала это?»

«Почему ты убила свою мать?»

Поскольку после своего обморока Елена едва держалась на ногах, Мартин снова проводил докторшу в ее палату, где они сейчас сидели за маленьким обеденным столиком напротив друг друга.

Мобильник Мартина, который он действительно нашел в ванной комнате, лежал перед ними на матово блестевшей столешнице из декоративного пластика. Рядом с телефоном лежал раскрытый ноутбук, которым Елена спасла ему жизнь. На одной из граней компьютера виднелась засохшая кровь. В том месте, которым ноутбук попал в лоб Шахлы.

По сути дела, Мартина вполне устраивало, что он до сих пор так и не смог дозвониться до капитана. Новости, которые он обязан был сообщить ему, были просто убийственными. А поскольку Шахла была мертва и Наоми не могла остаться в живых после падения в бурные воды Атлантики, до прибытия в порт Нью-Йорка не оставалось ничего другого, кроме как снова взять под надежную опеку Анук и опросить ее. Первое уже было сделано. Последнее, по всей видимости, не имело шансов на успех.

И наконец, ему и Елене нужно было некоторое время, чтобы прояснить все вопросы, не дававшие им покоя, с тех пор как стало ясно, кто стоял за похищением Анук и пытал ее мать.

Сначала они не знали, что и подумать обо всем этом деле. У них не хватило силы воображения уже при поиске ответа на вопрос, как женщина могла изнасиловать Анук.

Выяснить правду им помогло именно то оружие, с помощью которого удалось лишить преступника жизни.

Ноутбук.

Не ожидая узнать что-то важное, Мартин открыл его из чистого любопытства, зачем Шахла носила его с собой в ведре, когда напала на него. Мартин принимал в расчет, что из-за удара и последовавшего за ним падения на бетонный пол компьютер мог выйти из строя. Однако ноутбук функционировал безупречно. Когда Мартин откинул экран, то сразу наткнулся на странную переписку между преступником и его жертвой. На первый взгляд показалось, что Шахла вела с Наоми своего рода болтовню извращенно-вуайеристического свойства.

– Она хотела, чтобы мать Анук призналась в том, какой самый ужасный поступок она совершила в своей жизни.

– Зачем? – прохрипела Елена. Ее голос звучал так, словно она сорвала его на каком-нибудь рок-концерте, но зато она больше не гнусавила. В который раз пережитый шок приводил к совершенно неожиданным результатам. Тот факт, что она стала виновницей смерти человека, даже если при этом речь шла о психопате, помог ей избавиться от насморка, но зато она сорвала свои голосовые связки.

– Дело в том, что Наоми позволялось умереть только тогда, когда Шахла будет довольна ее признанием.

Мартин, который уже пробежал глазами начало текста, коротко пересказал Елене, в каких грехах исповедовалась горничной мать Анук.

– Боже милосердный, есть ли где-нибудь в тексте намек на то, *почему* Шахла сделала это?

– Да, есть.

Мартин постучал пальцем по экрану ноутбука.

– Наоми спросила Шахлу, кто она такая, и та ответила ей. Правда, сначала довольно таинственно, в сказочном стиле, и сделала несколько намеков, которые Наоми не смогла понять. Тогда Шахла ответила более конкретно. Вот.

Мартин прочел вслух соответствующую выдержку из текста:

«Мне было одиннадцать лет, когда меня впервые изнасиловали. Мой отец уехал в деловую поездку, он был директором-распорядителем одной крупной пакистанской фирмы, занятой в электронной промышленности, которая позже была продана «Майкрософту». Но когда я была ребенком, мой отец проводил больше времени в самолете, чем дома.

У меня было все, что мог пожелать себе ребенок. Вилла в охраняемой зоне, отгороженная вечнозеленым садом от нищеты обычного населения, которое мы видели только тогда, когда на пути в частную школу шоферу приходилось объезжать дорожные пробки и нам позволялось бросить

взгляд через тонированные стекла лимузина на жилища горожан, они не могли позволить себе мобильные телефоны и компьютеры, изготовляемые на фирме моего отца.

Когда я была подростком, моя жизнь состояла из уроков балета, игры в гольф, занятий английским языком. И сексом.

Или «прижиманием», как это называла моя мать».

– Ее мать? – прервала его Елена, не веря своим ушам. От волнения она прикусила себе нижнюю губу.

– Да, – подтвердил Мартин. – По-видимому, Шахлу изнасиловал не ее отец.

Большинству людей это могло бы показаться немыслимым. Но, будучи полицейским, Мартин знал, что сексуальное насилие над детьми со стороны их матерей не было редкостью, а скорее это была запретная тема, о которой было не принято говорить в обществе. Приблизительно десять процентов осужденных за преступления на сексуальной почве составляют женщины. В организациях, помогающих детям, пострадавшим от развратных действий их родителей, говорят о значительных скрытых цифрах, так как лишь немногие жертвы свидетельствуют против своих матерей, а если же у них хватает мужества сделать это, то они натыкаются на такое же неверие, которое только что выразила Елена:

– Шахла утверждает, что ее изнасиловала родная мать? Как такое могло произойти?

– Она описывает это ниже. Вот, слушайте…

Мартин прокрутил три следующих абзаца.

«Мама знала, то, что она делала и чего требовала от меня, было неправильным. Но всякий раз, когда отец уезжал по делам на долгое время, она приходила ко мне, чтобы «утешиться», как она это называла. Сначала меня это не беспокоило. Мне даже нравилось. Ее прикосновения, ласки были приятными. Поначалу. Но позднее ее руки опускались все ниже, ее пальцы трогали меня в самых интимных местах, и мне становилось неловко. Но она говорила, что все о’кей. Даже то, что она целовала меня там внизу. Что это поможет мне быстрее повзрослеть. Что это совершенно нормальные отношения между матерью и ребенком. Но постепенно она становилась все навязчивее. Когда она заставила меня натянуть презерватив…»

– Минуточку. Какой презерватив? – спросила Елена, не веря своим ушам. От напряжения ее голос сорвался.

Мартин, уже успевший прочесть про себя еще несколько предложений, смог объяснить Елене мнимое противоречие.

– Здесь Шахла описывает, что она переживала, когда подвергалась сексуальному насилию в детстве, чтобы побудить мать Анук сделать признание, – сказал он Елене. – И в этом месте ее рассказа мы имеем дело, по-видимому, с еще одним намеком.

Мартин схватился за горло, так как в этот момент у него перехватило дыхание.

– Первый намек появился тогда, когда она написала, что к ней в постель забрался не отец, а мать. А второй заключается в том… – Мартин откашлялся, – что Шахла появилась на свет мальчиком.

Глава 63

Юлия Штиллер открыла дверь своей каюты. Комната показалась ей абсолютно чужой. Нет, скорее это *она сама* была чужой здесь. Она больше не вписывалась в это окружение. Ни в каюте, ни на этом корабле. Даже в своем собственном теле ей было не по себе.

Она открыла дверцы шкафа и кончиками пальцев потрогала рукава аккуратно развешанной одежды, которую она никогда больше не наденет. Как не понадобится ей больше и дорожная сумка, стоящая на подставке для чемоданов, которая была ее неразлучным спутником во время всех поездок и которую она никогда больше не возьмет в руки.

Покидая «Султан», она оставит ее здесь, как и все остальное, что когда-то имело значение в ее жизни: свои ключи, документы, фотографии, деньги, свою неизменную жизнерадостность, надежду на лучшее будущее.

Лиза.

Юлия прошла в ванную комнату и понюхала флакон с дорогими духами, которые она специально купила для этой поездки и от аромата которых сейчас ей стало дурно.

Тем не менее она опрыскалась ими, поскольку тошнота была легче переносимым чувством, чем беспомощность и тоска.

При этом Юлия бросила взгляд в зеркало, и невольно перед ее внутренним взором всплыл образ трехлетней больной дочери, когда ей пришлось поменяться сменами с коллегой из-за того, что Лиза не могла ходить в детский сад. У нее была температура под сорок градусов, «сопливый нос» и лающий кашель. Надтреснутым голоском, который звучал так хрипло, как у злой ведьмы Урсулы, которую Юлия изображала всякий раз, когда читала эту сказку, лежавшая в кроватке Лиза спросила:

– Теперь я должна умереть, мамочка?

Юлия рассмеялась и смахнула с ее лба влажные от пота волосы.

– Нет, моя любимая. Так быстро не умирают. Ты будешь жить еще до-о-олго, до-о-олго.

Еще двенадцать лет.

Юлия крепко прижала ладони ко лбу, к глазам и щекам. Так крепко, что из глаз посыпались искры.

На какое-то время она застыла в таком положении. Потом наполнила стакан водой из-под крана, поднесла его к губам, но, осознав, что нет никакого смысла утолять жажду, вылила воду в раковину.

Одно из многих бессмысленных действий, которые отныне будут следовать друг за другом в ее жизни. Такие бесполезные виды деятельности, как мышление, чувствование, дыхание.

Я должна позвонить Максу.

Она впервые подумала о своем бывшем муже, *с тех пор как Лиза…*

Юлия вышла из ванной.

Кто-то заправил ее постель. На подушке лежала маленькая плитка шоколада. По одной плитке с каждой стороны.

Две шоколадки – это слишком много.

Юлия поискала записку, которую ей оставила Лиза, «Мне очень жаль, мамочка», но на комоде ее не было. Вероятно, она отдала ее Даниэлю, Юлия уже не помнила.

Она подергала межкомнатную дверь, но она все еще была заперта на задвижку с Лизиной стороны.

Возможно, так даже лучше.

Если бы у нее был ключ, она бы пошла в Лизину каюту, перебрала бы ее вещи.

И что бы это изменило?

Она же знала, что случилось. Знала мотивы. Осознала свою вину.

Юлия раздвинула балконную дверь. Свежий ветер разметал ее волосы.

Для этой части Атлантики море было на удивление спокойным, был почти полный штиль, в отличие от волнения, царившего еще в полдень. Наиболее высокие волны производил сам лайнер.

В вечернем воздухе ощущался слабый запах морской соли и дизельного топлива. С верхнего балкона до нее донесся смех. Издали доносилась танцевальная музыка, которая смешивалась с шумом моря. В программе развлечений на борту «Султана» шел вечер караоке.

«Зачем? – подумала Юлия и подергала поручни, через которые перелезала вчера ночью. – Зачем ты не дал мне упасть, Даниэль?»

Она перегнулась через перила и посмотрела вниз. Море уже не показалось ей грозным. Скорее зовущим. В шуме волн ей послышался шепот. Словно звучало ее имя. Заманчиво.

Так быстро не умирают!

Она хотела крикнуть: «Лиза!» – но ее голос сорвался.

Почему я не настояла на своем?

Почему я не заставила Даниэля остановить судно и повернуть назад, чтобы мы могли сойти на берег?

Ведь я же уже знала о видео.

Вне себя от ярости и ненависти к себе самой, она ударила ногой по

перегородке между балконами. Замолотила по ней кулаками. Еще раз пнула ее ногой. Еще раз. И еще.

На третий раз ее нога прошла сквозь тонкую пластиковую стенку.

Не разрушив ее.

У Юлии было такое чувство, словно она ударила ногой в пустоту. Она так сильно размахнулась, что чуть было не поскользнулась, и не упала только потому, что крепко держалась за перила.

Что, черт побери?..

Она уставилась на дверцу в перегородке, которую открыла ударом ноги. Эта дверца была похожа на откидную заслонку для кошки во входной двери частного дома. Только эта дверца оказалась намного больше, и через нее могла бы проскользнуть взрослая собака.

Или человек.

Сердце Юлии бешено заколотилось. Она наклонилась вперед и заглянула через открывшееся отверстие на балкон Лизиной каюты. Волоски на ее предплечьях встали дыбом. Внезапно возникшая у нее мысль буквально наэлектризовала их.

Обычно эта дверца была привинчена винтами, и нужна была отвертка, чтобы открыть ее, если хотели облегчить работу по техническому обслуживанию или сократить путь между каютами. Но здесь запор был, по-видимому, отвинчен.

Неужели Лизой?

Юлия сбросила купальный халат и, оставшись только в трусиках и бюстгальтере, проползла через отверстие в перегородке на балкон Лизиной каюты. При этом, задев за острый край перегородки, она ободрала себе колено и большую берцовую кость. Однако Юлия даже не почувствовала этого, как не обратила внимания и на прохладный ветер, обдувавший все ее тело.

Ты тоже проползла здесь, мое сокровище?

Юлия попыталась заглянуть через стекло в каюту своей дочери, однако двери были закрыты, а шторы задернуты. Она прикрыла ладонями глаза от внешнего освещения, однако так и не смогла ничего рассмотреть.

Ты заперла со своей стороны межкомнатную дверь на задвижку, Лиза? А потом заперла на цепочку входную дверь?

Юлия повернулась к отверстию в перегородке.

Отвинтила дверцу и проползла через отверстие на мой балкон, чтобы затем бесследно исчезнуть через мою каюту?

Юлия чувствовала, что ее сердце билось все сильнее. Был ли это сквозняк, когда Лиза открывала балконную дверь? Или звук закрываемой

входной двери, который внезапно разбудил ее прошлой ночью?

Входная дверь, через которую ты вышла из моей каюты, милая?

Юлия понимала, что может впасть в состояние самой страшной из всех существующих печалей: в такое состояние, находясь в котором близкие изо всех сил пытаются отрицать правду и цепляются за любую, даже самую абсурдную теорию, дающую хоть какую-то надежду. Но она не могла поступить иначе.

Она ударила ладонью по оконному стеклу, пнула голой ногой раздвижную балконную дверь, громко выкрикнула имя Лизы, ударилась коленом о стеклянную дверь и… до смерти испугалась, когда шторы раздвинулись.

И за ними показалось лицо ее дочери.

Глава 64

– Шахла была раньше мужчиной?

С каждой секундой Елена приходила во все большее замешательство. Она смотрела на Мартина такими глазами, словно у того вырос второй нос.

Мартин ответил ей словами Шахлы, читая вслух с экрана ноутбука:

– «Когда же я отказался натягивать презерватив на свой пенис, она накричала на меня, обозвала неудачником. Бесполезным, никчемным человеком. Сказала, что не будет меня любить, что всегда хотела иметь девочку, а не гадкого мальчишку. Она ударила меня по лицу и оставила одного, плачущим навзрыд, но только для того, чтобы на следующий день повторить эту игру. В конце концов однажды я выполнил ее просьбу и надел презерватив, а с годами я начал с ней спать. При этом я все время думал только об одном: «Я хочу, чтобы я был девочкой. Я хочу, чтобы я был девочкой».

Во время секса, во время моего изнасилования (прошли годы, прежде чем я понял, что она делала со мной), у меня произошло раздвоение личности. Моя душа перенеслась в тело девочки и в какой-то момент осталась в нем, даже спустя некоторое время после того, как мать оставила меня в покое. Я не хотел больше быть опозоренным юношей, а хотел превратиться в девочку, которую моя мать всегда желала и которой не пришлось бы пережить все это, если бы я появился на свет в правильном теле.

Через четыре дня после того, как мне исполнилось восемнадцать лет, мой отец продал свою фирму, а вскоре он погиб вместе с моей матерью при аварии их личного реактивного самолета.

Благодаря тому богатству, которое они мне оставили, я первым делом оплатил операцию по изменению пола, за которую не взялся бы ни один ответственный хирург. Но я дал взятку психиатру, который готовил заключение о моем психическом здоровье и засвидетельствовал в нем мое абсолютно здоровое душевное состояние. После этого он внес существенные изменения в свое заключение. Как и ожидалось, изменение моего тела не уменьшило мои душевные страдания. Без пениса, со сломанными и вновь выправленными скулами, с феминизированным носом и маленькими грудями я чувствовал себя еще более мерзко, чем в руках своей матери.

Совершенно случайно на одном из чатов самоубийц, где я искал

подходящие способы самоубийства, я наткнулся на тринадцатилетнюю девочку, с которой случилось похожее несчастье, что и со мной, и страдания которой все еще продолжались. Ее мать заставляла несчастную мастурбировать у нее на глазах.

Она написала мне, что их семья собирается отправиться в морской круиз и что она планирует во время плавания покончить жизнь самоубийством. Только благодаря этой девочке я понял, в чем заключалась наша ошибка.

Почему мы, жертвы, должны убивать себя, а настоящие преступники остаются в живых?

Это случилось десять лет тому назад.

Я нанялся горничной на круизный лайнер, за борт которого девочка собиралась броситься, и позаботился о том, чтобы она пережила это плавание. В отличие от ее матери. Это была моя первая жертва из небольшой серии».

Елена положила руку на предплечье Мартина и попросила его читать помедленнее. С каждой строчкой он непроизвольно читал все быстрее.

– «Поначалу я довольствовался тем, что усыплял своих жертв и выбрасывал за борт. Однако с годами я усовершенствовал свою систему. Обладая здоровым интеллектом и достаточными финансовыми возможностями, я купил форум самоубийц под названием Easyexit, который – пусть и случайно – наставил меня на правильный путь. Со временем у него появились филиалы во всем мире, соответствующую веб-страницу можно найти в тридцати двух странах. Просто невероятно, скольким людям на этой планете осточертела жизнь. Их миллионы.

И среди них я нахожу своих клиентов. Я действую очень осмотрительно. Когда я узнаю, что ребенок (все равно кто, девочка или мальчик) подвергается сексуальному насилию со стороны своих родителей, через принадлежащую мне самому сеть туристических агентств, носящих название «Кверки трэвел», я заказываю билеты на круизный лайнер для ребенка и его родителей, которые, разумеется, ничего не знают о своем «счастье». Поэтому я маскирую поездку под выигрыш в лотерею. Это срабатывает лишь в редких случаях, так как большинство людей реагирует недоверчиво, если кто-то хочет им что-то подарить, отчего до сих пор моя доля успеха очень невелика.

Правда, однажды в случае с семьей из Германии все получилось совершенно случайно».

Мартин запнулся. Прокрутил изображение на экране ноутбука назад, затем снова вперед, но нигде не нашел указания на то, как следует

понимать это предложение.

– Почему вы остановились? – спросила Елена. – Там говорится что-то о вашей жене и о вашем сыне?

– К сожалению, нет, – прошептал Мартин.

Или к счастью.

Он откашлялся и продолжил чтение:

– «Между тем на форуме Easyexit пошли толки о том, что существует некое туристическое бюро, которое организует последнее путешествие для людей, которые не заслужили лучшей участи. Очевидно, именно по этой причине Джастин Ламар связался со мной. Кажется, твой свекор тебя не очень-то любит, я прав? Он взял на себя расходы на вашу поездку. И он заплатил мне еще комиссионные сверх установленного тарифа, чтобы в случае с тобой я действовал не по обычной программе, а заставил тебя страдать за твои грязные дела. Что здесь, на «Султане», с его «Голубой полкой» и свободными каютами, не представляло для меня никакой проблемы.

Но чтобы мы поняли друг друга правильно, Наоми, расставим все точки над «i».

Я никогда не подмешивал в твою пищу личинок ленточного червя. А то, что ты посчитала постельными клопами, были безобидные тараканы. Я хотел отравить не твое тело, а твое сознание. Так, как это сделала моя мать, не применяя ко мне физического насилия, но тем не менее заразив меня вирусом, который разъел меня изнутри. Так же как и Анук, которой я был матерью все последние недели, все еще разъедается изнутри тем злом, которое ты причинила ей. И теперь в этом сознаешься».

Мартин оторвался от экрана. Елена смотрела на него, открыв рот.

– Анук тоже была…

Вот круг и замкнулся. Теперь все это безумие приобретает смысл.

Мартин энергично кивнул и перескочил на конец текста. На признание Наоми.

Глава 65

Больше всего на свете Юлия боялась, что потеряла рассудок. Или, хуже того, что ей только приснилось, что Лиза открыла балконную дверь и теперь стояла перед ней. Если сейчас она проснется в каюте Даниэля, все еще находясь под воздействием успокаивающих средств, которые он навязал ей, и если ее дочь во второй раз растворится в воздухе, она не сможет пережить ту боль, которую почувствует, окончательно очнувшись от сна. В этом Юлия была абсолютно уверена.

Во время погребения ее матери священник сказал, что родители умирают только тогда, когда дети перестают о них думать. Он забыл упомянуть обратную ситуацию, при которой родители умирают в душе, когда у них не остается ничего другого, как только вспоминать о своих детях.

Правда, стоявшая перед ней Лиза, кажется, не была миражом. А если бы и была, то фата-моргана, приказавшая ей войти в каюту и сесть в кресло рядом с кроватью, оказалась удивительно реалистичной.

– Ну, наконец-то ты появилась. Я уже целый день жду тебя.

На Лизе было черное платье с корсетом, и она стояла на некотором удалении от телевизора, как раз в том месте, где сидела на корточках уборщица, у которой шла кровь изо рта. В тот раз Юлия испугалась гораздо меньше, чем теперь при виде своей дочери. Лиза выглядела так, словно красилась в темноте и при сильном волнении моря. Потекшая пудра и слишком толстый слой туши для ресниц и бровей обезобразили ее бледное лицо. В правой руке она держала длинную отвертку.

Юлия смотрела на свою дочь как на привидение, которым она в принципе и являлась, и смогла вымолвить только одно слово:

– Почему?

Почему ты еще жива?

Почему ты так поступила со мной?

Лицо Лизы исказилось подобием улыбки.

– Ты этого не знаешь?

Ее голос был безжалостно холодным. Жестоким. Таким же, как и ее взгляд.

– Это ты все разрушила, – сказала она.

– Что, любимая? Что я разрушила?

Не в силах больше сдерживаться, Лиза закричала на нее:

– Он принадлежал мне! Я первой добилась его.

Он? О ком она говорит?

– Я… мне очень жаль, но я ничего не понимаю, что…

Лиза прервала бессвязный лепет Юлии и закричала:

– Мы любили друг друга. А ты… ты же хотела только ТРАХАТЬ Тома!

– Тома?

В этот момент на лице Юлии появилось выражение крайнего изумления. Ее челюсть отвисла. И она никак не могла снова закрыть рот.

– Не смотри на меня с таким дурацким выражением лица. Он был моим первым мужчиной. – Вульгарным жестом Лиза схватилась за промежность. – Он лишил меня девственности, мамочка. Мы хотели навсегда остаться вместе. Но тут появилась ты.

– Том?

Том Шиви?

– Тебе было мало того, что ты лишила меня отца? Тебе захотелось украсть и любовь всей моей жизни?

– Твой школьный наставник… мужчина, с которым я завела интрижку, Том Шиви тебя…

…изнасиловал?

Лиза сделала шаг вперед. В зеркале Юлия увидела, что ее высокие ботинки на шнуровке не были зашнурованы. Шнурки свободно болтались.

– Любил. О да. Мы хотели пожениться. Он сказал мне, что я гораздо более зрелая, чем все остальные.

– Но радость моя, малышка…

Юлия попыталась встать, но Лиза, угрожая отверткой, заставила ее снова опуститься в кресло.

– Только не рассказывай мне, что это была не твоя вина. Я собственными глазами видела, как ты принаряжалась и прихорашивалась. Как дешевая проститутка. Ты ходила на родительские собрания только для того, чтобы повеситься ему на шею. Ты была готова пойти в школу в одном нижнем белье, не так ли? – Она с презрением посмотрела на Юлию и показала сначала на ее трусики, а потом и на бюстгальтер. – Проклятье, если бы ты только знала, как несчастна я была! – Лиза сдула со лба прядь волос. – Ты не заметила, что я не могла даже есть? Что я носила только черные шмотки? И прогуливала школу со своими новыми друзьями? Нет, ты ничего не поняла. Ты обращала внимание только на своего Тома.

Ты ошибаешься. О господи, любимая. Ты ошибаешься.

– Послушай меня, Лиза, – начала Юлия. – Я понимаю, почему ты так разозлилась. Но то, что твой школьный наставник сделал с тобой…

– Даже не пытайся оправдаться, – снова прервала ее Лиза. – Кверки сказала, что ты попытаешься меня одурачить.

Кверки?

– Минутку, я думала, это твой друг?

На этот раз Лизе удалось рассмеяться. Уничижительно и цинично.

– Кверки – это она. Да, вот так-то, что скажешь, мамочка? Раньше я тоже не знала этого. Я познакомилась с ней в Интернете. На одном из форумов самоубийц.

– Милосердное небо! Лиза…

– Дерьмо, я хотела покончить жизнь самоубийством, когда из-за тебя Том порвал со мной.

При этих словах из глаз Юлии брызнули слезы.

– Мне очень жаль, но я не знала…

– Но Кверки открыла мне глаза. – Лиза сделала колющее движение отверткой в сторону Юлии. – Это не я заслужила наказание, а ты.

– И поэтому ты инсценировала свое самоубийство?

Чтобы перепугать меня до смерти?

– Ты должна была на собственной шкуре почувствовать, что мне пришлось пережить. Что это значит – потерять самого любимого человека в жизни. – Лиза самодовольно усмехнулась. – Это было частью моего плана. Я его разработала вместе с Кверки. Боже мой, какая же хладнокровная эта женщина. Она работает здесь, на корабле. Она повесила в мой шкаф униформу горничной и перепрограммировала ключ от моей каюты таким образом, что я могла свободно перемещаться по всему лайнеру, даже по жилой палубе, где находятся кубрики экипажа. Именно там я и пряталась прошлой ночью.

«Вот почему этот Мартин Шварц видел ее там внизу», – вспомнила Юлия. Наверняка так оно и было, когда, готовясь к этому безумию, Лиза искала место, где можно было спрятаться.

– Действительно, Кверки подумала обо всем. Она взяла на себя даже расходы на поездку, чтобы мы смогли заманить тебя на борт «Султана».

Боже милостивый!

Несмотря на угрозы со стороны дочери, Юлия не могла больше сидеть в кресле. Она встала и сделала шаг по направлению к Лизе, которая держала теперь отвертку как кинжал.

– Что ты намерена делать? – спросила она и посмотрела Лизе прямо в глаза.

Ее дочь без труда выдержала этот пристальный взгляд.

– Сейчас ты это увидишь, мамочка, – с кривой усмешкой сказала

Лиза. – Сейчас ты увидишь.

Глава 66

Последнее признание Наоми Ламар состояло всего лишь из трех предложений:

«Самое ужасное, что я совершила в своей жизни, заключалось в том, что я заставляла свою дочь заниматься сексом с взрослыми мужчинами».

Мартин услышал, как Елена с шумом втянула воздух.

«У меня нет никаких оправданий за то, что я сделала, – продолжил чтение Мартин, – не извиняет меня даже то обстоятельство, что к тому времени, когда это началось, я употребляла сильные наркотики, которые разрушали мою и без того неустойчивую психику. И тот факт, что я прекратила их принимать, когда одна из групп мужчин, которым я передала свою дочь, изнасиловали ее так жестоко, что нанесенные ей травмы, по-видимому, останутся у нее на всю жизнь. Я заслужила смерть».

– Боже милосердный, вот откуда у малышки такие ужасные травмы! – просипела Елена, после того как он прочел последнее предложение.

Мартин кивнул. А они подумали, что насильник все еще находится на борту судна. В действительности оказалось, что Анук зверски изнасиловали еще до отплытия «Султана» – и это было сделано по распоряжению ее матери! Травмы были нанесены ей не на корабле, а еще дома.

– Теперь все становится понятно, – прошептал Мартин.

Он посмотрел Елене в глаза. В них вспыхнул гнев. И она поняла, почему Анук толкнула свою мать в бездну.

Нет, не свою мать. *А свою насильницу!*

Шахла это не написала, но все говорило о том, что она хотела не *похитить* Анук, а скорее *освободить* от ее матери. Возможно, они смогут найти на нижней палубе убежище, находящееся недалеко от «Голубой полки», то место, в котором последние два месяца Анук могла более или менее свободно перемещаться. Пока он еще не понял, что Анук и Шахла потеряли в ту ночь в коридоре рядом с «гнездышком», когда капитан обнаружил их, а Герлинда Добковиц сфотографировала. Зато теперь стало ясно, почему Анук все это время не хотела говорить, хотя точно знала, кто ее похитил и где находилась ее мать. А фонарик с ультрафиолетовой лампой был нужен ей для того, чтобы и без горничной по невидимым меткам найти дорогу к Наоми. Чтобы мучить ее, чтобы наблюдать и просто радоваться ее мучениям. Или чтобы убить ее, что она в конце концов и

сделала.

– Мы должны рассказать об этом Даниэлю, – сказала Елена и взяла телефон Мартина, лежавший на столе.

Она держала мобильник в руке, когда тот неожиданно завибрировал.

Глава 67

Мартин ответил звонившему, нажав на сенсорный экран своего смартфона, и изображение Сталина исчезло с экрана.

– Дизель? – спросил он.

– Ты можешь называть меня и Эдвардом Сноуденом.

Палец Мартина на мгновение задержался над символом, с помощью которого можно было прервать разговор.

– Послушай, сейчас я не могу говорить. Тут у нас настоящий ад, и…

– Я только что взломал Лизин аккаунт в «Фейсбуке», – невозмутимо перебил его Дизель.

Мартин не стал терять время, чтобы узнать, как это ему удалось. Он знал, что в круг друзей главного редактора входили не только специалисты по нанесению татуировок и пироманы, но и высококлассные программисты, снабжавшие его новейшими версиями взломанных ими компьютерных игр.

– И?..

– И натолкнулся на интересную переписку с человеком по имени Том Шиви.

– Кто это такой? – поинтересовался Мартин. Он включил громкую связь, чтобы и Елена могла слышать их разговор.

– Ее школьный наставник. Очевидно, она спала с ним.

Докторша нахмурила лоб. При этом обезображенная половина ее лица осталась совершенно неподвижной.

– Разве этой Лизе не исполнилось только что пятнадцать лет? – спросил Мартин.

– Совершенно верно. Более того! У этого наставника было что-то и с ее матерью.

Мартин и Елена удивленно переглянулись.

– С Юлией Штиллер? – уточнил Мартин.

– А сколько еще матерей может быть у нее? – Казалось, что Дизель жует жвачку, так как его слова сопровождались неприятным чавканьем. – А теперь самое интересное. Надеюсь, ты пристегнут?

– Что?

– Видео, которое я должен был поискать на сайте isharerumors…

– Оно подлинное? – Мартин буквально впился глазами в дисплей смартфона, словно мог взглядом выжать из него ответ.

– Да. Выглядит как настоящее. Угадай с трех раз, кто тот мужчина в машине.

Мартин помедлил. Он никак не мог решиться озвучить возникшее у него подозрение.

– Неужели этот Шиви?

Дизель изобразил звук фанфар и тут же сообщил следующую новость, которая произвела на Мартина впечатление разорвавшейся бомбы:

– Бинго. Лиза по уши влюбилась в этого засранца. В ее глазах ее мать дешевая проститутка, которая увела у нее сказочного принца. Чтобы вновь завоевать Тома, она пообещала этому проходимцу, что будет вести себя тоже как проститутка, если это так ему нравится. И этот мешок дерьма сразу же согласился. Разыграл с девчонкой извращенную ролевую игру, в ходе которой она должна была выйти на панель для малолетних проституток на Фробенштрассе и сесть к нему в машину.

– А как же это видео попало в Сеть? – спросил Мартин.

– Держись крепче за стул, сейчас будет самое интересное: Лиза сама выложила его в Сеть. Да, это не шутка. Об этом же говорится и в ее переписке по электронной почте. Когда и после этой игры в проститутку Том не захотел вернуться к ней, тогда она в приступе отчаяния выложила видео в Сеть и пригрозила Тому, что заложит и его. Но ее угрозы не тронули эту сволочь, ведь его лица не было видно на пленке. Когда стали поступать злые комментарии, Лиза изменила стратегию и попыталась шантажировать это собачье отродье своим самоубийством. Перед тем как отправиться в круиз, она послала Тому последнее электронное сообщение, в котором грозилась броситься за борт, если он не вернется к ней. Очевидно, этот Шиви испугался. Среди исходящих писем его электронной почты нашлось сообщение, вместе с которым он переслал видео Юлии, вероятно, чтобы предупредить ее. Видимо, он не хотел быть виновным в ее смерти. Но от этого вся история не стала выглядеть лучше, если ты хочешь знать мое мнение. – Дизель понизил голос, словно находился не один в своем кабинете, и сказал заговорщицким тоном: – Если у тебя есть на примете человек, для кого не проблема ухватиться за мужские гениталии, может быть, послать его к Шиви домой с мощным электрогайковертом. Это я так просто, в качестве предложения.

Мартин наблюдал за тем, как Елена передвинула его смартфон поближе к себе.

– Вы уверены на сто процентов? – спросила она.

– А это еще кто там у тебя? – удивился Дизель. – Звучит как дракон, у которого начал ломаться голос.

– Я Елена Бек, лечащий врач Анук Ламар. – Елена старалась говорить как можно четче. – Послушайте, очень важно, чтобы вы ответили на мой вопрос: насколько надежна информация, касающаяся школьного наставника Лизы?

– Так же надежна, как если бы вы одновременно приняли противозачаточные пилюли и воспользовались презервативом, мое сокровище.

Докторша вскочила со своего стула. Всю усталость с нее словно ветром сдуло.

– Нам надо идти, – быстро сказала она и махнула рукой.

Мартин тоже встал из-за стола.

– Куда?

– К Юлии Штиллер. Мы должны найти ее.

Он покачал головой:

– Зачем? Чтобы сказать ей, что Лиза не только мертва, но и перед этим была изнасилована ее школьным наставником?

Елена посмотрела на него, словно он плохо соображал:

– Раскиньте мозгами, Мартин. Дочь была изнасилована, прежде чем она исчезла. О чем это вам напоминает?

О Шахле!

И о том, что она всегда расправлялась с матерями.

Юлия!

Неужели Шахла успела еще при жизни устроить ей смертельную ловушку, которая в этот момент захлопнулась?

Мартин отключил Дизеля, даже не попрощавшись с ним. Устремившись вслед за Еленой, он еще раз попытался дозвониться до Бонхёффера.

Глава 68

Лиза вспотела.

Из открытой балконной двери веял свежий бриз, однако ее дочь выглядела так, словно стояла в свете софитов. Ее тело реагировало на пламя безумия, которое бушевало у нее в душе. Пот стекал тонкой струйкой по ее щеке и собирался у ворота ее футболки с короткими рукавами.

– Я пыталась вернуть Тома, – объяснила она своей матери. – Я ему звонила по телефону, посылала сообщения по электронной почте, бомбардировала его письмами через «Фейсбук» и «Вотс Ап». Я даже ходила к нему на прием, когда он изо дня в день отказывался встретиться со мной. Еще один раз мне все-таки удалось затащить его в постель.

Мечтательная улыбка, появившаяся на лице Лизы, потрясла Юлию так же сильно, как и смысл сказанного.

– Ты говоришь о том времени, когда у меня… *была интрижка с Томом*?

Улыбка на лице ее дочери сменилась каменным выражением лица.

– Но для Тома это уже не имело никакого значения. Он сказал, что хотя со мной секс и был лучше, но он может представить себе близкие отношения только с тобой.

Ах, господи!

Юлия на секунду прикрыла глаза.

Мнимое самоубийство Лизы. Ее воскресение. Ненависть в ее голосе.

Она не смогла бы с уверенностью сказать, сколько ударов судьбы сможет еще вынести. Юлия растерянно посмотрела на руку дочери, крепко сжимавшую отвертку, заметила на серебристом металле отражение лучей низко висевшего над водой, медленно заходившего солнца и тихим голосом ласково спросила Лизу:

– Что ты собираешься делать, милая?

– Вернуть себе Тома.

Лиза буквально выплевывала эти слова под ноги своей матери.

Именно в этот момент у Юлии возникли сомнения в том, с кем она только что говорила.

Стоявшая перед ней девушка с затравленным взглядом и подергивающимися уголками рта уже не была ее дочерью. В подлинном смысле этого слова Лиза была *погружена* в свои навязчивые мысли.

Однажды Юлия где-то читала, что любовные муки наряду с печалью

могут нанести тяжелейшие душевные раны. Очевидно, и такие, которые не излечиваются сами собой.

– Лиза, если кто и виноват в твоем горе, так это Том. Он никогда бы…

– Бла-бла-бла… Не пори чушь. Теперь ты хочешь все свалить на него одного, да?

Юлия охотнее всего крикнула бы «Да!» и, если бы этот мерзавец был здесь, схватила бы его за яйца и выбросила за борт, однако, поскольку Том Шиви был от нее так же далек, как и здравая мысль от Лизиного рассудка, она лишь покачала головой.

– Нет, это не только его вина, – сказала она примирительно.

Юлия не была психологом, но и она поняла, что в ее дочери что-то надломилось, что было невозможно склеить логикой.

– Значит, ты признаешь, что заслужила мой план? – торжествующе спросила Лиза.

– Какой план?

– Который я состряпала вместе с Кверки.

На мгновение темное облачко затуманило взор Лизы. Казалось, что ей в голову только что пришла неприятная мысль.

– Это ты украла записи из моего сейфа? – угрожающим тоном спросила она.

– Что? – Юлия ничего не понимала. С таким же успехом ее дочь могла насвистеть какую-нибудь мелодию, а потом спросить, что это за песня. – О чем ты говоришь? Какие записи?

Лиза отмахнулась, как от назойливой мухи, словно то, что она спросила, не имело больше никакого значения.

– Я сказала Кверки, что это ты заставила меня выйти на панель, – сказала она и грязно рассмеялась.

Бум!

Еще одна граната безумия, которую ее дочь метнула в ее сторону. И с каждым разом она целилась все лучше.

– Что? Скажи, ради бога, зачем ты это сделала? – спросила Юлия.

– Потому что в противном случае она бы не помогла мне. Она помогает только тем детям, которые подверглись сексуальному насилию. Поэтому я немного приврала. А в качестве доказательства того, что против моей воли меня заставляют заниматься сексом с незнакомыми мужчинами, я послала ей видео.

Юлия на мгновение прикрыла глаза. В те доли секунды, когда ее глаза оставались закрытыми, перед ее внутренним взором промелькнули обрывки воспоминаний: она увидела затылок дочери, склонившейся над

коленями сладострастно постанывающего мужчины, у которого теперь было имя: *Том!*

– То видео, на котором я сделала ему одолжение и сыграла тебя.

– Меня?

– Грязную потаскуху.

Юлия представила себе картину, как Лиза берет деньги у клиента.

О'кей. Стоп.

Так дальше продолжаться не может. Она сделала еще один шаг по направлению к Лизе. Теперь она находилась от дочери на расстоянии двух вытянутых рук.

– Посмотри мне в глаза, Лиза. Я знаю, что наделала много ошибок в своей жизни. Меня не было рядом с тобой, когда твой отец оставил нас. Я слишком плохо заботилась о тебе, когда у тебя начался переходный возраст. И, да, признаюсь, я переспала с твоим наставником. Но я прекратила наши отношения.

– Ты лжешь. – Лиза покрутила пальцем у виска.

– Нет. Это правда, малыш. Я сделала это, даже не зная, что было между вами…

– Есть. Что между нами ЕСТЬ!

– Хорошо, хорошо! – Юлия примирительно подняла вверх обе руки. – Даже не зная о ваших отношениях, я заметила, что Том…

– Не смей больше называть его имя!

– …что он не тот, кто мне нужен.

– Ха! – Лиза презрительно плюнула в ее сторону. Теперь пот струился уже и с ее бровей. – Ты считаешь себя достойной лучшей партии? А он понадобился тебе только для одноразового употребления?

Юлия закрыла глаза. Все было бесполезно. С таким же успехом она могла бы просить океан больше не шуметь. Юлия разозлилась. Но не на Лизу, которая явно уже не владела собой и которую нужно было срочно показать специалисту. А на Тома, который злоупотребил своим положением школьного наставника, разрушил чувствительную душу девочки-подростка, находящейся в стадии полового созревания, и ввел в заблуждение ее саму. Ее необузданная ярость так быстро вырвалась наружу, что Юлия уже не могла больше контролировать свои слова.

– Итак, прекрасно. Я виновата! – бросила она в лицо Лизе. – Я увела у тебя Тома. Я заслужила такое отношение ко мне с твоей стороны, когда своим мнимым самоубийством ты перепугала меня до смерти. Но все это не поможет тебе вернуть этого мерзкого ублюдка, который лишь использует тебя…

– Хааааааааааааа…

С криком, напоминающим боевой клич индейцев, Лиза, словно обезумев, прыгнула вперед с отверткой в руке.

И нанесла ею колющий удар.

Глава 69

– Пожалуйста, я умоляю вас. Возможно, еще не слишком поздно.

Бонхёффер сложил руки, словно Тиаго был богом, которого он просил внять его молитвам.

– Если верно то, что Лиза написала здесь, то это означает, что девушка еще находится на корабле. Чего доброго, именно в эту минуту она занята тем, что приводит в исполнение последнюю часть своего плана.

Тиаго, который вот уже целых двадцать минут не давал капитану себя уговорить, поскреб густую щетину на подбородке и, примирившись с судьбой, покачал головой:

– Один раз я уже чуть было не издох. Мой желудок подсказывает мне, что если я вас сейчас отпущу, то наверняка погибну.

В сердцах капитан хватил кулаком по столу, за которым был вынужден сидеть все это время.

– Но ради всего святого скажите, что вы хотите от меня? Удерживать меня здесь до прибытия в Нью-Йорк?

– Нет. – Тиаго уставился на Бонхёффера с таким видом, словно ему только что пришла в голову хорошая идея. – Позвоните в береговую охрану Соединенных Штатов. В пограничное управление или в ФБР. Мне все равно. Я хочу поговорить с ними и описать им мое положение.

Совершенно ошарашенный Бонхёффер растерянно посмотрел на него:

– Это и есть ваше требование? Которое только что пришло вам в голову?

Тиаго с виноватым видом кивнул:

– Я боюсь. Я не могу ясно мыслить, когда трясусь от страха.

Бонхёффер вздохнул. Во рту у него пересохло. Он так много говорил в последнее время, что теперь чувствовал плохой запах изо рта.

– О’кей, хорошо. Заключим сделку, Тиаго. Вы позволите мне сделать два телефонных звонка. Первым звонком я прикажу остановить корабль. Вторым звонком я постараюсь дозвониться до Юлии Штиллер. Как только это произойдет, мы вместе с вами связываемся с официальными инстанциями и информируем их обо всем. И последнее: отдайте же мне, наконец, ваш проклятый револьвер. Ну как, устраивают вас такие условия?

– Хуже и быть не может, – сказал Тиаго и показал дулом револьвера на телефон Бонхёффера. – Но один раз я и так уже слишком долго колебался.

Бонхёффер кивнул и поспешно схватил свой мобильник.

– Молите Бога, чтобы это не произошло с вами во второй раз.

Глава 70

Мартин буквально вломился в дверь. Во время своего бега из «Адской кухни» по палубе для служебного персонала и вверх по шести лестничным пролетам от палубы А до пятой пассажирской палубы океанского лайнера он оставил Елену далеко позади себя.

Он толкал женщин, перескакивал через маленьких детей, выбил поднос из рук официанта, доставлявшего заказ в номер, и заставил его отдать ему свой универсальный ключ. И тем не менее прибыл слишком поздно.

Так подумал он, когда увидел, как Лиза с отверткой в руке бросилась на свою мать, которая почему-то была голой или очень скудно одетой. Однако, к счастью, Лиза споткнулась, зацепившись шнурками своих высоких ботинок за ножку кровати. Это позволило Юлии выскочить на балкон, куда устремилась и ее дочь.

– Эй, Лиза! – задыхаясь от сумасшедшего бега, крикнул Мартин.

Лиза не слышала, как распахнулась дверь ее каюты. Однако на свое имя она прореагировала. Она медленно повернулась к нему.

В этот момент зазвонил телефон на ночном столике, но никто не обратил на него внимания.

– Кто вы такой? – спросила Лиза, не выпуская свою мать из вида. Порыв ветра разметал ее волосы, и они словно капюшоном закрыли ее лицо.

Мартин сразу обратил внимание на ее остекленевший взгляд и мгновенно оценил ситуацию. Лиза Штиллер пребывала в своего рода «альфа-модусе», в таком состоянии, находясь в котором она была способна реагировать только на самые сильные внешние раздражители. Голос ее разума был отключен, так же как и ее способность различать правоту и неправоту.

По всей вероятности, она страдала от диссоциативного расстройства психики. Если Дизель прав и ее учитель, пользуясь своим служебным положением, склонил ее к сексу, этот негативный опыт, подобно тлеющей спичке, разжег огромный пожар в ее чувствительной душе.

Очевидно, она винила свою мать в тех психических муках, которые, несомненно, испытывала. В течение недель, а может быть, и месяцев Юлия превратилась для дочери в главного врага. Мартин знал, что никакими аргументами не сможет вот так сразу удержать Лизу от задуманного. И

никакой правдой. Поэтому он решил применить хитрость и сказал:

– Я друг Кверки.

В яблочко!

В самую последнюю секунду он вспомнил имя, под которым Шахла поддерживала контакт со своими потенциальными клиентами на форуме Easyexit. Предположение Елены подтвердилось. Между Лизой и Шахлой действительно существовала связь. Выдав себя за сообщника Кверки, он привлек внимание Лизы. Правда, и внимание ее матери, которая уставилась на него, широко раскрыв глаза, и уже хотела открыть рот, но потом, к счастью, поймала его быстрый взгляд и правильно истолковала его, поняв, что ей лучше не вмешиваться.

– У Кверки нет друзей, – сказала Лиза, несколько сбитая с толку.

– Нет, есть. Я ее ассистент.

– Вы лжете.

– Нет, не лгу. Я пришел по ее поручению. Она говорит, что ты должна остановиться.

– Бред собачий.

– Нет, правда. Выполнение плана остановлено.

– Ах так? А почему же она сама не пришла сюда, чтобы сказать мне это?

– Потому что она…

Первым побуждением Мартина было сказать правду. «Потому что она мертва». Но это могло спровоцировать самую худшую из всех реакций. Лихорадочно подыскивая подходящий ответ, он сказал:

– Потому что в настоящий момент она…

– Здесь. Я здесь.

Вздрогнув от неожиданности, Мартин испуганно обернулся. В дверях каюты стояла Елена, такая же запыхавшаяся, как и он сам.

– Ты? – услышал Мартин голос Лизы у себя за спиной. Он снова повернулся лицом к девушке. – Ты Кверки?

– Да, – сказала Елена. – Мы познакомились с тобой на Easyexit.

– Но у тебя совсем другой голос.

– Это потому, что со мной произошел несчастный случай, – сказала Елена и показала на свое обезображенное лицо. – Должно пройти некоторое время, пока ко мне вернется мой прежний голос.

Докторша протиснулась мимо Мартина.

– Я получила для тебя сообщение от Тома.

– От моего друга? – Лицо Лизы прояснилось.

– Он говорит, что хочет снова быть с тобой.

– Правда?

– Да. Но при условии, что ты не причинишь вреда своей матери.

В глазах Лизы вспыхнуло недоверие. С этим Елена явно перегнула палку.

– Ты не Кверки.

– Эй, Лиза, подумай сама, откуда тогда я знаю о Томе и о видео, если бы ты сама не прислала его мне по электронной почте?

– Нет, ты лжешь. Спорим, что ты не знаешь моего псевдонима.

– Твоего… – Голос Елены дрогнул. Она судорожно сглотнула. Не только Мартин заметил эти явные признаки неуверенности.

– Назови мой псевдоним, под которым я зарегистрирована на Easyexit.

– Ты зарегистрирована под… – Елена повернулась к Мартину, словно прося его о помощи. – Твой псевдоним… – На неповрежденной стороне ее лица появились красные пятна.

– Забудь об этом, – презрительно сказала Лиза. – Ты не Кверки. И Том больше не хочет даже слышать обо мне. Ты не получала никакого сообщения от него.

Ее рука снова крепко сжала ручку отвертки.

– Брось ее! – сказал Мартин, стоявший всего лишь в двух шагах от нее.

Лиза бросила на него взгляд, полный ненависти:

– Считаешь, что у меня нет ни одного шанса против тебя, не так ли?

– Если ты собираешься кинуться с этим на свою мать… – Мартин покачал головой.

Еще минуту тому назад она могла бы серьезно ранить Юлию и выбросить за борт. Но теперь она могла бы лишь слегка оцарапать Юлию, прежде чем Мартин успеет вырвать из ее рук отвертку.

– Ну что же, значит, план провалился, – сказала Лиза, пожав плечами. Она повернулась к своей плачущей матери. – Ах, будьте счастливы с Томом, – сказала она и швырнула отвертку за борт.

Потом она прислонилась к перилам и камнем полетела вниз вместе с ограждением, крепление которого успела отвинтить отверткой за те часы, когда поджидала свою мать.

Глава 71

Две недели спустя
Отдел внутренних расследований
Берлин

Вентилятор кондиционера, который в эти дни был включен в режим обогрева, потрескивал, словно в нем застрял опавший лист, что было бы довольно странно ввиду того обстоятельства, что комната для проведения допросов находилась не менее чем в двух километрах от ближайшего дерева да к тому же была расположена в подвале, защищенном от подслушивания. Вероятнее всего, отчаянно гудевший ящик находился при последнем издыхании.

Мартин ожидал, что в любой момент может раздаться оглушительный треск и дряхлый аппарат, висевший под потолком, испустит дух.

В последние часы, которые он провел, будучи подключенным к детектору лжи, старый кондиционер лишь кое-как снабжал маленькую комнату теплым воздухом, который к тому же вонял жженой резиной.

– Не сделать ли нам перерыв? – спросила интервьюерша и откинулась на спинку вращающегося кресла. Она представилась ему как доктор Элизабет Кляйн. Говорят, она долгое время работала в Федеральной разведывательной службе и приобрела там славу эксперта по ведению допросов. Она специализировалась на допросах серийных убийц-психопатов. Правда, на первый взгляд она выглядела скорее как руководитель спиритуалистических курсов какой-нибудь эзотерической группы самопомощи: все предметы ее одежды радовали глаз всеми мыслимыми оттенками оранжевого цвета, от связанной своими руками кофточки до развевающейся юбки-брюк.

– Нет, – ответил Мартин и отцепил датчики с рук и груди. – Мы не будем делать перерыв, а закончим на этом.

Вопреки ожиданию доктор Кляйн кивнула.

– Значит ли это, что вам нечего нам больше сказать?

– Кроме того, что каждый, кто не согласен с моей версией произошедшего, может поцеловать меня в зад? – Мартин приложил палец к уголку рта и сделал вид, что размышляет. – Нет, – он покачал головой, – определенно нет.

Доктор Кляйн посмотрела на один из множества браслетов на ее

правом запястье, покрутила самый большой из них и кивнула. Когда она подняла голову и посмотрела на него, по выражению ее глаз было видно, что она хорошо понимает его.

«Пожалуйста, только не надо сочувствия. С сочувствием я сейчас не справлюсь».

Мартин откашлялся и поинтересовался, можно ли ему теперь встать. Доктор Кляйн вздохнула:

– Ну хорошо. Разумеется, внутреннее расследование закончится еще не скоро. Вы же сами знаете, как долго оно тянется, когда один из полицейских бывает втянут в преступление против жизни. – Она одарила его неким подобием улыбки. – Но уже сейчас я могу сказать, что ваши показания большей частью совпадают с тем, что мы узнали от капитана, судового врача и этого… – она полистала тоненькую папку, лежавшую перед ней на столе, – и этого Тиаго Альвареса, а также от Герлинды Добковиц.

– Отлично. – Мартин потер озябшие руки. – Ну а технику я тоже смог убедить?

Он показал на видеокамеру, прикрепленную к потолку, а потом на ноутбук, лежавший между ними, на котором детектор лжи записывал его жизненные функции во время дачи показаний.

Доктор Кляйн изобразила руками весы.

– Согласно показаниям полиграфа, вы говорили правду. Кроме…

Мартин удивленно поднял брови:

– Кроме чего?

Она долго пристально смотрела на него. Потом вытащила носовой платок из одного из множества карманов своей одежды, в котором Мартин так до конца и не разобрался, была ли это юбка-брюки или криво связанное платье.

Она громко высморкалась, встала из-за стола и подошла к видеокамере, затем отсоединила от нее кабель, который вел из стены комнаты прямо к аппарату.

– Давайте поговорим с глазу на глаз, герр Шварц.

Доктор Кляйн смотрела на него сверху вниз, как коршун, высматривающий свою добычу. Мартин скептически наблюдал за ней, в то время как она снова села за свой стол.

– Полиграф не показал заметных отклонений, – сказала она. – О многом, где вы сами не присутствовали, вы знали лишь понаслышке, так что в этих случаях оценка ваших ответов с помощью полиграфа и без того не имела никакого смысла. Правда, в одном месте… – Доктор повернула

ноутбук в его сторону. – Вот здесь вы начали потеть и ваш пульс участился. К тому же и без камеры я сама заметила самые разные микроэкспрессии, которые сигнализировали мне о неправде. – Она показала ему участок записи показаний датчиков, на котором волны выглядели как ЭКГ человека, находящегося в предынфарктном состоянии.

– Что я сказал в этом месте? – поинтересовался Мартин, хотя уже и сам догадался, о чем там шла речь.

– Отвечая на вопрос доктора Бек, вы сказали, что в записях Шахлы якобы ничего не нашли о судьбе вашего сына.

Мартин кивнул.

– Это была ложь, верно?

Он с трудом проглотил комок в горле, но не сказал ни слова.

– Герр Шварц, это никак не повлияет на мою оценку. На данный момент все выглядит так, что вы провинились лишь в самовольном невыходе на службу. Это интересует меня только в частном порядке: что вы узнали о судьбе Тимми и Нади?

Ах так? Зачем? Может быть, из-за жажды сенсации?

Он посмотрел в ее добрые, открытые глаза и понял, что был не прав в отношении ее.

– Видео, которое вам показал Бонхёффер. На котором видно, как они прыгают за борт, – упорствовала она. – Теперь вы знаете, почему там видно сначала большое, а потом маленькое облачко, верно?

Мартин коротко кивнул. Он узнал правду через три дня после смерти Шахлы, после того как «Султан» пришвартовался в Нью-Йорке и ФБР начало расследование. К этому времени люди Даниэля уже обнаружили вблизи «Голубой полки» тайное убежище, в котором горничная прятала Анук все последние недели и в котором находилась Лиза в ту ночь, когда инсценировала свое самоубийство. В похожем на контейнер помещении с голыми стенами, которое до прекращения эксплуатации «Голубой полки» использовалось для хранения металлов, пригодных для дальнейшей переработки, и другого сырья, они нашли матрас, ящик из-под бананов, который использовался в качестве ночного столика, и привинченную к стене металлическую полку, на которой лежали книги, детские игры, пазлы, мягкие игрушки и даже айпад, в памяти которого хранились кинофильмы, электронные книги и видеоигры.

Наряду с мультимедийным содержимым инженеры ФБР обнаружили в памяти браузера подключение к так называемому облачному или виртуальному серверу, на котором Шахла хранила личные документы. После того как им удалось декодировать зашифрованную систему защиты,

они наткнулись на запись в дневнике, сделанную в день смерти Тимми и Нади. Во время одного из перерывов между многочасовыми допросами руководивший расследованием агент ФБР предоставил Мартину возможность ознакомиться с выдержкой из этого дневника Шахлы.

Как и во время нынешнего внутреннего расследования, которым руководила доктор Кляйн, так и ФБР быстро поняло, что хотя Шварц и является важным свидетелем, но он может быть исключен из списка подозреваемых. Поэтому, так же как Юлии и Лизе Штиллер, ему разрешили вернуться в Германию с условием быть готовым при необходимости явиться для дачи дальнейших показаний. Предоставление возможности взглянуть на выдержку из дневника Шахлы было, вероятно, любезностью со стороны агента ФБР, руководившего расследованием, за то, что Мартин Шварц был не только их коллегой, но и активно сотрудничал с ФБР во время всего расследования.

В течение пяти минут Мартин снова и снова пробегал глазами по нескольким абзацам из дневника Шахлы, пока эти строчки навсегда не врезались в его память, так что даже теперь он мог наизусть процитировать их, потому что они всегда стояли перед его внутренним взором:

«Я часто думаю о том, было ли это случайностью или судьбой, которая помогла мне в случае с этой семьей из Германии. Во время ужина я хотела накрыть на стол и застала мать в ее каюте как раз в тот момент, когда она насиловала своего сына. Она лежала голой на нем и не успела скатиться с него, когда я вошла.

Это произошло пять лет тому назад. Ее звали Надя Шварц».

Мартин невольно рассмеялся, когда прочел это место в первый раз. Таковой оказалась парадоксальная реакция его рассудка, который, по идее, должен был заставить его закричать от ужаса. И сейчас он хорошо помнил о том, что тогда у него возникло такое ощущение, словно из носа хлынула кровь, но нос остался сухим, вместо этого в его голове раздался громкий писк, сменившийся затем двумя голосами. Один из них был низким, спокойным и приятным, он доверительно нашептывал ему в ухо, чтобы он не верил тому, что только что прочел. Что Шахла лгунья. Второй голос, пронзительный и хриплый, выкрикивал только одно-единственное слово:

Презерватив!

И Мартин вспомнил тот день, пять лет тому назад, перед морским круизом, перед его последней операцией, когда он вернулся домой с очередного совещания слишком рано. Он так и не узнал, кто был любовником его жены, который забыл презерватив в их двуспальной кровати.

Развернутый, но не использованный.

Но теперь все приобретало совсем другой смысл. И он вспомнил о том, как познакомился с Надей. В приемной скорой помощи, с синяком под глазом, который ей поставил ее друг. И не из ревности, как сказала Надя. А из-за того, что она действительно начала приставать к его сыну.

Мартин невольно подумал и о последнем разговоре с Тимми: «Ты не хочешь об этом говорить?»

Последняя беседа отца и сына, в которой первоначально речь не шла о двойке по математике или о его внезапно появившемся желании поспать подольше, и не о том, почему он вдруг не хотел больше заниматься теннисом.

Признаки сексуального насилия.

Что тогда Тимми ответил ему?

«Это из-за тебя. Потому что тебя слишком часто не бывает дома, и мама…»

…мама, которая увидела в своем маленьком сыне замену супругу? Так, как это делала мать Шахлы?

Низкий голос нашептывал, что он ошибается, думая так, но он звучал все тише.

И после того как Мартина в третий раз стошнило, хриплому голосу в его голове уже не нужно было громко кричать, чтобы убедить его в том, что Шахла лгала в своем дневнике. Ведь она никак не могла предполагать, что когда-нибудь ее записи попадут в его руки. Тем более что эти строки проливали свет на то, почему за бортом первой оказалась Надя.

А уж потом Тимми.

Так как Шахла писала:

«Я вышла из себя, когда застала мать с ее сыном. Не помня себя от ярости, я схватила первый попавшийся под руку предмет, а им оказалась тяжелая настольная лампа, и изо всех сил ударила ею женщину по голове. Она сразу же потеряла сознание, а может быть, уже тогда она была мертва. Ее сын бросился в ванную комнату и закрылся там на щеколду. Что мне оставалось делать? Ситуация казалась безвыходной. Если бы у меня не сдали нервы, я бы смогла организовать наказание в другое время и гораздо чище. А так мне пришлось немедленно избавиться от тела матери. К счастью, в ту ночь была плохая погода и сильное волнение на море. Кроме того, пароходная компания не была заинтересована в том, чтобы с помощью видеозаписи подтвердить версию насильственного преступления. Для имиджа круизной компании самоубийство гораздо лучше, чем присутствие на борту серийного убийцы. Поэтому я долго не колебалась и

выбросила фрау Шварц за борт. К сожалению, ее сын тем временем вышел из ванной и наблюдал за моими действиями. Когда он увидел, что его мать упала за борт, он пробежал мимо меня на балкон, перескочил через перила… и прыгнул вслед за ней».

Сначала большое облачко.

Потом маленькое.

Здесь, в комнате для допросов, Мартин с большим трудом удержался от того, чтобы не расплакаться, как это случилось с ним тогда, когда при чтении этой выдержки из дневника до него впервые дошел смысл событий, описанных Шахлой.

Тимми любил свою мать. Несмотря ни на что.

Подобно тому, как избитая жена не хочет, чтобы полиция арестовала ее мужа, так и любовь Тимми к своей матери и страх потерять ее оказались сильнее, чем отвращение к продолжению сексуальных домогательств.

У Мартина на глаза навернулись слезы, что не укрылось от внимания доктора Кляйн.

– Вы не хотите говорить об этом? – спросила она.

«Говорить о чем? – подумал он. – О том, что существуют такие матери, которые подвергают своих детей сексуальному насилию? И дети, которые любят своих родителей, несмотря ни на что? До самой смерти».

– Позвольте, я угадаю, – предложила доктор Кляйн. – Правда, которую вы теперь знаете, настолько ужасна, что ваша собственная жизнь стала вам безразлична.

– Так было и раньше.

– И это явилось причиной?

– Причиной чего?

– Что вы прыгнули вслед за Лизой.

Мартин прикрыл глаза.

На мгновение ему показалось, что он снова почувствовал удар о воду с высоты двадцати метров, при котором он вывихнул себе ногу. Елена наложила ему на ногу эластичную повязку, однако он и теперь все еще продолжал хромать.

Тогда у него было такое чувство, словно он прыгнул в котел с кипятком, так как вспененная вода, сомкнувшаяся над его головой, впилась в его тело тысячью иголок. Иголок изо льда, которые лишили его всех сил, едва он оказался во власти Атлантики.

– Я не думал об этом, – ответил Мартин, и, если бы в этот момент он был подключен к детектору лжи, тот зарегистрировал бы, что он говорил правду. Он просто прыгнул, это был рефлекс, а не осознанное решение.

Лизе досталось гораздо сильнее. При ударе о воду она сломала себе бедро и вывихнула левое плечо. К счастью, так как поэтому она кричала как резаная, едва ее голова показалась над поверхностью воды. Полный штиль, царивший на море, и то счастливое обстоятельство, что еще до этого капитан остановил судно, сделали ее спасение возможным.

– Вероятно, вы получите награду за спасение утопающего, – заметила доктор Кляйн.

– Надеюсь, это будет медаль, по крайней мере, ее можно будет использовать в качестве подставки под кружку пива, – проворчал Мартин. – Я не совершил ничего особенного.

Мысленно он снова ощутил вкус соленой воды, которой тогда вдоволь нахлебался, а позднее долго блевал.

– Вы пододвинули ближе к ней отломавшиеся перила, чтобы она могла держаться за них, пока к вам не подошли спасательные шлюпки.

Доктор Кляйн взяла руку Мартина и пожала ее. А он так и не понял, был ли этот жест ему неприятен, или ему следовало радоваться.

– Не знаю, была ли Лиза Штиллер рада этому, – сказал он и высвободил руку.

Если Мартина правильно информировали, Анук и Лиза находились в настоящее время в психиатрических лечебницах; одна на Манхэттене, а другая на окраине Берлина, где и Юлия Штиллер получала профессиональную помощь, чтобы справиться со страшным потрясением, пережитым ею на «Султане». Мартин надеялся, что они не станут слишком быстро напускать на детей врачей с их вопросами и пилюлями. Но далеко не каждый разделял его точку зрения, ведь он сам отдавал предпочтение телевизору и планшетникам, когда речь шла о том, чтобы освободить травмированных и психически больных людей из их мира иллюзий и теней.

– Теперь я могу идти? – спросил он и встал.

Доктор Кляйн кивнула и вытащила из кармана брюк свой мобильник.

– Да, конечно. Вызвать вам такси?

Мартин заставил себя доверительно улыбнуться и, поблагодарив, отказался.

Какой адрес пришлось бы ему назвать водителю такси? У него уже не осталось никаких целей в жизни.

Глава 72

Четыре недели спустя

Стрелка спидометра черного вэна, словно приклеенная, замерла у отметки сто сорок. Можно было подумать, что Крамер включил устройство поддержания заданной скорости, так называемый «темпомат», но Мартин знал, что командир группы захвата спецназа считал такие вспомогательные средства «устройствами для пенсионеров». В восьмидесятых он наверняка смеялся над рулевым управлением с усилителем привода и над автоматической коробкой передач, и если он когда-нибудь принимал участие в уличной демонстрации, то только в такой, на которой протестовали против обязанности пользоваться ремнями безопасности.

– Как насчет чашечки кофе? – спросил Мартин, когда на обочине мелькнул дорожный указатель автостоянки Михендорф.

Они ехали в той же самой машине, в которой он сидел в последний раз в Вестэнде возле виллы Приги, когда вырвал себе зуб. Кстати, ему уже давно было пора показаться врачу. Симпатичная женщина – стоматолог из клиники скорой помощи даже оставила ему сообщение на автоответчике, чтобы он не забыл заменить временный штифт на постоянный. Но с этим можно повременить. Проблему с зубом можно было пережить. Приняв три таблетки ибупрофена, он мог хорошо спать, иногда даже часа четыре, не просыпаясь. Эти болеутоляющие хорошо помогали и от головной боли. Во всяком случае, приступы, которые мучили его на корабле, теперь происходили все реже, особенно после того, как он досрочно прекратил принимать пилюли для постэкспозиционной профилактики.

– Никакого кофе. Мы и без того опаздываем, – решительно отрезал Крамер, при этом у них оставалось еще полных три часа до встречи на автостоянке у автострады на подъезде к Йене.

Мартин зевнул и повернул запястье наружу, чтобы можно было видеть артерию. И татуировку. Розу с восемнадцатью крохотными шипами. Это была русская тюремная татуировка. Знак того, что ее обладатель встретил свое совершеннолетие в тюрьме. Мартин наколол ее себе десять дней тому назад для проводимой сейчас операции. Они хотели внедриться в банду хорватских рокеров, которая собиралась прибрать к рукам бизнес привратников во всем Берлине. Кто контролирует двери клубов и дискотек, тот контролирует и сбыт наркотиков. Это был очень доходный бизнес, за

который шла жестокая борьба. На следующей неделе хорватская банда планировала устранить несколько швейцаров, а Мартин должен был предложить им свои услуги в качестве наемного убийцы.

– Не слишком ли свежей выглядит твоя татуировка? – спросил Крамер, который вновь уставился на почти безлюдную дорогу, после того как незадолго до этого бросил быстрый взгляд на розу.

– Я скажу, что решил освежить ее по такому случаю, – ответил Мартин. Он снова зевнул. Вчера ему так и не удалось поспать четыре часа. Скорее четыре минуты.

Они проехали мимо автостоянки, а тем самым упустили шанс выпить кофе. Мартин закрыл глаза и прислонил голову к вибрирующему стеклу.

– Эй, алефаллолефо, пролефоснилефись тылефы, илефидилефиолефот! – неожиданно услышал он голос Крамера у самого уха. Мартин повернулся к нему и увидел, что его начальник хихикает в свой двойной подбородок. Мартин, который не знал что и подумать об этой абракадабре, спросил Крамера, уж не хватил ли того удар.

– Тогда пусти лучше меня за руль.

– Не болтай ерунду, я чувствую себя отлично. Так сейчас разговаривает моя дочь.

Комиссар рассмеялся смехом гордого отца.

– Алефаллолефо, например, означает алло. – Он включил мигалку, чтобы обогнать ржавую колымагу, которая зависла в среднем ряду. – Это элементарно, – объяснил он Мартину, как будто тому был интересен дурацкий тайный язык, который выдумала дочь Крамера. – Все осенние каникулы Лотти тренировалась вместе со своей подругой, а теперь сводит с ума этим языком своих учителей. При этом принцип очень простой. Хочешь узнать, как это делается?

Мартин покачал головой, правда, это не остановило Крамера, и тот приступил к объяснению.

– После каждой гласной добавляется слог «леф», затем гласная повторяется еще раз. «Алефаллолефо, пролефоснилефись тылефы, илефидилефиолефот!» означает: «Алло, проснись ты – идиот!»

Расхохотавшись, Крамер хлопнул ладонью по рулю, словно отпустил самую удачную шутку года.

– Я понял, – сказал Мартин и затем добавил: – Залефас-ралефанелефец.

Крамер сразу перестал смеяться и, обидевшись, снова уставился на дорогу.

Неожиданно зазвонил мобильник Мартина. Номер звонившего не был

у него в контактах, но он показался ему знакомым, отчего Мартин решил ответить на звонок.

– Мартин? – начала разговор Герлинда Добковиц укоризненным тоном. – Что это за манеры? Я хочу сказать, что я понимаю вас и не корю за то, что вы не сделали мне предложение, хотя я все еще о-го-го, но вот так просто скакнуть за борт и после этого ни одного звонка, чтобы сообщить, что вы снова обсохли и находитесь на берегу, – это из ряда вон.

Он хотел сказать ей, что намеренно не хотел больше поддерживать контакт ни с кем, кто напоминал бы ему о «Султане» и о Тимми, и что собирается тотчас закончить разговор, но, как всегда, она не дала ему сказать и слова.

– Как бы там ни было, я лишь хотела звякнуть вам, чтобы сообщить, что закончила свой роман. Вы же, надеюсь, помните, «Круизный киллер».

– Отличное название, – сказал Мартин и подумал, как вежливо закончить разговор, чтобы не обидеть старую леди.

– Да, не правда ли? – самонадеянно согласилась она. – Хотя я считаю, что «Бермудская палуба» было бы еще лучше, но, кажется, моя вторая теория с тайной палубой и опытами над людьми не подтвердилась, хотя я еще не полностью отказалась от поисков потайного входа. Правда, и серийным убийцей-женщиной, орудующей в трюме круизного лайнера, не стоит пренебрегать, не так ли?

– У вас отличный нюх, фрау Добковиц, но…

– Если хотите, я пришлю вам по почте один экземпляр. Или завезу лично. В следующем месяце я буду в Берлине.

– Вы покидаете лайнер? – удивился Мартин.

– Конечно, а что вы еще хотели? Как только появится мой бестселлер, они все равно тотчас вышвырнут меня со своей посудины, как человека, поливающего грязью своих близких. Кроме того, и мне самой уже начинает надоедать здесь. Моя потребность в мертвецах и преступлениях полностью удовлетворена. Если я потеряю бдительность, то в этой суете однажды и меня могут выбросить за борт. Когда тебе уже стукнуло семьдесят восемь плюс пять, надо постепенно начинать вести более спокойный образ жизни.

– Семьдесят восемь плюс пять? – переспросил Мартин и нервно зажмурился. Его бросило в дрожь.

Герлинда украдкой хихикнула.

– В моем возрасте считают не только годы, но и месяцы, а еще лучше и дни, когда уже вскоре тебе предстоит отправиться в последний путь. Я хочу сказать, что черви пока еще не начинают пускать слюнки, когда я в своей коляске еду по лужайке, но…

Мартин пробормотал извинение, попрощался и отключил телефон, прежде чем Герлинда успела закончить предложение.

– Эй, что случилось? – поинтересовался Крамер, искоса наблюдавший за ним. – С тобой все в порядке?

Нет, не в порядке.

Мартин чувствовал, что сидит с открытым ртом, но у него были дела поважнее, чем думать о том, как ты выглядишь со стороны.

Слова Герлинды Добковиц о ее возрасте буквально выбили его из колеи. Черный вэн упорно держался в своем ряду, а у него из головы выскочила мысль, которую он хотел снова поймать. *Должен был* обязательно поймать. Что сказал Дизель про Анук Ламар?

«В пятом классе ее IQ, коэффициент интеллекта, составлял 135. […] И она заняла второе место в чемпионате страны по запоминанию материала».

Семьдесят восемь плюс пять.

Алефаллолефо!

– Остановись! – крикнул он Крамеру, который уже перестроился в правый ряд. – Выпусти меня.

– Здесь?

– Немедленно! – Мартин толкнул раздвижную дверь со стороны пассажира.

В салон ворвался ледяной ветер. Крамер выругался, но машина постепенно замедлила ход, приняла вправо и наконец остановилась на обочине.

– Ты срываешь всю операцию! – крикнул Крамер ему вслед, когда Мартин уже выпрыгнул из вэна. – Если ты и на этот раз смоешься без разрешения, то считай, что с карьерой покончено, ты, псих.

Мартин быстро обернулся и кивнул.

Он перебежал на противоположную сторону автобана, чтобы остановить какую-нибудь машину, чтобы она доставила его по кратчайшему пути назад в Берлин…

78 + 5

…чтобы в спокойной обстановке порыться в памяти своего мобильника: где-то в ней скрывалась истина…

Глава 73

Ему потребовалось четыре часа, чтобы добраться до дома. Еще тридцать минут ушло на то, чтобы снять копию беседы с Анук, которую он записал на свой смартфон на «Султане». И еще через два часа он почувствовал, что находится на пороге разгадки.

Мартин сидел в своей плохо проветренной квартире в старом доме за шатким кухонным столом, с которого ему пришлось сначала смахнуть локтем на пол целую стопку неоплаченных счетов, напоминаний об оплате долга и рекламных проспектов, чтобы освободить достаточно места для своей работы.

Перед ним лежали его мобильник и два листа бумаги формата А4. На одном листе он записал вопросы, которые задавал Анук во время второго посещения «Адской кухни». На другом листе были записаны ответы девочки, во всяком случае насколько он смог их запомнить, потому что Анук отвечала на них не устно, а записывала свои ответы на планшетнике, а он сейчас находился в руках ФБР, как и ноутбук Шахлы и ее айпад.

На листе с вопросами, лежавшем слева от него, Мартин записал следующее:

«1. Когда добрых два часа тому назад я был у тебя с доктором Бек, ты назвала мне одно имя, Анук. Ты можешь сейчас вспомнить, что это было за имя?

2. И вообще ты имеешь представление, где сейчас находишься?

3. Сколько тебе лет?»

Мартин взял свой мобильник и еще раз вернулся к нужному месту. Еще во время записи у него было такое чувство, что в поведении Анук что-то было не так, даже если принимать во внимание ее травму. Казалось, что ее ответы следовали какой-то определенной логике. Тогда Мартину показалось, что он слышит незнакомый иностранный или тайный язык.

Как язык, придуманный дочуркой Крамера.

Мартин еще раз прослушал третий вопрос.

«Сколько тебе лет?»

На записи был слышен сигнал, приглашающий пассажиров принять участие в занятиях по спасению утопающих в случае кораблекрушения, которые он тогда проигнорировал. Потом прошло некоторое время, пока он сформулировал свой четвертый вопрос:

«Боже мой, кто это только сделал с тобой?»

Мартин вспомнил, как обнаружил круглые следы от ожогов на животе Анук, возникшие в результате прижигания горящими сигаретами. Теперь он знал, что еще до круиза это сделали мужчины, которых Наоми оставила наедине со своей дочерью. Но тогда он решил, что это работа потенциального насильника, который все еще находился на корабле.

Согласно его записям, вопрос номер 4 был первым, на который ответила Анук, написавшая на экране планшетника его имя:

«Мартин».

Он снова взял в руки лист с вопросами.

«4. Боже мой, кто это только сделал с тобой?

5. Но ведь ты же знаешь, что я не злой человек, не так ли?»

Мартин, конечно, не мог слышать этого на записи, но он буквально видел перед собой Анук, как она прикрыла глаза и напряженно что-то считала на пальцах. А потом что-то записала на своем планшетнике. Тогда он принял это сначала за арифметическое задание, а позже посчитал указанием на якорную палубу: 11 + 3.

«Семьдесят восемь плюс пять» – так говорила Герлинда. Тем самым она натолкнула его на правильный путь.

Мартин взял листок с вопросами. Взглянул на позицию номер три:

«Сколько тебе лет?»

Взяв карандаш, записал под ним третий ответ Анук:

«11 + 3».

Затаив дыхание, он откинулся на спинку стула и так резко вскочил, что стул опрокинулся на пол.

Вот оно. Это же и есть решение. Структура.

Мартин знал, что находится на пороге раскрытия тайны, о существовании которой до сих пор даже и не задумывался. Все то безумие, которое он пережил на «Султане», просто не оставило ему времени задуматься над этими вещами. А когда он снова оказался на берегу, то печаль, разрывавшая его душу изнутри, помешала ему заметить важные вещи.

Помешала обнаружить истину.

Например, салфетка, смоченная в хлороформе.

Как она попала в каюту, которую занимали Надя и Тимми, если признание Шахлы соответствует истине?

Если горничная застала их врасплох «случайно», то зачем же она принесла с собой хлороформ?

Неожиданно Мартин ясно увидел несколько нестыковок во всей этой истории, несовпадений, которые он не подверг сомнению, злясь на самого

себя и на свою судьбу.

Он взял мобильник и набрал номер психиатрической клиники в Нью-Йорке, в которой лежала Анук. Елена, сопровождавшая девочку до Манхэттена, звонила ему оттуда. Ему было достаточно лишь нажать кнопку обратного вызова, чтобы дозвониться до коммутатора нью-йоркской клиники. Мартин представился как доктор Шварц, чтобы, как потенциального коллегу, его связали быстрее, тем не менее прошло добрых пятнадцать минут, прежде чем ему ответил лечащий врач Анук, доктор Сильва.

– Анук совсем не та, за которую мы ее принимаем, – пояснил он, судя по голосу, пожилому и сильно простуженному господину.

– Что вы хотите этим сказать? – удивился Сильва.

Мартин забегал кругами по своей кухне. Он был слишком возбужден, чтобы спокойно стоять на одном месте.

– Она не травмирована, по крайней мере не в той степени, в какой кажется.

– Не травмирована? – Сильва был возмущен. – Девочку сначала изнасиловали, а потом похитили.

Мартин на минутку остановился, чтобы разобраться со своими мыслями и не походить на сумасшедших пациентов, которых лечил его американский коллега.

– Вы уже имели дело с высокоодаренными детьми, доктор? – поинтересовался он. – Вы же знаете, что происходит, если к ним предъявляют заниженные требования. Такие способные дети начинают вести себя необычно. Одни становятся слишком тихими, другие перестают есть, впадают в депрессию, а некоторые, наоборот, становятся слишком шумными, агрессивными, а иногда даже жестокими. По отношению к другим или к себе самим.

– Я внимательно слушаю вас, – сказал доктор Сильва, когда Мартин на несколько секунд замолчал.

– Куда я клоню: я думаю, в течение нескольких месяцев Анук находится в стрессе из-за недооценки, из-за занижения требований, предъявляемых к ней. Конечно, она получила тяжелейшую травму из-за многократного группового изнасилования. Но не это заставило ее замолчать и раздирать себе кожу.

– А что же тогда? – спросил Сильва.

– Грубо говоря, ей было скучно.

– Простите, что вы сказали?

– Будучи в течение долгих месяцев запертой на корабле, сначала в

темнице без окон, а потом в карантинной палате, она не имела возможности раскрыться в соответствии со своими способностями. Даже психически здоровые люди с трудом выдерживают такое. А что же тогда должен был чувствовать гиперактивный, высокоодаренный ребенок? То, что она до крови расчесывала себе кожу, было выражением ее недооценки.

– Что еще указывает на это? – спросил Сильва.

– Код, – ответил Мартин. – Анук не смогла больше выдержать длительное бездействие и запрет Шахлы на общение с посторонними людьми. Поэтому она начала играть в придуманную ею игру и общаться со мной на тайном языке. Это была высокоинтеллектуальная игра. И мне пришлось нелегко, прежде чем я сумел расшифровать придуманный ею код. Чтобы им овладеть, нужно было иметь такую же великолепную память, как у нее самой.

– И как же функционировал этот тайный язык? – В голосе Сильвы появились нотки раздражения.

Мартин хорошо понимал его. Он бы и сам реагировал не менее недоверчиво, если бы невесть откуда взявшийся коллега из заокеанской страны неожиданно позвонил ему и начал читать лекцию.

– Вам тоже бросилось в глаза, что Анук никогда не отвечает на первые три вопроса? Ни в одном разговоре? – спросил он.

Последовала пауза. Когда Сильва вновь заговорил, по голосу чувствовалось, что он озадачен.

– К сожалению, я не вправе обсуждать результаты лечения наших пациентов с посторонними, – сказал он таким тоном, который не оставлял сомнения в том, что Мартин попал в самую точку.

Тогда, не скрывая волнения, он объяснил психиатру свою теорию:

– Такова разработанная Анук система. Она отвечает с задержкой во времени на три шага. Конкретно это означает…

– Что только после четвертого вопроса она дает ответ на вопрос, заданный первым?

– А после пятого отвечает на второй и так далее. Вы должны все ее ответы сдвигать на три позиции.

С торжествующим видом Мартин посмотрел сначала на листок с вопросами, а потом на лист с ответами. Теперь все приобретало вполне понятный смысл, если первый ответ Анук приложить к первому вопросу, ее второй ответ ко второму вопросу и так далее. Теперь он получил следующий результат:

1-й вопрос. Когда добрых два часа тому назад я был у тебя с доктором Бек, ты назвала мне одно имя, Анук. Ты можешь сейчас вспомнить, что это

было за имя?

1-й ответ. Мартин.

2-й вопрос. И вообще ты имеешь представление, где сейчас находишься?

2-й ответ. Анук рисует корабль.

3-й вопрос. Сколько тебе лет?

3-й ответ. 11 + 3.

4-й вопрос: Боже мой, кто это только сделал с тобой?

4-й ответ. Моя мама.

5-й вопрос: Но ведь ты же знаешь, что я не злой человек, не так ли?

5-й ответ.??? (предположительно, кивок в знак согласия).

Все было так однозначно, так логично. И легко, если знаешь систему. И все-таки, когда во время разговора с Сильвой Мартин добрался до шестого вопроса, у него возникло чувство, что он опять упустил из виду что-то элементарное.

– Это в высшей степени важная информация, уважаемый коллега, – услышал он голос американского психиатра. Затем последовали еще две фразы, но Мартин уже не слушал его.

Он схватил свой карандаш и сунул его себе в рот той стороной, где был ластик.

Во время той беседы он задал Анук девять вопросов. На пять из них она ответила в полном соответствии со своей системой. Но, как нарочно, шестой вопрос остался открытым.

«Ты можешь назвать мне имя того человека, у которого находилась все это время?»

Мартин снова уселся за кухонный стол и написал на листке с ответами «№ 6». Он почувствовал, как мурашки поползли у него от шеи вниз по спине и до самого копчика.

– Вы согласны со мной, коллега? – услышал он голос Сильвы и ответил утвердительно, хотя понятия не имел, о чем шла речь.

Шестой вопрос.

Перебирая в памяти события тех дней, он предположил, что после слов «Моя мама» Анук больше ничего не писала. Но теперь он уже не был так уверен в этом.

Мартин закрыл глаза и мысленно еще раз вернулся на борт ненавистного корабля. Снова оказался в «Адской кухне». Сказал устало выглядевшей Анук: «Есть ли что-нибудь такое, что я могу тебе принести?»

Он вспомнил о сигнале, призывавшем пассажиров принять участие в занятиях по спасению утопающих в случае кораблекрушения. Семь коротких, один длинный.

И тут он вспомнил.

Как Анук в последний раз взяла в руки свой планшетник.

«Ты можешь назвать мне имя того человека, у которого находилась все это время?»

И какое же имя она написала на экране, прежде чем снова отвернулась к стене и опять засунула большой палец себе в рот.

Этого не может быть.

Правда поразила его как удар ножом, который не сразил его насмерть, а заставил истекать кровью.

– Алло, коллега? Вы еще на связи? – спросил находившийся в нескольких тысячах километров от Берлина доктор Сильва, однако Мартин уже давно не мог его слышать.

Он оставил свой телефон на кухонном столе, чтобы собрать свои вещи. Ему предстояла дальняя дорога. Он должен был спешить. Он и так попусту потерял слишком много времени.

Глава 74

35 часов спустя
Доминиканская Республика

Двухэтажный дом песочного цвета типа испанской финки[2] находился всего лишь в двух шагах от полей для игры в поло в Каза-де-Кампос, в тупике, обрамленном кустами вечнозеленого падуба, или остролиста. У этой финки была гонтовая крыша, которая словно козырек нависала над входом, опираясь на две белые колонны.

Она мало чем отличалась от других ухоженных загородных домиков, которые принадлежали здесь почти исключительно иностранцам, только была значительно меньше, чем виллы богачей и видных деятелей, которые занимали лучшие места в пяти минутах езды от города и порта Ла-Романа прямо у пляжа или вокруг площадки для игры в гольф.

Сейчас было два часа дня, самое жаркое время суток. На небе не было видно ни облачка, которое могло бы помешать солнцу нагревать влажный, душный воздух на суше до тридцати шести градусов.

Мартин вышел из своей оснащенной кондиционером малолитражки, которую еще утром взял напрокат в аэропорту, и сразу же вспотел. На нем были короткие шорты цвета хаки и просторная льняная рубашка, а к ним темные солнечные очки. Со своей белоснежной кожей он выглядел сейчас как типичный турист в первую неделю отпуска. На голову, покрытую отросшей щетиной, он надел только что купленную бейсболку, которой был специально придан поношенный вид.

Он осмотрелся и распахнул рубашку на груди. Не прошло и двадцати секунд, как она приклеилась к его телу, словно резиновая перчатка.

В этот час на улице не было видно ни одного здравомыслящего человека, который добровольно покинул бы свое жилище с кондиционером.

Никто не видел, как он, прихрамывая, ковылял по свежеподстриженному газону (из-за дальнего перелета его ступня снова распухла) вокруг финки к тыльной стороне дома, где находился обязательный бассейн, на поверхности которого плавали иглы пинии.

К земельному участку примыкал район новостроек, так что и с этой стороны не было никого, кто мог бы видеть, как Мартин осмотрел заднюю дверь в поисках скрытых кабелей и камер видеонаблюдения и перочинным ножом открыл замок, после того как убедился, что не раздастся сигнал

тревоги.

Мартин думал, что ему понадобится гораздо больше времени, чтобы узнать нужный адрес, но уже через час он нашел в порту водителя такси, который опознал человека на фотографии. А за двести долларов США сообщил, куда регулярно возил эту личность, когда корабль прибывал в порт Ла-Романа.

Мартин прикрыл за собой дверь и прошел по плитке из песчаника в просторную гостиную.

В финке было не намного прохладнее, чем снаружи – верный признак того, что здесь жил европеец, который испытывал угрызения совести, если оставлял включенным кондиционер во время многодневного или многонедельного отсутствия.

Внутренняя обстановка была типично американской. Открытая кухня, мягкая мебель полукругом перед семейным алтарем – огромным плазменным телевизором, висевшим прямо над бутафорским камином.

Мартин включил кондиционер, взял банку пива из холодильника, вытащил из заднего кармана брюк пистолет, купленный в порту Ла-Романа, положил его на журнальный столик и в изнеможении опустился на диван. Только сейчас он снял бейсболку и солнечные очки.

Он не знал, как долго ему придется здесь ждать, но настраивался на долгое время. Во взятом напрокат автомобиле лежал его вещмешок. На этот раз он взял с собой побольше сменного белья, чем для плавания на «Султане». В крайнем случае он был готов даже перезимовать здесь.

То, что это ему не понадобится, выяснилось уже в ту самую секунду, когда он взял лежавший на журнальном столике пульт дистанционного управления размером с хорошую дубинку, а телевизор включился сам собой.

Цвет экрана поменялся с черного на бирюзовый. В центре появился символ скайпа, а под ним текст: «Входящий звонок».

Вот почему не удалось обнаружить тревожную сигнализацию, видную снаружи. Дом охранялся с помощью веб-камер, которые регистрировали любое движение внутри дома. Как только происходило что-нибудь необычное, следовал звонок хозяину дома.

Ну что же, это мне подходит.

Мартин нажал круглую кнопку, на которой было написано «OK».

Он услышал электронный шум, напоминавший звук, возникающий при открывании бутылки вина или при падении капель воды с потолка каменной пещеры. Компьютерная графика рукопожатия свидетельствовала о том, что связь установлена.

– Однако это длилось довольно долго, – услышал он голос. Правда, соответствующее лицо так и не показалось на экране, но Мартин был почему-то уверен, что его собственное изображение телекамера исправно передавала. – Я рассчитывала на то, что ты появишься гораздо раньше.

Мартин положил пульт дистанционного управления на столик рядом с пивом, пожал плечами и сказал:

– Как это говорится? Время – это ступенька к правде. Оно всегда помогает ей пробиться наверх, не так ли, Кверки? Или тебе больше нравится, когда тебя называют Еленой?

Глава 75

Он услышал веселый смех.

Мартин явственно представил себе, как в этот момент докторша с «Султана» прикоснулась к подвеске в виде дубового листика, висевшего у нее на шее.

Дуб на латыни quercus.

– Я скорее считаю, что время предоставляет злодеям возможность укрыться в безопасном месте.

Мартин покачал головой:

– Ты от меня нигде не скроешься, Елена. Как видишь, я тебя везде найду.

Докторша икнула.

– Умоляю тебя. Это действительно было совсем нетрудно, после того как я сама назвала тебе свой адрес чуть ли не с доставкой на дом.

Мартин кивнул. С ее стороны это было ошибкой, когда по пути в «Адскую кухню» она рассказала ему о своей прежней жизни.

«Я три года жила в Доминиканской Республике и вылечила больше изнасилованных детей, бежавших с Гаити, чем директору гинекологической клиники в Гамбурге довелось видеть на своем веку…»

– Каждый, кто хотя бы один раз проводил здесь свой отпуск, знает, каким слабым был раньше контроль при въезде в эту страну. Особенно если приплываешь на корабле. Мне не нужно было тебе рассказывать, что я жила на острове, на котором еще несколько лет тому назад за взятку можно было устроить все что угодно, если знаешь нужных людей. А легче всего было поселиться здесь под чужим именем.

Пластинчатый вентилятор кондиционера с постоянной равномерностью изменял направление потока воздуха. Сейчас он дул Мартину прямо в лицо.

– Я пришел не для того, чтобы беседовать с тобой о твоих махинациях, – заметил Мартин.

– Я знаю. Ты хочешь меня убить, потому что я убила твою семью.

– Совершенно верно.

– Но этого не случится, Мартин.

– Возможно, я не захватил тебя врасплох здесь. Но поверь мне, я буду преследовать тебя по всему земному шару. Я найду тебя и призову к ответу, даже если это будет последнее, что я сделаю в своей жизни.

– Это было бы ошибкой.

– Я так не думаю. Анук сама мне сказала, что это ты похитила ее.

«Ты можешь назвать мне имя того человека, у которого находилась все это время?»

– Я проанализировал ее тайный язык. Она написала твое имя, когда я спросил ее о преступнике.

Мартин услышал, как Елена хлопает в ладоши.

– Браво. Но ты заблуждаешься в одном важном пункте. Я не похищала Анук. Она добровольно пошла со мной. Я заботилась о ней.

– И между делом пытала, а затем и убила ее мать.

– Нет, это была Шахла.

– Не пори чушь. Шахла была лишь пешкой в твоей игре, которой ты пожертвовала. Это ты стоишь за всеми убийствами, вину за которые свалила на нее.

Сжав губы, Елена раздраженно с силой выдохнула воздух, чем напомнила фыркающую лошадь.

– Для следователя ты что-то медленно соображаешь. Шахла совсем не невинна.

– Я не верю ни одному твоему слову, – возразил Мартин. – Тексты в компьютере, переписка с Наоми – это же все ты сочинила.

– Частично да. Но я писала только правду.

Поток холодного воздуха из кондиционера снова подул Мартину прямо в лицо, и у него по спине пробежала дрожь. Ему послышалось, что снаружи, у главного входа, кто-то скребется. *Или это были шаги?* Мартин вскочил с дивана и схватил свой пистолет.

– Шахла действительно была раньше юношей, который подвергался сексуальному насилию со стороны своей матери, – сказала Елена. – Меня же никогда не насиловали, и я не сумасшедшая, ослепленная жертва, которая заставляет людей страдать. У меня совершенно другие интересы.

– Какие же?

Мартин подошел к двери и заглянул в глазок. Ничего не видно.

– Деньги. Я зарабатываю себе на жизнь в качестве наемного убийцы. Круизные суда – это мое рабочее место. Нигде я не смогла бы быстрее и надежнее убивать и легче избавляться от трупов, чем на кораблях, а в конце пароходство даже само активно помогает мне замять преступления. Лучше и не придумаешь. Я работаю на двенадцати различных океанских круизных лайнерах. То как служащая, то как пассажир. В последнее время я чаще бывала на «Султане», потому что действительно влюбилась в Даниэля. Но теперь это, к сожалению, прошло, как ты понимаешь.

У Мартина было такое ощущение, словно его органы чувств сыграли с ним злую шутку, как будто он все еще продолжал принимать пилюли для постэкспозиционной профилактики. Во рту у него пересохло. Теперь кто-то скребся у черного входа, через который он сам попал в дом.

– Ты находишь своих клиентов через Интернет? – спросил он Елену и направился в сторону двери, выходившей в сад.

– Да, – подтвердила она. Ее голос звучал тише, но по-прежнему оставался четким, словно она находилась в соседней комнате. – Здесь я действительно приврала. Не Шахле, а мне принадлежит фирма, замаскированная под туристическое бюро. Это просто гениальная система, даже если теперь мне, вероятно, придется ее немного видоизменить. Но до сих пор мои клиенты просто заказывали круиз для тех, кого хотели убрать со своего пути, а на борту круизного лайнера уже я заботилась о заказанной персоне.

Мартин удивился, почему она так разоткровенничалась. Он чувствовал, что она тянула время, но зачем? Что она замышляла?

– В случае с Наоми Ламар мне заплатил дедушка Анук, который каким-то образом узнал о жестокости ее матери.

– И нанял тебя, чтобы ты в течение двух месяцев мучила ее? – предположил Мартин. Ему приходилось говорить громче, чтобы Елена могла слышать его, ее, видимо, совсем не беспокоило, что на некоторое время он исчез из поля зрения видеокамеры. Мартин выглянул в боковое окошко рядом с дверью черного хода в сад. Бродячий пес лениво трусил мимо бассейна. Может быть, это он скребся в дверь?

– Дед хотел, чтобы Наоми, прежде чем умрет, на собственной шкуре испытала, какую боль причинила своей дочери. Но это дело не моих рук. Это взяла на себя Шахла. Мне не доставляет удовольствие мучить других людей. Как я уже сказала, меня интересуют только деньги.

– А кто заплатил тебе за то, чтобы ты убила мою жену? – спросил Мартин, снова возвращаясь к телевизору.

– Никто, – ответила Елена. – Все произошло именно так, как было записано в дневнике Шахлы, который ты читал. Шахла совершенно случайно застала Надю, когда она собиралась совершить насилие над твоим сыном. Эта картина разбередила в горничной былые раны, которые ей нанесла ее мать, когда Шахла была еще мальчиком. Она потеряла контроль над собой, когда увидела, что твоя жена делает с Тимми.

На заднем плане Мартин услышал отдаленный гул голосов. Елена звонила из какого-то общественного места. Возможно, она сидела в каком-нибудь анонимном интернет-кафе.

– Ты знаешь, что я говорю правду, Мартин. Ты наверняка и сам заметил признаки сексуального насилия над своим сыном, верно?

Мартину было нечего возразить на это. И у него на глаза навернулись слезы.

– Вот видишь, – ответила Елена, подтвердив тем самым, что могла его видеть. – Во время того рейса Шахла отвечала за уборку в моей клинике, и со временем мы с ней подружились. Я узнала о тяжелой судьбе бедняжки. Смерть Нади явилась следствием спонтанной реакции, если хочешь, можно считать это несчастным случаем. А когда это случилось, когда Шахла убила Надю, она прибежала в мой кабинет и попросила меня помочь ей. Она была в панике и не знала, что ей делать.

– Значит, это ты вместе с ней выбросила тело моей жены за борт и оставила в каюте салфетку с хлороформом?

– Совершенно верно, – сказала Елена. – С этого момента Шахла была в долгу передо мной, который я погасила, поручив ей наказать Наоми. Я знала, какое удовольствие доставит ей возможность отомстить мучительнице Анук.

– Выходит, что Анук все время была у тебя?

– У Шахлы, – уточнила Елена. – Она оборудовала для девочки убежище недалеко от «Голубой полки», в котором та должна была оставаться, пока мы не пришвартуемся в Осло.

Сам Мартин никогда не видел их, но перед его внутренним взором тотчас возникли флуоресцирующие метки, которым в темноте нижней палубы следовала Анук с ультрафиолетовой лампой в руках, когда хотела повидаться с Шахлой, Еленой, а возможно, и со своей матерью.

– У дедушки Анук есть друзья в Норвегии, у которых она должна была остаться.

В сети раздался противный свист, однако голос Елены по-прежнему звучал четко.

– В Осло мы собирались переправить ее на берег, и Шахла вела ее в «гнездышко», где Анук должна была провести последнюю ночь. – Голос Елены звучал подавленно. – По глупой случайности в этот день Анук заупрямилась. Она нервничала, капризничала и не хотела больше оставаться одна взаперти. Прихватив своего любимого медвежонка и фонарик, она убежала от Шахлы, потому что захотела в последний раз повидаться с матерью.

– И при этом случайно столкнулась с капитаном!

Мартин покачал головой. Действительно, Бонхёффер с самого начала говорил правду. После того как Анук убежала из «гнездышка», горничной

пришлось срочно вооружиться стопкой полотенец, чтобы ни у кого не возникло подозрение, что она делает в такой поздний час в коридоре, если бы при поиске Анук она натолкнулась на кого-нибудь из экипажа «Султана». Для Герлинды Добковиц все выглядело так, словно горничная совершенно случайно наткнулась на девочку, а в действительности это Анук убегала от Шахлы.

Мартин не мог больше сдерживаться. Он подскочил к журнальному столику, схватил банку с пивом и швырнул ее в экран телевизора.

Некоторое время он думал, что связь прервалась, однако потом услышал спокойный голос Елены:

– Твой гнев направлен не на того человека.

От возмущения Мартин чуть было не лишился дара речи.

– Ты хочешь убедить меня в том, что это не ты виновата в смерти Нади и Тимми, а Шахла?

– Я считаю бессмысленным при моей профессии дискутировать о виновности. Но если ты настаиваешь на уравнивающей справедливости, то тебе следовало бы поблагодарить меня. Как-никак, это я убила Шахлу.

– Ты сделала это только потому, что хотела обеспечить себе безупречное алиби. Киллерша, застигнутая на месте преступления, которая была теперь не в состоянии донести на свою сообщницу. Нет, тебе не удастся свалить свою вину на других. Или это Шахла дала Анук медвежонка, чтобы заманить меня на борт «Султана»? А потом сказала Анук, что во время нашего первого разговора следует назвать мое имя, чтобы вселить в меня неуверенность?

Мартин с такой силой пнул ногой журнальный столик, что пистолет упал на пол.

– Что касается медвежонка, то это сделала Шахла, – беспечно призналась Елена. – Она сохранила его в память о Тимми, а потом действительно дала Анук, чтобы девочке было с чем играть. За этим не скрывалось никакого более глубокого намерения. Правда, это навело Даниэля на мысль позвонить тебе. Лично я была против. Я знала, какой хорошей репутацией ты пользуешься как дознаватель, и не хотела, чтобы ты расстроил мои планы. Поэтому я показала тебе отчет о травмах, полученных Анук при изнасиловании, так как считала, что с этого момента ты будешь искать только мужчину.

– А для верности ты даже ранила саму себя?

Мартин поднял пистолет с пола.

– У меня аллергия на арахисовое масло, и когда в якорном отсеке я ползала по полу под помостом, то мазанула себя по щеке этим маслом, –

призналась Елена. – Я не хотела больше оставаться рядом с тобой, мне нужно было без помех заботиться об Анук. И мне удалось это осуществить, когда я в качестве пациента сама оказалась в «Адской кухне» и была помещена в соседнюю палату. – Ее голос зазвучал тверже. – Но повторяю еще раз: я не сумасшедшая. Убийство – это моя профессия, а не мое призвание.

Мартин посмотрел на оружие в своей руке, повернул его, наблюдая за тем, как изменялось искаженное отражение на хромированном дуле.

– Ты хотела использовать Лизу, чтобы убить ее мать.

– Да, это была моя ошибка.

Если бы она не была чертовски хорошей актрисой, Мартин мог бы даже подумать, что слышит в голосе Елены нотки раскаяния.

– Лиза крестница Даниэля. Однажды она сообщила ему по электронной почте, что у нее любовная тоска, а Даниэль перенаправил это сообщение мне, полагая, что я, как женщина, смогу лучше помочь девушке в этом деле. Он просто не знал, что именно скрывалось за словами «любовная тоска».

Голос Елены осип. Она откашлялась.

– И Лиза не знала, кто я такая, когда я пригласила ее в чат на Easyexit, однако она быстро открыла мне свое сердце. Оглядываясь сейчас назад, я понимаю, что должна была бы раньше догадаться, что она мне лжет. Ее истории становились все более дикими. Сначала она говорила о сексуальном насилии весьма неопределенно, потом призналась мне, что у нее сексуальные отношения с пожилым мужчиной, и, наконец, что это ее мать заставляет ее заниматься сексом с мужчинами за деньги. Я начала сомневаться, но, когда она прислала мне видео, я снова поверила ей и забронировала места на «Султане» для нее и ее матери, чтобы решить проблему.

«Так вот в чем причина», – подумал Мартин.

Поэтому она так разволновалась, когда позвонил Дизель и сообщил о манипуляциях с видео.

– Я и не подозревала, что Лиза меня обманывала. Я ничего не знала о болезненном влечении Лизы к своему школьному наставнику. Если бы Юлия Штиллер действительно заставляла свою дочь заниматься сексом с Томом, то в этом случае она, несомненно, заслуживала бы смерти.

Мартин саркастически рассмеялся.

– А после Наоми ты уже набила себе руку в этом.

– Я вовремя исправила свою ошибку.

– Мы оба чуть было не погибли!

Мартин вспомнил сцену в каюте Лизы. По иронии судьбы Елена говорила правду, когда сообщила Лизе, что она и есть Кверки. Она выдержала бы Лизин тест и могла бы назвать ее псевдоним в чате. Елена не сделала этого только потому, что тогда все бы раскрылось.

– И ты не считаешь себя сумасшедшей, Елена? – спросил Мартин. – Ты окончательно съехала с катушек.

Теперь бензиновая газонокосилка ревела в палисаднике соседнего дома. Мартин с тревогой задался вопросом, не заглушала ли она другие шумы. Шумы, которые раскрывали подлинные намерения Елены…

– Где ты находишься? – спросил он.

Как и следовало ожидать, Елена не ответила, вместо этого она задала ему странный встречный вопрос:

– Ты еще поддерживаешь связь с матерью Лизы?

– Что? Зачем?

Правда, один раз Мартин разговаривал с Юлией Штиллер по телефону, она как раз посетила свою дочь в закрытом отделении психиатрической клиники и хотела поблагодарить его за ее спасение. Наверняка уже в десятый раз. Возможно, он был единственным человеком, с которым она могла поговорить о некотором прогрессе в лечении Лизы.

– Скажи Юлии, что я исправлю свою ошибку, – сказала Елена. Это прозвучало так, словно она собиралась отключить связь.

– Исправишь свою ошибку? И все остальные тоже? Ты же убийца. И здесь уже нельзя ничего исправить.

Мартин направил свой пистолет на экран телевизора. Представил себе, что она стоит перед ним.

– Ты сам это увидишь, – сказала Елена.

– Я увижу тебя, – с убийственным спокойствием произнес Мартин. – И тогда я убью тебя.

Он буквально услышал, как она покачала своей красиво причесанной головкой.

– Ты не сделаешь этого, – возразила она.

Вне себя от ярости он прищурился.

– Ты знаешь, на что я способен, если вобью себе что-нибудь в голову, – пригрозил он.

– Да уж. В этом я не сомневаюсь. Однако ты меня и пальцем не тронешь, когда я буду стоять перед тобой. Более того, ты даже не расскажешь никому на свете о нашем сегодняшнем разговоре.

Он громко рассмеялся:

– И откуда в тебе столько самонадеянности?

Мартин снова вздрогнул. Газонокосилка смолкла. Зато он опять услышал какой-то скрежет у входной двери, и на этот раз это точно была не собака. Кто-то явно возился с замком. Мартин быстро осмотрелся. Из-за свободной застройки на первом этаже не было никакой возможности спрятаться, тем более что Елена могла наблюдать за ним с помощью видеокамеры. Во всяком случае, он не думал, что это Елена пыталась войти в финку, а если все-таки это была она, то ей было известно, что он вооружен. Мартин направил свое оружие на дверь, но потом передумал.

В два прыжка он достиг лестницы и, перепрыгивая через ступеньки, устремился на второй этаж, держа пистолет наготове, если вдруг кто-то подкарауливает его там наверху.

Неожиданно зазвонил его мобильник, лежавший в заднем кармане брюк.

Незнакомый абонент.

Он нажал на кнопку приема вызова, заскочил в первую попавшуюся комнату сразу за лестничной площадкой и захлопнул за собой дверь.

– Ты меня не убьешь, – услышал Мартин голос Елены, продолжавшей разговор, и с удивлением осмотрелся в неприбранной комнате. Кровать была не застелена, грязные носки валялись на полу. Стены украшали яркие, но на удивление талантливо выполненные граффити, на стеклянной столешнице, опиравшейся на два пивных бочонка, лежал ноутбук с приклеенным к крышке стикером какой-то рок-группы.

– Почему ты так уверена в этом? – услышал он свой собственный голос.

Снизу из гостиной донеслись шаги.

Мартин взял в руки теннисную ракетку, которая была прислонена к платяному шкафу, стоявшему с распахнутыми дверцами. Шаги раздавались уже на лестнице, кто-то поднимался на второй этаж.

– Потому что ты не захочешь убить женщину, которая в настоящий момент заменяет твоему сыну мать, – заявила Елена, и в этот момент Мартин услышал в коридоре за дверью второй голос. Голос молодого человека, лет пятнадцати от роду.

– Мама? Это ты там внутри? – спросил он. – Я думал, ты вернешься только через две недели.

Дверь открылась, и двое мужчин, похожих друг на друга, как могут быть похожи только отец и сын, замерли в оцепенении от шока.

Глава 76

Елена вышла из скайпа.

Она подготовила Тимми к этому моменту. Две недели тому назад, когда она навестила его после своего непродолжительного пребывания в Нью-Йорке, он снова спросил о своем отце (о своей матери он не спрашивал никогда), и она показала ему его фотографию, которая была напечатана в польских газетах вскоре после его ареста.

Действительно, тогда Шахла застигла Надю врасплох.

Но Тимми не прыгал за борт вслед за своей матерью.

Он вообще не вышел из ванной комнаты.

Это была ложь, которую она рассказала Мартину, чтобы он прекратил поиски своего сына. Но все ее усилия ока зались тщетными. Она предполагала, что рано или поздно Мартин докопается до истины.

После того как Шахла убила Надю, ударив ее по голове настольной лампой, а Тимми заперся в ванной комнате, Елена помогла горничной завернуть труп в простыню и выбросить за борт. Затем они выбросили и чемодан с Надиными вещами. Бортовые камеры видеонаблюдения должны были зафиксировать две жертвы. По глупой случайности то обстоятельство, что чемодан был меньше, чем тело матери, не осталось незамеченным. Им следовало сначала выбросить чемодан, а уж потом избавляться от тела матери. Грубая ошибка, но, к счастью, круизная компания невольно оказала им содействие и утаила наличие этой видеозаписи, чтобы замять дело.

Елена немедленно занялась судьбой мальчика. Тимми, перепуганный до смерти, ничего не соображал и не имел понятия, как связаться с отцом.

Елена самостоятельно начала поиски и вскоре выяснила, что его отец, опасный преступник, связанный с мафией, сидел в польской тюрьме в Варшаве.

Мать-извращенка мертва, отец оказался убийцей. Елена предположила, что, видимо, и остальные родственники Тимми не намного лучше. Она решила, что ни в коем случае не вернет мальчика в эту ужасную семью. В тот момент Елена не знала, что Мартин был полицейским и работал под прикрытием. Она узнала об этом только годы спустя, когда Даниэль рассказал ей о том, что Мартин Шварц возбудил против него дело по поводу гибели своей семьи. Итак, она решила взять Тимми под свою опеку. Некоторое время она прятала Тимми на корабле,

потом перевезла его в свой дом в Каза-де-Кампос и определила в интернат. Много раз в год она навещала его в Доминиканской Республике, стараясь оставаться с ним как можно дольше.

Позднее, когда выяснилось, кем был отец Тимми в действительности, она даже подумывала, не сообщить ли ему, что его сын жив, но потом все-таки отбросила эту мысль. Мартин был полицейским. Одним из лучших дознавателей берлинской полиции. Опасность, что рано или поздно он вый дет на ее след и убьет ее, была слишком велика. Наверняка он тоже обдумывал это. Отныне Елена была в бегах, и она сделала все возможное, чтобы отсрочить этот момент.

За эти годы, в течение которых она прятала Тимми от его отца, он вырос в статного юношу, которому нравилась жизнь на Карибских островах. Между тем он уже так хорошо играл в теннис, что даже дошел до финала юниорского чемпионата Карибских стран.

Две недели тому назад Елена рассказала Тимми, кем был его отец в действительности и что он наверняка будет его искать. Таким образом, он был заранее предупрежден. Тем не менее она не хотела представлять себе, какое потрясение переживал Тимми именно в этот момент.

Елена вздохнула, сунула мобильник в свою дорогую сумочку от Луи Виттона, раскрыла маленькое зеркальце, еще раз подкрасила губы и поглубже открыла декольте своего черного вечернего платья. Потом она встала с удобного кожаного кресла, стоявшего у окна кают-компании.

Волнение моря в районе атолла Ари, одного из самых больших атоллов на Мальдивах, почти не ощущалось, круизный лайнер «МС Акварион» спокойно лежал на поверхности Индийского океана, и ей не составило никакого труда дойти на своих десятисантиметровых каблуках до судового бара.

– Один джин-тоник, – сказала она бармену небольшого, но элегантного круизного теплохода, вмещавшего немногим менее одной тысячи пассажиров. Одного из этих пассажиров, мужчину с бездонными голубыми глазами, сидевшего с бокалом пива, она одарила очаровательной улыбкой, которая тотчас возымела свое действие.

– Вы позволите вас угостить? – спросил симпатичный немец, которого она не выпускала из виду с момента отплытия со Шри-Ланки.

– Охотно, герр…

– Шиви, – представился мужчина, имя которого Елена, разумеется, знала. – Но вы можете называть меня Томом.

Она улыбнулась и назвала ему имя, под которым зарегистрировалась на этот круиз.

«Скажи Юлии, что я исправлю свою ошибку!»

– И что же привело вас на борт «Аквариона», Том?

– Ух! – Он сделал так, словно смахнул пот со лба. – Это длинная история.

– Нам предстоит долгое плавание, – еще шире улыбнулась Елена и как бы невзначай коснулась кончиком пальца руки Тома, лежавшей на стойке бара.

– Ну хорошо, если вы хотите услышать сокращенное изложение моей истории, пожалуйста, вот оно: я сбежал.

– Уж не от любви ли?

Он с самодовольным видом кивнул.

– Если вы так хотите, то да. Вы можете себе представить, каково это, когда в человека одновременно влюбляются мать и дочь?

Елена кокетливо улыбнулась:

– Что касается вас, Том, то да.

Он покачал головой:

– Да, да, звучит весело, но поверьте мне, это настоящий ад. Две ревнивые особы, являющиеся к тому же родственницами. Одна из них хотела буквально убить себя из-за несчастной любви, и это ей удалось бы, не предупреди я ее мать.

Он похотливо улыбнулся. Очевидно, он думал, что такая фривольная история повысит его привлекательность в ее глазах.

– И тогда вы взяли и просто забронировали себе место на круизном лайнере, чтобы сбежать от неугомонных женщин? – спросила Елена для виду.

– Нет, здесь, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Я выиграл эту поездку в интернет-лотерею. Я хочу сказать, что и раньше часто получал письма, в которых сообщалось, что я стал стотысячным посетителем какой-либо веб-страницы, но на этот раз я действительно выиграл. Мне доставили билеты прямо на дом. – Он широко ухмыльнулся. – Они прибыли очень кстати.

– Так оно и есть, Том. – Елена взяла его руку в свою и нежно пожала. – Значит, вам везет в азартных играх?

– И в любви, – ухмыльнулся он в ответ.

– Это приятно слышать, – сказала Елена, вставая со своего высокого табурета у стойки бара. – Как вы насчет… – Она кивнула в сторону лифтов. – Я здесь неплохо ориентируюсь. Хотите отправиться на экскурсию за кулисы этого лайнера?

Том Шиви залпом допил свое пиво, подал бармену электронный ключ

от своей каюты, чтобы оплата напитков была записана на его счет, и дал тому слишком большие чаевые, прежде чем последовал за элегантной блондинкой.

Он с нетерпением ожидал вечера и всего того, что принесет с собой ночь.

О книге & выражение благодарности

В память о моей матери Кристе Фитцек
Кофе латте!

Прежде чем приготовить для вас в конце этой книги небольшой сюрприз (к которому вы, конечно, можете сразу перескочить, если вам не интересна моя глупая болтовня об истории возникновения «Двадцать третьего пассажира»), по доброй традиции я хотел бы в этом месте сначала поблагодарить вас за то, что из потока новинок, насчитывающего ежегодно почти сто тысяч экземпляров, вы выбрали именно мое произведение. Возможно, сейчас после прочтения этой книги у вас сложилось совершенно неверное представление обо мне.

Хотите – верьте, хотите – нет: я люблю морские круизы. Да, да, на самом деле! В раннем детстве я даже мечтал стать капитаном морского лайнера, но очень скоро отказался от этой мысли, когда уже в нежном возрасте одиннадцати лет во время пересечения пролива Ла-Манш устроил со своей матерью состязание, кто из нас накормит больше рыб. Сегодня во время плавания на судах я всегда приклеиваю за ухо скополаминовый пластырь, этот отличительный знак всех слабаков среди любителей морских круизов, но я охотно мирюсь со снисходительными ухмылками опытных морских волков, пока сам контролирую местонахождение съеденной пищи, а не наоборот.

Итак, хотя я и охотно плаваю по морям и океанам, выражение «Двадцать третий пассажир» не является плодом моего – признаюсь – иногда довольно странного чувства юмора. Любить круизные лайнеры и одновременно превращать их в место ужасных преступлений мне не кажется чем-то противоестественным. Люблю я и Берлин и не чувствую угрызений совести из-за того, что заселяю свой родной город людьми, ломающими судьбы своих сограждан, и «коллекционерами глаз» (автор имеет в виду свой психологический триллер «Коллекционер глаз», в котором серийный убийца-психопат вырезал у своих жертв левый глаз. – *Примеч. пер.*).

Когда я говорю, что мне нравятся морские круизы, я имею в виду не принудительные развлечения на верхней палубе или четко организованную экскурсионную программу, описание которой в судовом журнале сильно напоминает партийную агитацию и которая обещает каждому пассажиру

удивительные чудеса. Правда, в данном случае не «Больше денег за меньший труд», как это делают некоторые партийные бонзы, а, например, когда обещают «идиллическое ощущение себя Робинзоном Крузо» при посещении крошечной бухты и купании в обществе всего лишь восьмисот единомышленников!

Просто мне нравится путешествовать в далекие страны вместе с гостиничным номером, лежа на удобной кровати и покачиваясь на волнах, при этом тебе не надо постоянно распаковывать чемоданы и заново укладывать в них свои вещи. Кроме того, я люблю море (однажды гадалка сказала мне, что это типично для людей, родившихся в октябре под знаком Весов). Правда, когда я прихожу на пляж, обычно мне бывает лень вставать с шезлонга, идти в воду, потом насухо обтираться, еще раз смазывать тело кремом (поскольку никогда не знаешь, действительно ли этот крем водостойкий, как написано на флаконе) – и весь этот стресс только для того, чтобы сделать два-три гребка, так как плавание – это не мой конек… но, как всегда, я опять отклонился от темы.

Что я хотел сказать: для людей, подобных мне, которые любят лишь смотреть на воду, длинные дни в открытом море являются идеальными, так как на таком огромном круизном лайнере жена не косится на меня только из-за того, что я не хочу прыгать в море, чтобы поиграть с детьми. Что возвращает нас к нашей теме.

«Двадцать третий пассажир» – это роман. Я хочу сказать: я обманул вас. Все, о чем написано в моем романе, не происходило в действительности. Но, как я уже однажды где-то сказал, во всякой хорошей лжи содержится хотя бы одно зерно правды. И в этом смысле в «Двадцать третьем пассажире» таких зерен больше, чем в арбузе. Основное суждение, а именно что ежегодно во время морских круизов бесследно исчезают десятки пассажиров, совершенно верно, как и приведенное в романе утверждение капитана Даниэля Бонхёффера, что тем временем в США существуют крупные адвокатские фирмы, которые специализируются на представлении интересов так называемых Cruise Victims – жертв круизных туров. Вообще все странные случаи исчезновения пассажиров, которые Бонхёффер перечисляет в главе 12, к сожалению, действительно произошли. Я изменил только фамилии пострадавших и названия круизных лайнеров.

В 2011 и 2012 годах был даже установлен новый печальный рекорд: за эти два года бесследно исчезли 55 человек. Если бы мой роман касался событий этих двух лет, его следовало бы назвать «Двадцать седьмой с половиной пассажир».

Идея написать эту книгу появилась у меня еще в 2008 году, когда в «Парк-авеню» (журнале, который тем временем сам исчез в море журнального рынка) я прочел статью, в которой шла речь о феномене пропавших без вести пассажиров во время морских круизов.

То, что прошло так много лет, прежде чем в марте 2013 года я начал работу над первым вариантом романа, объясняется всего-навсего тем, что зажигательная идея пришла мне в голову гораздо позже. А именно идея вместо бесследно исчезнувшего пассажира поставить в центр повествования внезапно появившегося из ниоткуда ранее пропавшего пассажира, который уже одним своим появлением опровергает теорию самоубийств, часто выдвигаемую круизными компаниями, даже не имея весомых оснований для этого. Действительно, так оно и есть: бурно развивающаяся индустрия морских круизов не заинтересована в том, чтобы в своих глянцевых проспектах предупреждать потенциальных клиентов о том, что очевидно любому здравомыслящему путешественнику: если на ограниченном пространстве собираются тысячи незнакомых людей, то конфликты просто неизбежны, они уже запрограммированы. И среди миллионов людей, которые между тем решают именно таким образом провести свой отпуск, наверняка имеются не только приятные личности.

Преступления в открытом море далеко не редкость, а указанные в романе веб-страницы, на которых координируют свои действия жертвы, родственники потерпевших и адвокаты, действительно существуют. А задокументированных на этих страницах происшествий оказалось так много, что Международная ассоциация жертв круизных туров (ICV) потребовала создания службы «морских маршалов», которая – в отличие от службы «воздушных маршалов» – так до сих пор и не создана. Плавающие гигантские отели являются своего рода маленькими городками без своего полицейского участка. И если на круизных лайнерах и есть своя служба безопасности, то она материально зависит от пароходной компании; поэтому, когда дело принимает серьезный оборот, проверка собственного персонала становится, скорее всего, маловероятной.

Причем – и эти факты, изложенные в книге, соответствуют действительности – следует честно признаться, что в случае исчезновения пассажира даже «морской маршал» мало что сможет сделать. Уже только один километровый «тормозной путь» круизного лайнера, как правило, не позволяет провести успешную спасательную операцию, особенно в том случае, если с момента, когда потенциальную жертву видели в последний раз, прошли часы. А сам корабль, как уже было подробно описано выше, слишком велик, чтобы можно было быстро и тщательно обыскать его.

К тому же для подобных случаев не существует единых правил, охватывающих весь мир. Как критично заметил по этому поводу Мартин Шварц на одной из страниц романа, пассажиры вступают на территорию иностранного государства, как только поднимаются на борт судна, и с этого момента они «находятся во власти служебных инстанций той страны, в которой зарегистрирован лайнер», как сказал Кендалл Карвер из Международной ассоциации жертв круизных туров. Поэтому в 2010 году правительство США приняло закон, предоставляющий ФБР и американской береговой охране широкие полномочия – с тех пор агенты ФБР и дознаватели могут проводить расследование и на кораблях, зарегистрированных за границей. Правда, после исчезновения только *американского* гражданина!

Поиски материала по теме были в принципе очень простыми, пока они касались зон круизного лайнера, лежащих выше ватерлинии. Планы отдельных палуб и кают, видеоматериалы с капитанского мостика, телевизионные репортажи – до всего этого можно было добраться одним кликом мышки. Что же касается кубриков экипажа, кают обслуживающего персонала, якорного отсека и кухни, то здесь возникли определенные трудности, правда, мне повезло и во время одного из круизов мне довелось принять участие в экскурсии по кораблю (когда ответственные лица еще не знали, о чем в конце концов пойдет речь в моем романе).

Почти невозможно достать подробные планы нижней палубы, включая машинное отделение и грузовой отсек или установки для сжигания мусора. При этом ответственные лица всегда ссылаются на аспекты безопасности.

А теперь я хотел бы открыть в этом месте официальную часть выражения благодарности и первым сердечно благодарю за профессиональные консультации капитана в отставке Фолькера Бернгарда, взявшего на себя труд предварительно прочесть весь роман и позволившего мне заглянуть в такие сферы, которые, как правило, остаются скрытыми от глаз обычного пассажира круизного лайнера.

Все ошибки, которые еще встречаются в данной книге, лежат на моей совести и объясняются стандартной отговоркой всех креативных людей: «Ну и что такого, это художественный вымысел!»

С нижеперечисленными сотрудниками издательства «Дрёмер Кнаур Ферлаг» я собираюсь отправиться в морской круиз и надеюсь, что никто из них не потеряется по дороге, так как без их великолепной работы вы бы не держали сейчас в руках роман «Двадцать третий пассажир». Вот их полный список: Ганс Петер Юбляйс, Кристиан Теш, Тереза Шенкель, Моника

Нойдек, Сибилла Дитцель, Карстен Зоммерфельд, Ирис Хаас, Ханна Пфаффенвиммер и – как всегда, на самом почетном месте: мои великолепные издательские редакторы Каролина Грель и Регина Вайсброд, которые – чтобы вы были в курсе – своими умными вопросами и замечаниями в очередной раз способствовали тому, что мой роман не получил бортовой крен и не напоролся на рифы.

С 2006 года он вместе со своим агентством «Зеро» заботится о том, чтобы мои произведения не стояли на полках голыми. И начиная с 2006 года я постоянно забываю упомянуть его при выражении своей благодарности, но эй, возможно, причиной этого является твоя чертовски трудная фамилия, которую ты себе выбрал, дорогой Гельмут Хенкензифкен. Большое спасибо за иллюстрации на обложке!

Многие считают автора капитаном на корабле, но в моем случае капитанскую фуражку носит Мануэла Рашке. Эта суперфрау организует всю мою профессиональную деятельность – и между тем даже часть моей частной жизни; например, с недавних пор она подстригает волосы моим детям! Спасибо, Ману, ах да, пока я не забыл, желтые мешки с мусором всегда забирают по четвергам.

Процесс самого письма – это удел одиночки, зато работа над книгой, к счастью, нет, и я рад, что за годы сложилось нечто вроде «семейного предприятия», благодаря чему я пользуюсь привилегией сотрудничать только с добрыми друзьями и родственниками. По меньшей мере, следующие личности очень умело притворяются, что любят меня: Барбара Херрман, Ахим Беренд, Салли Рашке, Эла и Миха, Петра Роде, Патрик Хокке и Марк Райн Бальтазар.

Сабрину Рабов я еще раз благодарю за отличную работу с прессой и за то, что, несмотря на мои протесты, перед каждой фотосессией она умудряется припудрить мое лицо своей пудрой. И хотя я не выношу это, но должен признать, что в противном случае мои фотографии были бы пригодны только для рекламы ботокса, когда хотят продемонстрировать, как выглядел человек до инъекций этого препарата.

Поиски в Гугле могут изменить жизнь. Например, мою: в 2001 году я набрал в поле поиска «литературный агент», и алгоритм выдал фамилию самого лучшего в мире: Романа Хокке. Спасибо ему и всем остальным из отличной команды AVA International, в которую входят: Клаудия фон Хорнштайн, Клаудия Бахман, Гудрун Штрутценбергер и Маркус Михалек.

Спасибо также человеку, без которого я бы никогда не осилил пятьдесят читок в неделю и опоздал бы или вообще не явился на все остальные встречи с читателями: Кристиану Майеру из агентства «C&M

Гарант».

Я благодарю всех продавщиц и продавцов книг, библиотекарей, переплетчиков и организаторов литературных фестивалей и встреч с читателями: вы все не даете умереть важнейшему средству коммуникации – книге и позволяете нам, авторам, претворить в жизнь наши мечты.

«Двадцать третий пассажир» уже был близок к завершению, когда я получил печальную весть, что от нас ушел один из моих друзей, которому я бесконечно благодарен. Я знаю, что хорошие люди всегда уходят слишком рано, но не так же рано? Где бы ты ни был теперь, Петер Хетцель, мы мысленно обнимаем тебя. Нам всем тебя очень не хватает!

Как и Петер, меня с самого начала поддерживали следующие друзья: Карл «Калле» Рашке (спасибо за множество идей, которые постоянно возникали у меня благодаря твоим «повседневным» приключениям), Герлинда Йеникке (спасибо за твое имя!), Арно Мюллер, Томас Кошвиц, Йохен Трус, Штефан Шмиттер, Михаэль Тройтлер и Симон Йегер.

Спасибо также Михаэлю Тсокосу. Хорошо иметь среди своих знакомых судмедэксперта, который и после полуночи отвечает на звонки по мобильнику, когда возникает вопрос относительно конкретных формулировок при описании следов пыток в медицинской карте пациента.

Консультации по вопросам стоматологии выпали на долю прекрасного доктора Ульрики Хайнценберг. (Да, да, я скоро приду на профилактический осмотр.)

Некоторые считают это шуткой, когда я говорю, что, собственно говоря, пишу не психологические триллеры, а семейные истории, но это именно так. Истоки всего на свете, добра и зла, находятся в семье, и мне несказанно повезло, что вокруг меня существует такое чудесное сообщество: во-первых, это мой отец Фраймут, а также Клеменс и Сабина, которые консультировали меня по медицинским вопросам при написании и этой книги.

Ах да, и наконец я благодарю свою жену Сандру, имя которой, если верить словарю терминов элементарных понятий, является синонимом таких человеческих качеств, как «терпеливая», «понятливая» и «чуткая», и которую я тем самым извещаю: мы скоро увидимся, мое сокровище, я уже завершаю выражение благодарности! Пожалуйста, подготовь детей к моему возвращению к нормальной жизни; чтобы все трое снова не начали плакать, когда незнакомый дядя вылезет из своего подвала.

А в том случае, если вы собираетесь в морской круиз, а может быть, уже находитесь на борту круизного лайнера, я очень надеюсь, что своей книгой не испортил вам отдых. Я совсем не миссионерский автор. Я хочу

вас развлечь, а не наставить на путь истинный, в том числе и приведенными в книге вполне корректными данными о накоплении мусора и расходе электроэнергии на таких гигантских круизных лайнерах.

Вероятно, этим своим триллером я навсегда испортил отношения с крупнейшими круизными компаниями. После «Двадцать третьего пассажира» приглашение для авторской читки романа на какой-нибудь круизный лайнер примерно так же вероятно, как демонстрация фильма «Титаник» в кинотеатре на борту судна; но как знать, в жизни все возможно. Так, например, во время трансатлантического плавания, которое я предпринял в ноябре 2005 года вместе со своей матерью, за день до прибытия в Нью-Йорк по судовому радио было передано сообщение, что в данный момент мы находимся точно над тем местом, где затонул «Титаник». Люди устремились на палубу. И не поддавшись панике, а только для того – и это не шутка, – чтобы сфотографировать воду!

В жизни случаются самые невероятные истории, а вы, дорогие читатели, пишете чудеснейшие письма.

Если у вас есть желание, вы всегда можете связаться со мной по Интернету:

www.sebastianfitzek.de, www.facebook.de/sebastianfitzek. de – или по электронной почте: fitzek@sebastianfitzek.de.

Правда, с ответом иногда могут возникнуть задержки, время от времени я ложусь на дно. Но только для того, чтобы писать…

Большое спасибо и до свидания,
Ваш Себастьян Фитцек
Берлин
07.07.2014

P. S. Ах да, и для всех тех, кто задался вопросом, что же, собственно говоря, произошло с доктором, о котором шла речь в прологе… Там тоже было кое-что интересное…

Эпилог

«Султан морей»
Шесть недель спустя

– Может быть, нам позаботиться о том, чтобы она тоже исчезла?

Егор задал этот вопрос вполне серьезно, но хирург только устало рассмеялся. Вот уже почти двадцать минут они наблюдали за Герлиндой Добковиц с помощью камеры видеонаблюдения, которая была направлена на проход с левого борта третьей палубы, недалеко от того места, где они тогда схватили Анук. Старушенция, которая именно сегодня на рассвете отправилась на свой традиционный «обход», наверное, уже в десятый раз ощупывала своими костлявыми пальцами шов в стене, как раз в том месте, где обои были приклеены не совсем точно.

– Сейчас пять часов утра, неужели у старой карги нет дел получше? – спросил Егор, в то время как Конрадин Франц склонился рядом с ним над монитором и обдал судовладельца несвежим дыханием, противной смесью запаха джина и мятных леденцов. Пятидесятишестилетний хирург, которому нравилось, когда при обращении к нему его называли *доктором*, хотя он и не защищал докторскую диссертацию, вытер вспотевший лоб тыльной стороной ладони.

– Если она вскоре не уберется восвояси, то я уложу и ее на свой операционный стол, – изрек он недовольным тоном, хотя было ясно, что сегодня он был уже не в состоянии оперировать. Даже в том случае, если он выпил не больше своей ежедневной нормы.

– Когда мы хотели выписать Тайо? – спросил Егор, хотя сам прекрасно знал ответ.

Клиента, как хирург называл всех своих пациентов, которых оперировал на «Султане», планировалось снять с борта судна на Барбадосе, используя для этого обычную, хорошо отработанную процедуру. В шесть часов утра, то есть уже через час, сразу после входа в гавань. Завернув пациента в простыни, в контейнере с грязным бельем из корабельной клиники. На этом контейнере имелась предупредительная надпись на четырех языках: «Инфицировано, опасность заражения».

Это обстоятельство и взятки сотрудникам администрации порта должны были гарантировать, что никому и в голову не придет заглянуть в контейнер на колесиках, в котором должен был постараться уместиться

чернокожий атлет экстра-класса. Остальные клиенты, переправленные таким же способом до него, были значительно ниже ростом и не такие мускулистые, и при их транспортировке не возникло никаких проблем.

Тайо не без основания трижды улучшал мировой рекорд в беге на четыреста метров. Он пробежал дистанцию быстрее чем за 43,20 секунды. Однако, к сожалению, он оказался недостаточно быстр, чтобы убежать от нигерийской мафии, специализирующейся на ставках на спорт, которой он обещал подтасовать результаты забегов на летних Олимпийских играх. Тайо обещал мафиози, что споткнется у самого финиша. Однако в пылу спортивного состязания он забыл об этой решающей мелочи, вследствие чего мафиозный клан потерял кучу денег, поставив не на ту лошадь. И теперь они хотели, чтобы Тайо компенсировал их потери. Имелись многочисленные документальные подтверждения того, что при выколачивании долгов они особо не церемонились. Так, одному наркоторговцу они вырвали штопором правый глаз только за то, что он присвоил себе двенадцать долларов. Тайо не смог бы отделаться так дешево. Он задолжал им двенадцать миллионов.

После продажи всех своих шикарных тачек и просторной квартиры и снятия со счетов всей наличности (Тайо очень хорошо зарабатывал не в последнюю очередь благодаря контрактам со спонсорами) у него было достаточно денег, чтобы вернуть мафиози треть потерянной ими суммы. Или же самому смыться с четырьмя миллионами долларов.

Тайо выбрал последнее и зарегистрировался на «Султане».

– Пришло время называть Тайо его новым именем, – заметил хирург.

Егор нехотя кивнул. Из всего предложенного списка их клиент выбрал себе, как нарочно, имя Сэнди.

Сэнди? Егор не знал, что в Соединенных Штатах это имя носят и мужчины. Да в конце концов, какое ему было дело до жизни этого парня? Точнее говоря: почему его должна была волновать новая жизнь их клиента?

Он сделал свою работу. Он вызвал на борт «Султана» Мартина Шварца и позаботился о том, чтобы предотвратить кризис. При этом судьба Анук была ему в принципе безразлична. Егора никогда не интересовало раскрытие этого дела. Честно говоря, он даже не рассчитывал на то, что этот отчаявшийся дознаватель действительно докопается до чего-то стоящего. Собственно говоря, этот Шварц должен был сыграть роль козла отпущения. Он или Бонхёффер, наивный простачок, который до сих пор так и не понял, что в действительности происходило на его корабле. Капитан по-прежнему считал, что речь шла о спасении сделки с чилийским инвестором, при этом Егор даже и не собирался продавать свой круизный

лайнер. Висенте Рохас и его никчемные адвокаты находились на борту «Султана» только для того, чтобы подогревать слухи о продаже лайнера на бирже и тем самым способствовать повышению биржевого курса акций компании.

– От этого можно с ума сойти! – рявкнул доктор и отвлек Егора от его мыслей. Хирург так саданул кулаком по столу, что монитор даже подпрыгнул.

– Закрой свою пасть! – приказал Егор, хотя Герлинда никак не могла их услышать. Правда, она находилась всего лишь в десяти метрах от них, но помещения, расположенные на этой промежуточной палубе, были абсолютно звуконепроницаемые.

В принципе он разделял недовольство Конрадина. Действительно, от всего этого можно было прийти в отчаяние.

С огромным усилием и в самую последнюю секунду им удалось предотвратить крах их предприятия, а теперь старая ведьма снова создавала им проблемы и могла сорвать выгрузку с корабля клиента.

Когда несколько месяцев тому назад совершенно неожиданно снова появилась Анук Ламар, Егор действительно подумал, что все пропало. Бесследно пропавший «двадцать третий пассажир» не был проблемой. Такое случалось нередко, и из-за этого никто не обыскивает огромный океанский лайнер. Но «двадцать третий пассажир», который вдруг воскрес из мертвых? Это совсем другое дело. Если бы общественность узнала о маленькой девочке, здесь бы началась такая кутерьма, что все их дело накрылось бы медным тазом. Это был бы полный крах! ФБР арестовало бы корабль, и целая армия агентов в течение многих месяцев самым тщательным образом осматривала бы лайнер. Что не должно было произойти ни в коем случае. Самоубийство? Прекрасно! Серийный убийца на борту? Не возражаю! Отдел по работе с прессой как-нибудь все это уладил бы. Но если бы при досмотре судна нашли место, где компания, собственно говоря, и зарабатывала свои миллионы – промежуточную палубу с операционной, – они бы тотчас оказались в каталажке, получив пожизненный срок. Он сам, хирург – да просто все, кто хорошо зарабатывал на их частной программе по защите свидетелей и жертв. Программе, которой пользовались богачи и отчаянные личности этого мира, которые чаще всего из-за своей незаконной деятельности хотели навсегда исчезнуть с поверхности земли. Будь то угроза ареста, или уклонение от уплаты налогов, или – как в случае с Тайо – бегство от мести нигерийской мафии. И где еще можно было осуществить такое лучше, чем на огромном океанском круизном лайнере? Многоэтажный корабль без

полиции, с множеством потайных мест, где можно спрятаться. Представляющий собой замкнутый мирок, где без проблем можно подготовить к новой жизни целые семьи, которые в буквальном смысле держали курс к берегам своей новой жизни.

При этом промежуточная палуба не являлась палубой в подлинном смысле этого слова. Она состояла из множества помещений с косыми углами и искривленными стенами, как бы вложенными одно в другое и распределенными на нескольких уровнях, настолько искусно сконструированными, что снаружи неспециалист не мог ничего заметить.

Егор и Конрадин сидели перед транспортным шлюзом, потайной дверью, через которую предстояло вывезти контейнер с Сэнди. Как только наконец удалится восвояси старая Добковиц, которая находилась всего лишь в нескольких шагах от них по другую сторону стены.

– Как там, собственно говоря, поживает наш пациент в свой великий день? – пробормотал Егор, не отрывая глаз от монитора.

Как раз в этот момент Герлинда отъехала на своей коляске на метр назад, словно хотела с некоторого расстояния получше рассмотреть подозрительное место в стене.

– Отлично. Процесс заживления идет хорошо. Как это всегда бывает с натренированными клиентами, – ответил Конрадин.

Подготовка Тайо к исчезновению продолжалась больше года. Фиктивное крушение частного самолета над Гвинейским заливом, посадка на корабль в городе Прая, столице Кабо-Верде, многомесячный психологический тренинг, подготовка легенды, затем оперативное вмешательство. Он заказал полную программу, что обошлось ему в сумму около двух миллионов долларов, что составляло ровно половину его сбережений. Но это были хорошо вложенные деньги. В его случае обычные косметические коррекции ничего бы не дали. Тайо был известным во всем мире спортсменом, те, кто охотился за ним, имели связи повсюду. Его внешность должна была измениться кардинально, если он не хотел, чтобы его тотчас узнали на его новой родине. В конце концов хирургу удалось уговорить его согласиться не только на коррекцию подбородка, губ и носа, но и на ампутацию ноги. Дикая мера, однако, если хорошенько подумать, она наверняка спасет новую жизнь Сэнди. В своем бизнесе они придерживались одной непоколебимой истины: если нужно сделать людей невидимыми, они должны были навсегда порвать со своими старыми привычками. Игрок никогда не должен был появляться в казино, музыкант никогда больше не должен был брать в руки гитару, спортсмен не должен был снова бегать. Когда они только взялись за дело Тайо, сразу поняли, что

именно это будет самой большой проблемой. Человек, которого журналисты славили как мистера Ультразвук, не сможет удержаться от того, чтобы снова не выйти на тартановую дорожку на своей новой родине на Карибских островах. Как наркоман зависим от наркотиков, так Тайо не мог и дня прожить без занятий спортом. Стиль его бега был неподражаем, и уже через несколько тренировок, даже если бы он положил себе в кроссовки камень, чтобы снизить скорость, пошли бы разговоры. И молва о незнакомом гении бега, который по ночам накручивает круги на спортплощадке, быстро дошла бы не до тех ушей.

Существовала только одна возможность, чтобы наверняка уберечь Тайо от разоблачения, от мучительных пыток и смерти: нужно было сделать так, чтобы он никогда больше не бегал. Поскольку просто *не мог бегать.*

По этому поводу велись бесконечные дискуссии; всякий раз, когда уже все было готово к операции, Тайо вдруг заявлял, что передумал. В конце концов эти постоянные колебания так достали хирурга, что сразу после проведенной операции подвыпивший доктор отправился в темную, бурную ночь наверх, на так называемую палубу номер восемь с половиной, и здесь, в месте недоступном для объективов видеокамер, выбросил ампутированную ногу за борт. Непростительный проступок, который, по правде говоря, должен был бы стоить ему работы; но «хирург-косметолог в частной программе по защите жертв на тайной промежуточной палубе круизного лайнера» – это было далеко не то рабочее место, на которое претендовало много желающих. Поэтому Егор вынужден был терпеть даже злоупотребление алкоголем со стороны Конрадина, которое становилось все заметнее. Кроме того, хирург больше ни разу не допустил ни одного проступка подобного рода. Вылазка на палубу номер восемь нагнала на него самого достаточно страху, ведь чуть было не обнаружилось, что он собирается выбросить в Индийский океан отрезанную ногу Тайо. И как раз этой самой девчушкой, Анук Ламар, которая устроилась там с альбомом для рисования.

В ту ночь Конрадин отвел Анук к ее матери. Когда она уже через несколько дней после этого исчезла, хирург рассказал Егору, что уже тогда сразу почувствовал, что девочка не хочет возвращаться в свою каюту; он был уверен, что Анук охотнее осталась бы одна на палубе, несмотря на непогоду и темноту. В то время, когда все исходили еще из того, что это был расширенный суицид, Конрадин подумал, что Анук предвидела намерение своей матери покончить жизнь самоубийством. Сегодня они уже знали истинную причину того, почему в ту ночь девочка не хотела, чтобы

ее отвели к матери.

– Как такое вообще могло произойти, что эта старушенция там, на палубе, сумела раскрыть наши замыслы? – спросил хирург.

Егор простонал.

– Ничего она не раскрыла. Просто совершенно случайно она попала в самую точку. Поэтому она и ведет свои поиски не в нужном месте, а рядом с ним.

Там, где она встретила Анук.

Что за бред с этой старухой!

В результате расследования, проведенного Мартином, агенты ФБР получили в свое распоряжение труп преступника и место преступления, и даже тайное убежище Анук, поэтому им не пришлось тщательно обыскивать судно. Агенты ФБР получили ответы на все свои вопросы.

В отличие от Герлинды.

– Разве старуха не собиралась уже давно покинуть корабль? – спросил Конрадин.

– Нет, только через две недели, когда мы будем на Майорке. Как только мы снова вернемся в Европу.

– Настоящее дерьмо! – Хирург бросил быстрый взгляд на часы на своем запястье. – Мы не сможем вывезти контейнер через заднюю дверь.

Егор кивнул. Был еще один выход на лестницу, которым воспользовался хирург, когда выбрасывал за борт отрезанную ногу. Но таким путем им не удастся снять Тайо с борта судна.

– Нам придется подождать, пока не бросим якорь. Эта чокнутая должна же когда-нибудь спустить паруса и убраться отсюда. Мы можем… – Конрадин смолк на полуфразе и рассмеялся. – Вот! Наконец-то! Она сматывает удочки.

Действительно. Герлинда сдалась. Ее инвалидная коляска медленно удалялась из смотрового окошка.

Еще некоторое время Егор следил за ней с помощью передвижной видеокамеры. Потом он с довольным видом даже хрюкнул, когда инвалидная коляска исчезла в одном из открытых лифтов.

– Можно начинать, – сказал он. – Готов Тай… э-э-э… Сэнди к отправке?

Хирург кивнул и собрался уходить, чтобы привести клиента, так как Егор хотел попрощаться с ним. Судовладелец никогда не отказывал себе в этом удовольствии. Егору нравилось оценивать результат проведенной операции, чтобы сравнить, как было до и что стало после. Он наслаждался сопричастностью к этому процессу и тем, что обладал возможностью

давать людям путевку в новую жизнь.

Егор открыл бутылку шампанского, которое по этому случаю поставил на лед, и разлил напиток в заранее приготовленные три бокала. Один для себя. Один для хирурга. И последний для высокого темнокожего атлета, которому пришлось нагнуться, чтобы не удариться головой о потолок каюты, когда он, опираясь на костыли, вошел в шлюз.

В это же самое время Герлинда с разочарованием смотрела на свое отражение в зеркале лифта, она решила раз и навсегда прекратить поиски «Бермудской палубы». Сегодня она выехала на свой «обход» даже намного раньше, чем обычно, еще до восхода солнца. И что ей это дало?

Ничего, кроме проклятой головной боли.

Она решила использовать свои последние дни на борту «Султана» исключительно для отдыха.

«Проклятая «Бермудская палуба», наверное, я помешалась на ней», – призналась она самой себе и еще некоторое время ругала себя, пока двери лифта снова не открылись. Когда она выкатилась на своей коляске из лифта, то несказанно удивилась произошедшему изменению в окружающей обстановке.

Герлинде понадобилось несколько минут, пока она заметила, что ее сбил с толку цвет коврового покрытия. На ее двенадцатой палубе оно было значительно темнее. И толще.

«Я заехала не туда», – было ее первой мыслью. Потом она поняла, что произошло. Очевидно, этот лифт был неисправен. Во всяком случае, он так и не сдвинулся с места. Она все еще находилась на том же самом уровне, на котором и воспользовалась лифтом.

«Сегодня все идет вкривь и вкось», – подумала она. Чертыхаясь, она выехала из неисправного лифта, чтобы воспользоваться соседней кабиной.

Ожидая, пока откроются створки лифта, она снова посмотрела на свое отражение, на этот раз в отполированной до блеска латунной обшивке лифта. Это отражение показалось ей более приятным: ее глаза не казались больше такими усталыми, фигура была более стройной, а прическа не такой приплюснутой. Все было приятнее, красивее, мягче и гармоничнее.

Кроме двери.

Двери, находившейся сбоку от нее и открывшейся в стене, словно сама собой. И из которой в тот момент, когда Герлинда повернулась к ней лицом, выкатился бельевой контейнер высотой в рост человека…

notes

Примечания

1

От английского bug – вирус и party – вечеринка.

2

Испанская финка – тип недвижимости, включающей дом и обширный участок, который встречается в Испании и испаноязычных странах. (*Примеч. ред.*)